

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТ

Издается с апреля 1924 года.
До октября 1952 года
выпускался под названием
“Большевик”. С сентября
1991 года по июль 1995 года
журнал не издавался.

ЖУРНАЛ КОММУНИСТОВ

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА
№ 2 (1453) МАРТ - АПРЕЛЬ 2006 г.

Содержание

Документы

Ответ на резолюцию ПАСЕ от 25 января 2006 года
«О необходимости международного осуждения
преступлений тоталитарных коммунистических режимов» 3

Заявление Бюро Московского городского комитета ВКПБ 6

В. Шевелуха - Теория и опыт Первой русской революции
и победоносной Великой Октябрьской
Социалистической Революции для победы социализма
в России 8

Взгляд изнутри

В. Беленький - Дорога в никуда и как с нее свернуть.
Критические заметки о материалах X и XI съездов КПРФ 20

Культура

<i>Ю.Миронов</i> - Ремиссия	43
<i>Ю.Миронов</i> - Жизнь после смерти	52
<i>Б.Гнилов</i> - Отечественная история. Великий русский национально-культурный приоритет (Фортепианно-оркестровая композиция)	59

Спорили, спорим и будем спорить

<i>А.Бабицкий</i> - О состоятельности теории стоимости «Капитала» и её развитии	82
<i>А.Ковалев</i> - Социализм: основы, принципы, этапы и задачи	96

Документы

«Вор всегда кричит: «Держи вора»!... ..На самом деле судить сегодня нужно преступления мирового империализма, который за последнее столетие развязал две мировые войны, десятки локальных войн, геноцид целых народов Африки, Азии, Латинской Америки с десятками миллионов жертв. Осудить нужно продолжающуюся экспансионистскую жандармскую политику США в ее попытках диктовать, в том числе и военным путем, свою волю мировому сообществу.

И расследовать это должно не ПАСЕ, а независимая политически не заангажированная международная комиссия.

В условиях очередного наступления реакции левые и прогрессивные силы должны сплотиться и инициировать создание такой комиссии, дать по рукам тем, кто желает повернуть историю вспять.»...

Александр Александрович Куваев, депутат Государственной Думы РФ, Первый секретарь Московского горкома ВКПБ:

Ответ на резолюцию ПАСЕ от 25 января 2006 года «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов»

Совет Европы, очнувшись через 15 лет после развала СССР, решил поучаствовать в походе на коммунизм. У США свое хобби — международный терроризм с исламской окраской, у Европы — свой любимый призрак.

США, гоняясь за агентами Ирака по Ближнему Востоку, прозевали смену целого ряда режимов у себя под носом, на южноамериканском континенте, который определенно считали своей вотчиной. Европа тоже может лишиться зон влияния. ЕЭС уже проиграл референдум по Единой Кон-

ституции, а Совет Европы тем более не в состоянии кого-либо объединить.

Не к лицу организации, претендующей на «международный уровень» идти на поводу у прибалтийских государственных образований, которые собственного политического опыта почти не имели, а замахнулись перетрясти историю по всему миру. По своему неразумению, авторы резолюции отнесли к отличительным чертам коммунистических режимов такие признаки, как национализация, которую, как известно, периодически проводят и Великобритания, и Франция, и Италия, или, например, отсутствие политического плюрализма, под который попадают все страны с двухпартийной системой, в частности, «оплот мировой демократии».

ПАСЕ негодует по поводу подавления индивидуальной инициативы в коммунистических странах, а сама указывает национальным правительствам — что им делать. Резолюция требует переписать учебники и перевоспитать в антикоммунистическом духе молодежь. Требует создать комитеты для детального расследования деятельности коммунистических режимов, и контролю за ходом ликвидации исторического наследия идей коммунизма.

Конечно, мало кого в России волнует, какую резолюцию примет этот пережиток эпохи демократических чисток постсоветского либерализма.

Однако, следует спросить наше собственное правительство — это и есть та деятельность Совета Европы, за которую Россия отдает взнос в размере более 23 млн. евро ежегодно?

Деньги, понятно не главное, главное — честь демократического мундира. Тогда, надо уточнить, что наряду со «странами Балтии», все инициаторы сегодняшней борьбы с коммунистическим влиянием — это государства, которые во время второй мировой войны являлись сателлитами фашистской Германии.

Не потому ли резолюция ПАСЕ по осуждению фашизма, которая еще и не принята, говорит практически лишь о германском фашизме, забывая про целый ряд профашистских режимов Европы, Латинской Америки, современные фашистские партии во многих так называемых цивилизованных странах?

Не потому ли так легко «забывается», что фашизм развязал войну под флагом антикоммунизма? Что носители коммунистических идей, и прежде всего «тоталитарный»

коммунистический режим Советского Союза освободили Европу и разгромили фашизм?

Мировой общественности пытаются представить Коммунистическую идеологию как источник репрессий и международного терроризма, забывая сказать про то, что вначале был развязан белый террор в Советской России, затем агрессия Антанты унесла неисчислимые человеческие жизни, про английские концентрационные лагеря на Русском Севере, про десятки тысяч советских военнопленных, замученных в 20-е годы в Польше.

Мы можем напомнить, кто первый в Европе создал концентрационные лагеря и интернировал сотни тысяч граждан «подозрительных национальностей».

В качестве образца цивилизации всем остальным странам в пример ставят себя как раз те государства, чья история и благополучие построены на непрекращающихся войнах с ближайшими соседями и постоянных завоеваниях новых колоний.

Коммунистические страны помогали сохранять мир на планете в течение 8 десятков лет, способствовали освобождению людей от рабства, помогали возникновению свободных государств на территории Азии, Африки и Латинской Америки, поддерживали национально-освободительную борьбу по всему миру, первыми подняли вопрос о соблюдении прав человека и добивались этого на всей планете. А наши оппоненты развязали две мировые войны, десятки локальных войн, геноцид целых народов Африки, Азии, Латинской Америки с сотнями миллионов жертв, сбрасывали атомные бомбы на мирных жителей, разорили, ввергли в войну многие десятки стран мира.

Мировую общественность пытаются пугать отсутствием буржуазных свобод в коммунистических странах.

Надо заметить, что все так называемые буржуазные свободы и механизмы их осуществления были в Законодательствах СССР и его союзников. Кроме одной — свободы частной собственности. Именно ради этой «свободы» бесконечно обогащаются за счет других и ведется сегодня крестовый поход против коммунизма.

Именно угроза частной собственности на самом деле пугает господ в коммунистической идеологии. Коммунистическая идеология не дает отбирать результаты чужого труда. Она четко говорит, что распределение всего общественного продукта — прерогатива тех, кто его производит.

ВКПБ расценивает принятие данной резолюции как политическую провокацию, направленную на дестабилизацию обстановки в объединенной Европе. По существу это означает начало нового витка холодной войны.

Кто-то считает, что, проведя суд над странами и народами, отстаивающими коммунистические принципы, осудив и запретив коммунистическую идеологию, может с ней покончить. Никогда!

Замедлить процесс освобождения народов можно, временно отбросить назад некоторые страны, да. Но повернуть историю вспять — никогда.

Коммунистическая идеология владеет умами людей во всех странах мира. В ее основе — принципы справедливости, к которым стремится вся человеческая цивилизация.

Коммунизм — не просто идеология, это наука. Она не поддается чьему-то пожеланию. Она объективна и поэтому непобедима.

Самое справедливое общество будет построено. Имя ему — коммунизм.

Пресс-служба ЦК ВКПБ, т. 692-59-08

Заявление Бюро Московского городского комитета ВКПБ

25 января 2006 г. в Страсбурге Парламентская Ассамблея Совета Европы заслушала и обсудила доклад г-на Линдблада на тему «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов» и приняла по итогам обсуждения соответствующую резолюцию.

Нынешний виток антикоммунистической истерии начался не вчера, еще в июле 2005 г. г-н Линдблад с аналогичным докладом выступил (хотя и заочно, — озвучивал доклад его друг Питер Эбертз) в самой демократической стране мира США — стране, «защищающей» свободу и демократию по всему миру с помощью оружия массового поражения и особенно прославившейся атомными бомбардировками мирных городов Хиросима и Нагасаки.

Резолюция ПАСЕ от 25 января 2006 г. преследует далеко идущие планы осуждения преступлений коммунистической идеологии как таковой, а для этого предлагается развернуть кампанию по общественному осуждению «преступлений» «коммунистических» государств, постоянно проводить обличительные конференции по «преступлениям коммунизма», пересмотреть школьные учебники истории посткоммунистических стран, создать музеи и мемориалы, посвященные теме коммунистического террора и т. д. Главной целью документа видится идея уравнивания коммунистического мировоззрения с идеями фашизма.

Интерес США понятен. Гораздо удобнее обсуждать «насущенные» вопросы «тоталитарных коммунистических режимов», чем свои собственные провалы на Ближнем Востоке.

И уж совсем неудивительно, что главными союзниками шведа Линдблада (представителя страны, сумевшей договориться о нейтралитете во время второй мировой войны!), в осуждении коммунистов стали представители Латвии, Литвы, Эстонии, Болгарии, Венгрии, т. е. стран союзников и сателлитов Гитлеровской Германии во второй мировой войне. Налицо реванш сил агрессии и реакции. Известно, что идеология фашизма, это прежде всего антикоммунизм, расизм, шовинизм.

МГК ВКПБ расценивает принятие данной резолюции как политическую провокацию, направленную на дестабилизацию обстановки в объединенной Европе и попытку разделить государства на страны первого и второго сорта. По существу это означает начало нового этапа холодной войны.

МГК ВКПБ считает принятие ПАСЕ антикоммунистической резолюции грубым нарушением прав и свобод миллионов коммунистов.

Руководитель пресс-службы МГК ВКПБ Васильченко Антон Владиславович

В.Шевелуха

Теория и опыт Первой русской революции и победоносной Великой Октябрьской Социалистической Революции для победы социализма в России

Доклад Председателя ЦС РУСО академика РАСХН
В.С.Шевелухи 31.01.2006

Уважаемые товарищи!

Предшествующие первой русской революции народные бунты под предводительством Петра Болотникова и Степана Разина, выступления декабристов, революционных демократов носили стихийный локальный характер, не имели организационных предпосылок и были жестоко подавлены. В отличие от них первая русская революция имела признаки народной силы, действующей в ответ на жесточайшую эксплуатацию и многовековое угнетение народных масс господствующими слоями российского общества. По своей природе, по составу ведущих сил революция была народной, а по целям и примазавшимся к народу эксплуататорским классам она была буржуазной. Буржуазия тщательно отслеживала ход событий, была в сговоре с самодержавием, лавировала между ним и революционно настроенным трудовым крестьянством и зарождающимся рабочим классом. Испугавшись победы народных масс, она вела дело на явное поражение.

1. Причины поражения первой русской революции 1905 года.

Первая русская революция потерпела поражение, самодержавие устояло, наступил период жестокой реакции. Произошло прямое нарушение Манифеста 17 октября. Царизму помогли устоять следующие важнейшие обстоятельства:

- стихийность и крайне слабая организованность действий масс;
- неопытность революционных партий и их слабое влияние в армии;
- разрозненность выступлений рабочего класса и крестьянства и слабость их союза;

- соглашательство буржуазных партий с царизмом;
- отсутствие революционных комитетов и советов как организующих ячеек революции;
- вера в царя-батюшку.

2. Чего добилась революция?

- Вынудила самодержавие дать народу подобие конституции (Манифест) и новый избирательный закон.
- Провести новую серию реформ и отменить выкупные платежи крестьян.
- Рабочие добились повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, принятия фабрично-заводского законодательства, отражающего в некоторой степени их интересы.

3. События 1903-1905 гг. стали прологом победоносной Великой Октябрьской Социалистической Революции.

1) Они дали опыт революционной борьбы; 2) поляризовали социальные интересы и политические силы; 3) вызвали рост политического сознания масс; 4) изменили социальную психологию и мировосприятие многих жителей городов и сел; 5) подорвали незыблемость самодержавия и авторитет царя.

4. Коренным изменениям в сознании и психологии народа в значительной мере способствовали:

- насквозь прогнившая социально-экономическая и политическая система самодержавия, вошедшая в полное противоречие с зарождающимся и развивающимся капитализмом;
- столыпинские реформы по замене общинной собственности на землю и общинного уклада жизни на частную собственность на землю и единоличный уклад жизни на селе, выселение на отруба;
- усиление внешней экспансии России на мировой арене, попытка усмирения общественного недовольства внутри страны путем организации «маленьких победоносных войн» на востоке страны – в Китае и Японии. Однако русская армия и флот потерпели сокрушительное поражение в русско-японской войне при обороне Порт-Артура, Мукдена, в Цусимском сражении. Поражение России в русско-

японской войне вопреки надеждам царя на победу усилило революционное движение в стране и снизило моральный дух армии;

- вера в царя как защитника народа была расстреляна 9 января 1905 года, вошедшего в историю как кровавое воскресенье. Царь Николай II знал о решении градоначальника столицы использовать войска против мирной демонстрации, но он не принял мер для предотвращения кровопролития. По правительственному сообщению, было убито 96 человек и ранено 330 демонстрантов. В газетах была названа цифра 4600 человек убитых и раненых.

5. Великая Октябрьская Социалистическая революция совершена большевиками с учетом исторического опыта первой российской революции. Важнейшие фундаментальные выводы из опыта 1-ой революции были положены В.И. Лениным в основу теории и практики ее осуществления и построения социализма в России:

- соединение теории социализма с сознанием революционных масс;

- организующая роль партии во главе с В.И. Лениным в подготовке и проведении революции и создании первого в мире социалистического государства;

- революционные советы – основа реализации Апрельских тезисов В.И. Ленина, определивших курс на социалистическую революцию;

- предельно краткие, понятные для людей и выверенные практикой лозунги и действия.

6. Решающая роль в победе Великой Октябрьской Социалистической Революции принадлежит рабочему классу в союзе с крестьянством и солдатами, руководящей роли В.И. Ленина и его соратников, а также единству партии и социально-экономической программе вывода социалистической России из катастрофы (НЭП).

Ленин вытащил Россию из экономической катастрофы. Краткосрочность НЭПа и ускорение коллективизации резко отрицательно сказались на устойчивости социально-экономического развития СССР и сроках восстановления страны в предвоенный период.

В целом же удалось удержать темпы и масштабы индустриализации и обеспечения продовольствием и другими ресурсами в военные и послевоенные годы. Решающими

факторами в этих условиях были жесткая кадровая политика и государственная дисциплина, которые умело сочетались с научно-технической и национальной политикой.

7. Современный этап состояния и развития России отличается от всех предыдущих четырьмя важнейшими отрицательными особенностями:

- заменой социализма капитализмом;
 - вывозом капитала и ресурсов за рубеж;
 - отсутствием национальной политики во всех областях деятельности руководства страны и заменой ее программами и требованиями зарубежных консультантов;
 - потерей национальной безопасности.
- Это стало следствием:
- внутренней и внешней контрреволюции;
 - предательства национального руководства страны;
 - ошибок КПСС в кадровой и экономической политике.

8. Национальная безопасность – основные направления и пути выхода из кризиса.

Россия из могучей мировой державы в результате вероломного разрушения СССР, ликвидации социалистического строя и образа жизни советских людей и реставрации капитализма в стране ускоренными темпами превращается в третестепенную державу, теряет свою независимость и национальную безопасность. Незамедлительная остановка этого разрушительного процесса сегодня - главная задача государства, ученых и всего общества. Наибольший «вклад» в разрушение СССР, безопасности России, экономики и всей жизни внесли персонально политические оборотни Ельцин и Горбачев, а также их ближайшие сподвижники Яковлев и Шеварднадзе. Процесс разрушения продолжается и в настоящее время. Реальной силой, способной противодействовать ему, является КПРФ, другие патриотические партии и движения России.

Безопасность – главное условие устойчивого и эффективного функционирования государства. Под безопасностью понимается защищенность человека, общества и страны в целом от опасного воздействия важнейших отрицательных факторов, наносящих ущерб здоровью и самой жизни людей, экономике, механизмам государственного управления и окружающей среде. В зависимости от факторов влияния и объектов воздействия безопасность может быть военная, социально-экономическая, продовольственная, энергетическая, экологическая, ресурсная,

управленческая, информационная. Не меньшее значение имеют биологическая, медицинская, научно-образовательная, техногенная, радиационная, транспортная, духовно-нравственная, политическая, космическая, криминальная, террористическая, алкогольная, наркотическая и другие виды безопасности.

Позиция Президента Российской Федерации В.В.Путина по проблемам безопасности человека, общества и государства изложена в его посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации. Президент заявил: «Прежде всего, нас не устраивает уровень жизни людей. За время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала... Необходимо сделать все для нормальной жизни каждого человека. Мы должны общими усилиями создать безопасные условия жизни, снизить уровень преступности в стране, улучшить состояние здоровья российской нации, остановить рост наркомании, избавиться от детской беспризорности. Мы должны снизить уровень смертности, увеличить продолжительность жизни людей, преодолеть демографический спад». Так заявлял Президент 26 мая 2004 года.

«Другой серьезной проблемой – добавил Президент, – является то, что продолжает оставаться экономическая слабость России. Подрастающий разрыв между передовыми государствами и Россией толкает нас в страны третьего мира. ... Мы по-прежнему продолжаем жить в условиях прогрессирующего экономического отставания. Я прошу Вас обратить на это особое внимание, – сказал Президент. Экономический рост находится на грани риска. Нынешний рост лишь в небольшой степени связан с обновлением экономического механизма. Во многом он является результатом благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры». Сказано, как есть на самом деле. Напрашивается один важнейший вывод – Россия потеряла национальную безопасность! Налицо глубокий национальный кризис. Президент и Правительство должны принимать экстренные меры по выводу России из него, обеспечить безопасность страны по всем направлениям ее развития. Но они этих мер не принимают.

Меры по безопасности, принимаемые властью оппозицией диаметрально противоположны по своему содержанию, но однозначны по своей конечной цели – обезопасить себя от поражения и уничтожения. Оппозиция и власть используют разные методы самозащиты. Все за-

висит от целей и задач, которые они перед собой ставят, а также от того, кому они служат. Власть служит мировому капиталу и национальной олигархической буржуазии, а оппозиция защищает интересы трудового народа.

В сегодняшней России власть выкачивает национальные богатства – нефть, газ и капитал за рубеж, а оппозиция ведет борьбу за сохранение и эффективное их использование в своей стране. Власть делает все, чтобы обезглавить оппозицию в России, максимально ограничить деятельность КПРФ и других левопатриотических прогрессивных партий и движений, а затем ликвидировать их. Одновременно она кровно заинтересована в разрушении международной солидарности и взаимодействия национально-освободительных, коммунистических и рабочих партий и движений. Антикоммунизм направляется мировым капитализмом из однополюсного центра – США. В настоящее время активность антикоммунистов резко возросла.

Власти России открыто пошли в своих антинародных действиях на ликвидацию остатков социальной защиты трудового народа, на перехват инициатив КПРФ, на объявление так называемых социально-экономических приоритетных программ по здравоохранению, образованию, ЖКХ и сельскому хозяйству; на прямой обман народа в части использования стабилизационного и золотовалютного фондов, созданных за счет рыночной конъюнктуры при продаже нефти и газа.

Безопасность страны и народа складывается из суммы всех видов безопасности. Российские власти по требованию американских консультантов применили самый опасный, системный вариант разрушения российской национальной безопасности. Удары наносятся одновременно по абсолютному большинству факторов защищенности народа и страны от разрушения. Их стратегия – разрушать все сразу и надолго, лучше навсегда. Это значит, что в зону опасных разрушений попадает главный фактор – человек, безопасность человеческой жизни, его здоровье, иммунитет всей нации.

В Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года, к сожалению, не содержится ни одной статьи прямого действия, которая бы защищала саму жизнь человека. В ней есть лишь упоминание о наличии угрозы для жизни и здоровья людей.

В области энергетической безопасности. Сегодня важнейшим экономическим и научным приоритетом в мире, в

том числе в России стала энергетика. Под ней подразумевается полная независимость России в части самообеспечения важнейшими видами энергии. Даже при нынешнем уровне потребления углеводородных энергоносителей (нефти, газа и угля) их хватит максимум на 50-100 лет.

В этой ситуации главной задачей страны является частичная, а в дальнейшем и максимальная (до 50 % и более) замена невозобновляемых источников возобновляемыми. Однако правительство России продолжает увеличивать добычу и экспорт нефти и газа, объемы которых уже достигают свыше половины добываемого сырья.

У Правительства России, обладающей самым крупным в мире топливно-энергетическим комплексом (ТЭК), фактически не оказалось энергетической стратегии. Такое положение – недопустимо.

Одновременно ученые должны решить проблему замены невозобновляемых источников энергии на возобновляемые. В настоящее время для решения этой задачи наиболее реальной является атомная энергия. В структуре использования среди всех видов энергии удельный вес атомной энергии в России составляет 16 %, в США – 21 %, в ряде других стран – до 50 %, а во Франции – 80 %. Замедление темпов увеличения объемов использования атомной энергии связано с глобальной опасностью, вызванной катастрофами на Чернобыльской и других АЭС. Стопроцентной гарантии безопасности используемых и проектируемых ядерных и термоядерных реакторов наука не дает. Второй источник – термоядерный. Но его решение возможно, по прогнозам Института им. И.В.Курчатова, не ранее 2050 года. Энергия солнца и фотосинтеза в обозримом будущем не может заменить по объему нефть и газ.

Какой же вид энергии предлагается учеными в качестве экологически абсолютно чистого, неограниченного по объемам исходного сырья и приемлемому по энергетической и экономической эффективности? Таким источником ученые ряда стран и, прежде всего США, называют и уже используют в промышленных целях водород, получаемый путем электролизного разложения молекулы воды на кислород и водород. Главным препятствием на пути развития водородной энергетики является низкий коэффициент энергетической эффективности (0,8).

В области продовольственной безопасности. Сельское хозяйство России разорено до основания. Реформы его окончательно доконали. Без государственной поддержки

самостоятельно ему из пропасти не выбраться. Так заявил Министр сельского хозяйства России А.В. Гордеев. Однако Министр экономического развития и торговли РФ господин Греф так не считает. Он многократно утверждал и утверждает, что частная собственность на землю и рыночные отношения автоматически обеспечат процветание продовольственного цеха России. Поэтому из бюджета на эту важнейшую отрасль народного хозяйства выделяется менее 0,9 % от его расходной части. Инвестиции в капитальные вложения за 15 лет реформ сократились в сельском хозяйстве в два раза, с 16 % в 1990 г. до 8 % в настоящее время. Они выделяются, в основном, за счет средств самих товаропроизводителей. Валовое производство отечественной сельскохозяйственной продукции сократилось в два раза. Больше половины продуктов питания завозится в Россию из-за рубежа. В результате этого страна потеряла продовольственную безопасность и попала в зону неизбежного продовольственного, экономического и политического рисков. Попытки реанимировать агропромышленный комплекс путем объявления его приоритетом и национальной программой по сельскому хозяйству, а также подготовки проекта федерального закона «О развитии сельского хозяйства РФ» или «О продовольственной безопасности РФ» без незамедлительного крупномасштабного решения проблем увеличения доли консолидированного бюджета для развития АПК до уровня не ниже 10 % его расходной части, без решения социальной защищенности труда, жизни и быта крестьян, без восстановления сельскохозяйственного машиностроения и полной замены разрушенной и изношенной техники в сельскохозяйственных предприятиях.

Об этом и других мерах восстановления отрасли и всего АПК мною доложено в записке, направленной Президенту страны Путину «О кризисном положении в сельском хозяйстве РФ и мерах по выводу его из кризиса».

В области военной безопасности. Армия ослабла на несколько порядков. Остался ядерный и ракетный щиты государства, что и спасает пока положение с безопасностью. Чемоданчик с кнопкой удерживает зарубежных авантюристов от бездумного шага. Так называемое реформирование армии и ВМФ с опорой на наемников выбивает последнюю основу в укреплении вооруженных сил. Такая позиция власти является недопустимой. Ее надо срочно менять. Полное переоснащение вооруженных сил новейшим вооружением, восстановление воинской обязаннос-

ти и повышение профессионализма и дисциплины – необходимые меры по восстановлению военной безопасности.

В области биологической безопасности. Два главных мировых открытия в биологии, сделанные во второй половине XX века, коренным образом изменили ситуацию в управлении наследственностью организмов и вместе с ней масштабы, темпы и качество новейших биотехнологий. В первую очередь, это относится к генно-инженерным технологиям. С их помощью обеспечивается перенос эффективных генов в организмы растений и животных и резко повышается их устойчивости к опасным болезням, вредителям и стрессам. Создаются принципиально новые организмы с высоким качеством продовольственной, медицинской продукции. Генетические риски преодолеваются строго научным мониторингом и экспертизой и ограждают людей и природу от возможного отрицательного воздействия. Лишь незнание и невежество обывателей, а также всякого рода спекуляции СМИ вокруг биотехнологии и биоинженерии создают препятствия на пути развития этих наук и технологии, признанных приоритетными в XXI веке.

Но не исключено, что эти открытия могут быть использованы не в мирных, а в военных целях в качестве биологического оружия, токсических (ядовитых) и аллергенных белков. Тогда также, как и в случае с патогенными микроорганизмами и вирусами, трансгенные продукты могут принести большой вред человеку и окружающей среде. Строжайшее соблюдение правовых и научно-организационных требований федерального закона «О государственном регулировании генно-инженерной деятельности в РФ» исключает возможность такой опасности.

В области информационной безопасности. Созидательный процесс вызвал к жизни и новые опасности для человека, государств и народов. Колоссальные масштабы и скорости информационных процессов создают огромное напряжение в технологических, психологических и управленческих системах, в обеспечении безопасности в цепи: человек-природа-общество. Возрастает опасность для нынешнего поколения людей за счет возможного зомбирования и искусственно направленного влияния на человека и его сознание электронными и информационными системами. Потеря контроля над информационной безопасностью государства может быть самой катастрофической. Отсюда вывод – срочно заблокировать все пути к каналам возможных тяжелейших последствий.

В области духовно-нравственной безопасности. Этому фактору в обеспечении безопасности человека, общества и государства должно быть уделено особое внимание. Стратегический план США по разрушению СССР через ликвидацию духовной и нравственной безопасности нашей страны был предложен А. Даллесом еще в 1945 году.

Власти России насильственно завладели почти всеми СМИ, а через них управляют умами и духовной сферой большей части российского общества, поддерживая и воспитывая психологию частного собственника, всеми силами, пытаясь лишить людей чувства коллективизма, патриотизма, духовности и нравственности. Государственные и негосударственные каналы СМИ в абсолютном большинстве превратились в средства разрушения здоровой национальной культуры и психологической атмосферы российского общества. Без решительных драконовских действий, принятия строжайших федеральных законов по ликвидации морально-нравственной катастрофы теперь уже не обойтись.

В области научно-образовательной безопасности. В этой стратегической приоритетной области наносится два решающих удара – в образовании – насильственное внедрение программы Болонского процесса, в науке и образовании – переводом их на рыночные отношения и резким сокращением государственного заказа на выполнение приоритетных НИР и ОКР. В результате доля инноваций в товарной продукции страны сократилась до 5-7% при росте в ведущих странах мира до 75-80%. Устаревшую продукцию российского производства никто на внешнем рынке покупать не будет, да и на внутреннем тоже. Несколько лучше положение дел в военно-промышленном комплексе, но оно значительно хуже, чем было в СССР. Власти уготовили для России место как для страны, сползающей в группу зависимых сырьевых придатков, полуколониальных государств.

В области международной безопасности. Опасность исходит от сложившейся однополюсной структуры мира, в экономическом и политическом планах. Концентрация в одном государстве США одной пятой всех мировых капиталов, продовольственных ресурсов, производственного и научного потенциалов создает объективную возможность диктата со стороны этой страны по отношению к многим странам мира. Сохранение НАТО, расширение его сферы влияния и действия, укрепление военного потенциала и усиление агрессивности создают прямую угрозу странам

мира, в том числе и России, особенно, нашему ближайшему союзнику Республике Беларусь. Вхождение в НАТО ряда европейских бывших советских республик, ныне независимых государств, действующих вместе с США жестко и открыто против создания Союза Россия-Белоруссия, за устранение от власти Президента А.Г.Лукашенко, повышает степень опасности в действиях НАТО.

В связи с решением Политкомиссии ПАСЕ о включении в повестку дня сессии ПАСЕ вопроса по докладу Линдблата «О необходимости международного осуждения преступных коммунистических режимов» обстановка в Европе резко обостряется и ухудшается в плане безопасности государств, включая Россию. Председатель ЦК КПРФ Геннадий Андреевич Зюганов, выступивший на заседании Политкомиссии ПАСЕ, оценил эти действия антикоммунистов как «новый шаг в эскалации мировой напряженности, как реабилитацию фашизма и как помощь международному терроризму. Принятие такого документа узаконивает действие тех сил, которые играют подрывную роль во внутренней жизни существующих социалистических стран и провоцируют их дестабилизацию. Этот документ будет играть роль тотальной индальгенции для международного терроризма». Российские коммунисты принимают решительные меры для того, чтобы чудовищные действия ПАСЕ не состоялись. Активно выступают в этом отношении и ученые РУСО.

Безопасность России - центральная проблема власти, Власть не справляется с этой задачей. Жизнь россиян не защищена Конституцией. В стране идет дальнейшее системное разрушение основных факторов независимости и защищенности народа, государства и природы. Наша организация РУСО представляет собой часть российского общества и должна противодействовать доступными ей средствами такому разрушению. У нее есть фундаментальные и прикладные разработки. Мы должны активно выступать с ними, передавать их правительству для реализации. Мы должны требовать от властей действенных мер. Такую задачу мы можем выполнить при улучшении нашей активной работы и деятельности.

9. Пути завоевания власти и возвращения на путь социалистического развития.

Условия, в которых осуществлялись 1-ая и 2-ая социальные революции в сравнении с новой социальной ре-

волюцией.

- 1-я революция
 - Начало развития капитализма; феодальные отношения.
 - Рабочий класс развивается и усиливает свои позиции.
 - Буржуазия дает предательскую антиреволюционную идеологию.
- 2-я революция
 - Социалистическая в условиях развития рабочего класса и нищающего крестьянства.
- 3. Революция – в неокapитализме.
 - Рабочий класс ослаблен.
 - Крестьянство разрушено.
 - Интеллигенция колеблется.
- 4. КПРФ как главная сила революционного процесса.
 - Очередная попытка разгромить коммунистическое движение.
 - Всемерное развитие протестного движения.
 - Усиление социалистической идеологии в молодежном движении.
 - Укрепление мировой социалистической системы.

10. Особенности стратегии и тактики борьбы коммунистов и всего левопатриотического движения на современном этапе.

- Стратегия: два этапа революции – народно-демократический и социалистический; социальная база революции – на первом этапе трудовой народ + мелкая буржуазия; на втором этапе пролетариат + трудовой народ.
- Максимальное развитие протестного движения и общенациональная забастовка.
- Сочетание парламентских и силовых методов борьбы, завершающейся социалистической революцией в России.

Вывод: Новая социалистическая революция в России неизбежна. Без нее наша страна во власти капиталистов и буржуазии навечно превратится в колонию империалистических государств.

В. Беленький

ДОРОГА В НИКУДА И КАК С НЕЕ СВЕРНУТЬ. Критические заметки о материалах X и XI съездов КПРФ

В основе этих заметок лежит анализ докладов Г.А. Зюганова на X и XI съездах КПРФ. Их автор – не только лидер партии, считающей себя марксистской, но и доктор философских наук. Это не может не сказываться на характере заметок. Полагаю, что пора хотя бы в известной степени дать научную оценку теоретическим и политическим установкам руководства КПРФ. Почему хотя бы в известной степени? Потому что эта задача – не для одного человека, а, скорее, для целого коллектива. Кроме того, журнальная публикация диктует определенные ограничения. Однако ждать невозможно, и поэтому я остановлюсь лишь на некоторых из наиболее принципиальных вопросов.

X и XI съезды КПРФ тесно связаны. Но даже при поверхностном взгляде видно, что на X съезд Зюганов больше теоретизировал, а на внеочередном XI крен сделан в сторону политических проблем. Связано это с тем, что установки 2004 г. стали трещать уже в начале 2005 г. В таких случаях политики или самокритично признают ошибки, или начинают вывертываться. Похоже, что X съезд – это съезд ошибок, а XI – съезд вывертываний.

1. Анализ социальной структуры российского общества

Вопрос о социальной структуре российского общества – один из центральных вопросов политического отчета ЦК КПРФ X съезду партии. КПРФ представлена как единственная оппозиционная организация, отстаивающая интересы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции¹. Но эта фраза – не более чем штамп, одна из множества привычных фраз, которые создают на съездах компартии особый микроклимат доверия и воодушевления.

Зюганов по-новому формулирует идею, которую в разных формах насаждают в России сторонники субъек-

тивистской социологии, – о хаотическом состоянии социальной структуры нашего общества. Пишут, к примеру, что оно «не сложилось как целостный структурированный организм, состоящий из социальных групп и слоев, сознающих свои интересы и готовых отстаивать их политическими (публичными) средствами. Исчезли понятия «рабочие» и «крестьяне», отодвинута на обочину интеллигенция, не сложился как самостоятельная общественная сила средний класс...»² На первый взгляд, Зюганов говорит нечто другое: классовая структура прежнего социалистического общества уже разрушена, а структура буржуазного общества еще не сложилась. Но в действительности эти мысли очень близки. Поэтому даже самое бесспорное положение Зюганова – на «сегодняшний день в России более или менее сложился только **высший слой буржуазного российского общества – слой крупных собственников, верхушка нового класса буржуазии**» – на деле оказывается сугубо дискуссионным.

Этому слою отвешивается звучный и, как мы увидим, многозначительный комплимент: «Современная российская буржуазия смогла во многом осознать себя самостоятельным классом, понять свои интересы, цели и задачи». Но еще раньше докладчик заявил: «Правящий в России класс возник как результат симбиоза коррумпированной бюрократии, спекулятивного капитала и организованной преступности. При Путине бюрократия, мобилизовав все возможности спецслужб, стремительно подмяла под себя двух других союзников. Их союз стратегический, но конкретные условия соглашения могут различаться. Если при Ельцине был более или менее равноправным – каждый имел свою долю украденного у народа пирога, то с приходом Путина ситуация стала меняться. Бюрократия, мобилизовав все возможности спецслужб, стремительно подмяла под себя двух других союзников».

Даже доктора наук иной раз употребляют слова абы как. Зюганов, к примеру, говорит о классе капиталистов, о правящем классе, о господствующем классе. Как эти понятия соотносятся? Если правящий класс – результат симбиоза, то этот результат есть некое новое качество, которое не может быть простой суммой трех качеств (=союзников). Вопрос окончательно запутывается, когда на XI съезде вводится понятие «класс бюрократии». Причем вводится оно в поразительной форме: выдвигается лозунг ликвидации бюрократии как класса и добавляется: **хотя на деле это псевдокласс!** Перед нами эффект раздвоения лидера на остепененного гражданина (доктор философии!) и политика. Продукт раздвоения – лозунг, ос-

нованный на псевдокатегориях. Скажут: давайте пройдем мимо этого лозунга как мимо еще одного штампа. Но это, как я еще покажу, означало бы разрушить все стратегию, которую Зюганов подбросил XI съезду партии...

Безусловно, вопрос о соотношении бюрократии и крупной буржуазии сложен. Не случайно он запутан даже таким крупным социологом-марксистом, как М.Н. Руткевич³. Руткевич логичнее Зюганова и считает высшую бюрократию «второй (после крупной буржуазии – В.Б.) составной частью правящего класса». Он рассматривает во всем многообразии форм и направлений процесс сращивания бюрократии с крупной буржуазией. Но далее Руткевич впадает в странное противоречие. Без каких-либо убедительных аргументов он заключает, что «наверху» находятся все же *два разных класса* современного российского общества, имеющие как определяющие их существование *общие* интересы, так и свои *особые*, специфические, вступающие подчас в противоречия друг с другом». Чтобы доказать данное положение, автор, к примеру, пишет: «Так, буржуазия заинтересована в снижении налогов на бизнес и на себя лично». Что же делают люди «другого» класса, бюрократы? Повышают налоги? Напротив, снижают налоги⁴. Так что, собственно, доказывает Руткевич?

Учитывая наработки западной социологии и специфику формирования российского неокapитализма, рационально говорить, что в России возник *высший класс*. (Кстати, Руткевич употребляет схожее выражение *верхний класс*.) По своей природе это, несомненно, класс крупной и, частично, средней буржуазии, но кроме последней, в его состав входят крупная бюрократия и наиболее влиятельная часть менеджмента. Этому классу принадлежат огромная часть национального богатства, экономическая, политическая и, в значительной степени, духовная власть. Последняя реализуется высшим классом через сосредоточенные в его руках СМИ, издательскую базу, огромный информационно-пропагандистский аппарат, укрепление связей с РПЦ и другими конфессиями.

Сочленение крупной буржуазии и крупной бюрократии в одном классе обусловлено многими объективными факторами. Само функционирование производства, особенно в такой стране, как Россия, сейчас невозможно без единства экономической и политической власти. Но указанное сочленение вовсе не исключает различий и противоречий между элементами высшего класса.

Как бы то ни было, по мнению Зюганова, на одном полюсе российского общества находится буржуазный класс (3 – 5% населения), а на другом – **«самый низший соци-**

альный слой российского общества – маргинальная и даже люмпенская прослойка...» Строго говоря, маргиналы и люмпены – не одно и то же. Не стану, впрочем, придираться к словам, но отмечу, что за исключением политических провокаторов и организаторов штрейкбрехерства люмпенами обычно занимаются социальные работники. Ленин, во всяком случае, относился к ним негативно⁵. Зюганов же ставит задачу работать с этим социальным слоем постоянно. Ведь это 10 – 15 % населения, а от избирательных бюллетеней не пахнет.

Но не это главное. Теоретики КПРФ как бы забыли марксистское понятие «основные классы». Лидер компартии говорит: **«Между этими двумя социально-классовыми группами (т.е. между крупной буржуазией и босяками, люмпенами – В.Б.) располагается сегодня вся остальная часть общества, пребывающая в состоянии своеобразного расплава.** Эта социальная «магма» потихоньку остывает. Она очагами кристаллизуется в те или иные прослойки и группы. Однако процесс классовообразования идет медленно... В итоге социально-классовая почва в стране очень подвижна и неустойчива...» Читатель ошибется, если сочтет эти идеи новыми. Я подверг их критике еще в 1998 г.⁶ Но тогда они, наряду с другими, до нелепости «смелыми» идеями были высказаны партийным функционером Л.Петровским. Зачем же потребовалась Зюганову эта архаика? Вопрос тем более закономерен, что лидер КПРФ повторяет зады российских социологов, покинувших марксистские позиции. И Т.И.Заславская, и З.Т.Голенкова, и Л.А.Гордон, и Т. Малеева считают, что в России есть большой социальный резервуар, из которого вырастает новая социальная структура. Отличия Зюганова от этих ученых таковы:

он преуменьшает численность социального месава и дает ему иное название (не базовый слой, не слой малообеспеченных, не промежуточная группа, не промежуточные россияне, а расплав);

он считает, что в результате кристаллизации расплава в стране появятся мощные протестные силы; другие обществоведы чаще полагают, что в результате метаморфоз в социальном резервуаре сложится средний класс как фактор стабильности режима и капиталистической модернизации.

Вернемся к вопросу о том, для чего все это Зюганову необходимо. Думаю, чтобы оправдаться перед партией за стратегический провал 2003 – 2004 гг. Так, он говорит: «Нам...выстраивать свою политическую работу, опираясь на этот расплав, трудно. Все слишком зыбко.

Партия уже не раз ощущала это на себе. Не раз наши призывы, казалось бы, полностью учитывающие интересы тех или других больших групп избирателей⁷, вдруг зависали в воздухе, не находили адресата, проваливались будто в пустоту».

Поразительно, что (и как) этот казался бы искушенный политик расписывается в своей беспомощности и упорствует в своих ошибках. Если партия на протяжении длительного срока не находит адресата своих лозунгов, то она должна признать, что лозунги негодны. Но у Зюганова своя логика. Лозунги хороши, но обстоятельства неблагоприятны и массы не созрели или стали некачественными. Это не что иное, как политическое сектантство. Разумеется, его пытаются теоретически замаскировать и оправдать. Каким же образом? Пересматривая основы марксистского учения о роли рабочего класса в смене капитализма социализмом. Лидер компартии отмечает:

«Мы довольно часто говорим о рабочем классе, о пролетариате, о трудящихся. Однако все эти социально-классовые категории носят исторический характер. Их интересы, психология и поведение в разные эпохи могут быть очень разными. Особенно, когда речь идет не просто о переходных периодах в жизни страны, а о трагическом зависании общества в неопределенности, как это произошло с Россией». В деликатной форме здесь сказано, что надежды на рабочий класс нет. И это верно: партия, которая с самого своего возникновения объективно не выражала и не защищала интересов рабочего класса, рассчитывать на его поддержку не может. Зюганов думает, что КПРФ защищает интересы рабочих, но рабочие так не думают.

Помещая рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию в расплав, Зюганов демонстрирует неспособность к диалектическому анализу противоречий его бытия. Не грех бы кое у кого и поучиться. Так, Ю.В. Арутюнян считает, что предлагаемая Т.И. Заславской модель социальной структуры российского общества «не исключает принятых классических систем общественных группировок – классовой, социально-профессиональной и социально-функциональной... «Слой»...говорят о возможности известного размывания традиционных социальных границ, но не «отменяют» их. К примеру, рабочие остаются рабочими. В массе своей они представлены в «базовом» слое. Иначе говоря, признание «слоев» не нарушает, а лишь дополняет принятое понимание традиционной структуры общества, подчеркивая известную диффузию его границ как классовых и социально-профессиональных, так и социально-

функциональных...»⁸ Ю.В. Арутюнян говорит: рабочий класс есть, но он одновременно находится в «базовом слое», эволюционирует, изменяются его границы, состав, функции. Это серьезный научный подход.

А что мы находим у Зюганова? На X съезде принята попытка назвать тот социальный адрес, на который компартия будет ориентирована. Зюганов говорит: «Я бы определил его так: это производящий слой современного российского общества. Это люди, которые своим непосредственным трудом производят материальные и духовные ценности либо оказывают материальные или духовные услуги. Мы оцениваем размеры данного социального слоя в 45 – 55 процентов населения». Спрашивается, где же у Зюганова рабочий класс? В лучшем случае он запрятан в производящий слой, который опять-таки запрятан в расправ. Но в действительности все обстоит значительно хуже. Во-первых, лидер КПРФ понятия не имеет о том, каковы численность и удельный вес реального, существующего рабочего класса России. По моим подсчетам, его численность в 2003 г. составляла 28081 тыс. человек, а удельный вес среди занятых 42, 2%. Численность и удельный вес интеллигенции и служащих равнялись соответственно 33693 тыс. и 50,6%⁹. Так что производящий слой у Зюганова уменьшен едва ли не в два раза. Это так на него не похоже! С одной стороны, он, как рачительный хозяин, дорожит голосами бомжей; с другой стороны, после всех счетов-пересчетов, заявляет, что партия может объективно бороться¹⁰ за поддержку 60 – 70 процентов населения, занятого конкретным созидательным трудом. Эдак можно более 20 – 30% голосов потерять. Типа ревизских душ....

Во-вторых, о производящем слое далее сказано: «Конечно, это еще не класс. Хотя бы потому, что его место в общественном разделении труда далеко не определилось. К тому же основная часть современных трудящихся сочетается в своей повседневной жизни сразу несколько признаков социальных типов...» Производящий слой включает в себя почти 93% занятого населения – людей умственного и физического, индустриального и сельскохозяйственного труда. Можно ли представить, что в обозримом будущем у них определится общее место в разделении труда? Что касается второго аргумента (основная часть современных трудящихся сочетается в своей повседневной жизни сразу несколько признаков социальных типов), то его несостоятельность доказана М.Н. Руткевичем¹¹.

Однако главное в другом. У Зюганова получается, что

капитализм – пусть самый плохой – в России есть, буржуазия – пусть наихудшая – тоже есть, а рабочего класса нет! Когда философы с Волхонки потеряли рабочих – это понять можно: они не только рабочих потеряли. Но когда лидер компартии 28 млн рабочих теряет, он сам себе перестает верить. Стоит ли удивляться, что в 5 разделе доклада на X съезде партии Зюганов опять возвращается к проблеме рабочего класса? Он заявил:

«Главным выразителем идеи справедливости был и остается рабочий класс. Партия всегда видела и видит в нем свою основную социальную опору и массовую базу. Но рабочий класс меняется от эпохи к эпохе. И запаздывание с оценкой и учетом этих изменений стало одной из причин утраты КПСС поддержки значительных слоев¹². Нам нельзя повторять этой ошибки. Что же такое новый рабочий класс?..» И дальше следует ответ на этот вопрос. Выделяются три составные части рабочего класса:

1) производители вещественного, высокотехнологического и наукоемкого продукта – ученые, конструкторы, технологи, управляющие (!), квалифицированные рабочие, в деятельности которых гармонически сочетается физической и умственный труд;

2) производители не вещественного, программного продукта, обеспечивающего функционирование производственных систем и социальной инфраструктуры. В деятельности этого отряда трудящихся в качестве непосредственной производительной силы выступают наука, научное знание, высокое индивидуальное развитие самого работника;

3) все те, кто обеспечивает воспроизводство самого человека как субъекта труда и общественной жизни, – воспитатели, учителя, преподаватели вузов, производители услуг в сфере развивающего досуга, врачи и т.д. Поскольку именно через их труд осуществляются главные производственные инвестиции – вложения в человека, в его развитие, постольку они тоже являются производительными работниками.

Эти положения нафаршированы ошибками. Их «расшифровка» – задача на будущее: попытка полного их анализа привела бы к неоправданному увеличению объема данной публикации. Поэтому остановлюсь лишь на вопросах, имеющих особое практическое значение. К примеру, куда делась у Зюганова интеллигенция? *Она вся целиком включена в новый рабочий класс!* Это тем более удивительно, что истинный рабочий класс вошел в «новый рабочий класс» не весь: этой чести удостоены лишь квалифицированные рабочие. Естественно, что присущий

В.И. Ленину классовый подход к интеллигенции в докладе полностью проигнорирован¹³. Создается иллюзия, будто отношения между рабочими и интеллигентами – внутри-классовые отношения. Очевидное, особенно для России, различие между рабочим классом и интеллигенцией по месту в общественном разделении труда игнорируется, проблема их единства выхолащивается или сводится к частностям.

Еще более тяжелая и хроническая ошибка Зюганова – непонимание им роли и значения трудовых коллективов. КПРФ в полной мере унаследовала то отчуждение от трудовых коллективов, которое было присуще КПСС и которое стало одной из причин ее исторического поражения. В докладе Зюганова на X съезде трудовым коллективам уделено внимания гораздо меньше, чем люмпенам. Предлагается идти в них с лозунгами, которые или абстрактны или в настоящий момент безжизненны. В КПРФ не понимали и не понимают, что именно трудовые коллективы – ключ к осознанию специфики рабочего класса России и к решению стратегических и тактических проблем. Именно это приводит Зюганова к скандальному выводу: **«Сегодня массив людей труда расколот. Социальная структура общества перемалывается как мясорубкой. Ничего стабильного – все в движении. В итоге даже тред-юнионистское сознание, то есть способность осознанно и коллективно бороться за свои права, за лучшие условия продажи своей рабочей силы, недоступно подавляющему большинству российских трудящихся.** Его еще только предстоит вносить в их мировосприятие». Этот вывод распространяется и на рабочий класс России, который прошел три революции, длительный период социалистического строительства и оказался в обществе формирующегося капитализма в межеумочном положении. Люди, несущие львиную долю ответственности за это, теперь пытаются переложить ответственность на плечи рабочего класса.

В России отрицание рабочего класса и принижение его роли стало среди марксистов настоящим поветрием. М.Н. Руткевич критикует Зюганова, но в основном с ним сходится. Он фактически не упоминает о рабочем классе и предпочитает говорить о двух полюсах – меньшинстве и большинстве (люди наемного труда)¹⁴. Растворяя рабочий класс России в армии наемного труда, Руткевич отстает от многих немарксистских британских социологов, оперирующих понятием «рабочий класс», употребляемым в двух смыслах – 1) рабочие ручного труда (причем английские коллеги озабочены, можно ли, хотя бы для некото-

рых целей, включать в нее обычных беловоротничковых рабочих) и 2) члены пролетариата, т.е. «все те, кто являются лицами наемного труда или наемными рабочими, не обладающими, не управляющими¹⁵ средствами производства. Во втором значении рабочий класс охватывает намного больше трудящегося населения»¹⁶.

В.С.Семенов выставляет рабочий класс в самом невыгодном свете. Он обречен на стандартный, ординарный труд. Его удельный вес в большинстве развитых стран сокращается. Конечно, пролетарии и сейчас есть. Но они реально не являются той самой массовой и активно действующей социально-политической силой, какой были при К.Марксе, Ф.Энгельсе, В.И.Ленине. На исходе XX века интеллектуалы и интеллигенция стали наиболее передовой, массовой, влиятельной и решающей силой в составе всей наемной армии труда¹⁷. Может быть, В.С. Семенов приводит некие факты, подтверждающие авангардную роль интеллигенции? Или он может опровергнуть тот факт, что производительность физического (стандартного!) труда за столетие возросла в 50 раз?

Член РПК, д.т.н. И.Г. Абрамсон считает, что если передовым отрядом пролетариата до середины XX в. являлся индустриальный рабочий класс, то ныне на роль авангарда законно претендуют и это исторически ответственное место занимают научные и инженерно-технические работники, занятые в сфере высоких технологий. Поэтому если тогда естественно основное внимание революционеров-марксистов обращалось на работу с рабочими крупных заводов индустриальных центров, то сегодня научно-технические и инженерно-технические работники должны занять ведущие позиции перед новыми решительными схватками с мировым капиталом¹⁸. Даже если нечто подобное имеет место, то надо выяснить разницу между «должны занять» и «занимают». Кстати, сходные идеи еще несколько лет назад развивал Г.Х. Попов, разумеется, не связывая их с борьбой против мирового капитала.

Таких взглядов придерживаются не все исследователи рабочего класса. Так, М.И.Воейков считает неосмотрительной подмену рабочего класса всем классом трудящихся в качестве наемных работников¹⁹. Однако это верное положение он сопровождает целым рядом ошибочных.

Предвижу обвинения в ортодоксальности и догматизме. В действительности речь идет о том, что всякого рода новации: 1) необходимо соотносить с концептуальными принципами марксистской теории; 2) нельзя пре-

вращать в индульгенции для новаторов; 3) следует соотносить с потребностями и возможностями социально-политического процесса.

2. Зюганов в борьбе против бонапартизма

На обоих съездах партии большое внимание уделено борьбе против бонапартизма. Как же понимается бонапартизм и как предполагается его преодолеть?

Определение бонапартизма Г. Зюганов не дает, но пытается характеризовать его природу. Суть бонапартизма он усматривает в лавировании. Но в каком лавировании? Это понятие трактуется широко, туманно и противоречиво. На X съезде КПРФ прозвучало: марксизм объясняет бонапартистские режимы слабостью основных классов буржуазного общества. Это положение не выдерживает критики по ряду обстоятельств. Во-первых, оно огрубляет марксистскую трактовку бонапартизма. Во-вторых, оно противоречит фактическому отказу Зюганова от марксистского понимания основных классов общества. В-третьих, не так уж слаба российская буржуазия в изображении...самого Зюганова. Напомню его комплимент: «Современная российская буржуазия смогла во многом осознать себя самостоятельным классом, понять свои интересы, цели и задачи». А рабочий класс в его представлении совершенно бессознателен и ни на что не способен. Какое уж тут лавирование! Не случайно в палитру характеристик бонапартизма вносится такой «мазок»: почва для современного российского бонапартизма – в социально-классовой неразберихе.

На XI съезде спецификация лавирования была расширена. Зюганов подчеркнул: «**Политическая суть бонапартизма – лавирование.** Между олигархами – одних поддерживаем, других сажаем. Между региональными баронами. Между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Между двумя политическими сценариями...» Можно было продолжить: между Москвой и Петербургом, между дзюдо и горными лыжами и т.д.

Кто же является субъектом бонапартизма? Бюрократия как класс, который является псевдоклассом. Так или иначе, но экономической основой этого образования представлена коррупция. Она достигла таких размеров, что это «уже не просто беззаконие. Это особый экономический уклад...» Что такое уклад? Составная часть экономики²⁰. У Зюганова же это то, что **бюрократия изымает из экономики!** При таком подходе оказывается, что весьма самостоятельный класс буржуазии является врагом бандитского класса, т.е. псевдокласса бюрократии. Бороться с

коррупцированной бюрократией необходимо «исключительно политическими мерами»²¹. Что это за меры? Революция.

Вопрос о ликвидации бонапартизма был поставлен уже на X съезде. Зюганов говорил, что бонапартизм будет ликвидирован, но не ясно, кто и каким образом свергнет его владычество. «Либо это сделает буржуазия и поставит государственный аппарат под свой эффективный контроль. Однако олигархи явно склоняются к компромиссу с бюрократией. А мелкая и средняя буржуазия вообще никак политически не организована и во власти не представлена. Либо это сделают трудящиеся массы, которые сломают бюрократическую машину и восстановят подлинную советскую власть». Но крещендо прозвучало на XI съезде:

«300 миллиардов долларов, ежегодно отбираемых бюрократией у буржуазии, – вот объективная основа неизбежной буржуазной революции в России». Ее социально-экономическое содержание – ликвидация бюрократии как класса, **хотя на деле это псевдокласс**. «Однако исторические неизбежности бывают разные. И вовсе не обязательно, что ликвидация бюрократии как класса будет осуществлена руками самой буржуазии». Она слишком труслива. Бонапартизм тормозит развитие капитализма, но и защищает буржуазию от пролетариата». Дальше следуют несколько строк об усилении эксплуатации труда капиталом.

Что мы имеем в итоге? Нагромождение нелепых утверждений, которые пытаются представить как объективный анализ российской действительности. Россия представлена страной, где господствует бюрократия. Она противостоит всем значимым классам и слоям – буржуазии (бюрократия ее грабит и тормозит развитие капитализма), наемным работникам (иногда именуемым пролетариатом), поскольку бюрократия защищает от них буржуазию. Образ бюрократии явно пытаются скопировать с образа самодержавия, это так облагораживает деятельность верхушки КПРФ. Но у самодержавия была социальная основа в виде помещичьего класса и остатков крепостничества. А что же является социальной основой бюрократии?

На X съезде Зюганов заявил, что бонапартистский режим не висит в воздухе, он имеет свою массовую базу и опирается на ее поддержку. Что входит в массовую базу? Возможности спецслужб? Но это скорее тактическое средство. Выход был найден в подмене социальной основы режима на социально-психологическую. Конечно, выход не

научный, но удачный. Зюганов сказал, что в социально-психологическом плане поддерживающие Путина делятся на две большие группы. Первая – «иждивенцы»: ветераны, пенсионеры, льготники. Они хорошие, им, а также своей партии сказано в связи с этим немало лестного, но у них немало заблуждений. Почему я говорю, что переход от социального подхода к социально-психологическому оказался удачным? Потому что через полгода сотни тысяч пожилых носителей иллюзий и поддерживающих бонапартизм вышли на улицы и стали авангардом борьбы против бонапартизма! Социальная психология вещь капризная, на нее все свалить можно...

Вторая группа поддержки – весьма обширный мелкобуржуазный слой. Это предприниматели, ремесленники, челноки, посредники и т.д. Мелкий буржуа «в отличие от рабочего, кооперированного крестьянина или интеллигента» сталкивается с крупным капиталом, бюрократами и рэкетом повседневно. Все это верно, но не понятно, какое отношение имеет к бонапартизму; скорее, наоборот, перед нами свидетельство того, что бюрократия и крупный капитал действуют заодно.

Что же такое бонапартизм на самом деле? Применительно к капиталистическому обществу это, прежде всего, буржуазное явление. Энгельс писал: «бонапартизм – истинная религия современной буржуазии. Для меня становится все более ясным, что буржуазия не способна властвовать сама непосредственно, и поэтому там, где нет олигархии, которая могла бы взять на себя за хорошее вознаграждение ... управление государством и обществом в интересах буржуазии, – там бонапартистская полудиктатура является нормальной формой. Она отстаивает существенные материальные интересы буржуазии даже против воли буржуазии, но в то же время не допускает ее к самой власти. С другой стороны, сама эта диктатура, в свою очередь, вынуждена против своей воли объявлять своими эти материальные интересы буржуазии»²². Отсюда следует, что попытка Зюганова истолковать бонапартизм как нечто враждебное капитализму просто смехотворна.

Сущность бонапартизма раскрыта Энгельсом, который утверждал, что «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними...»²³

Если сопоставить эти положения с мыслями Зюганова, то легко обнаружить принципиальные различия между ними. У Энгельса государственная власть, осуществляемая бюрократией, есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом; это дает основание, особенно в современной России, считать верхушку бюрократии частью правящего, буржуазного по своей природе класса. У Зюганова бюрократия противостоит буржуазии. У Энгельса бонапартистский режим демагогически пытается играть роль посредника между борющимися классами, Зюганов же о посредничестве и не говорит, поскольку профсоюзы не выражают интересов трудящихся, да и борющегося против буржуазии класса для него по существу нет.

Лидер КПРФ жонглирует словами из ленинских цитат, лишая их всякого содержания. Основной исторический признак бонапартизма Ленин усматривал в лавировании «опирающейся на военщину ... государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга». Зюганов превращает равновесие между классами в их слабость. Но равновесие бывает разным. Луи Наполеон установил свой режим после Февральской революции, в ходе которой буржуазия и пролетариат действительно обессилили друг друга. Ленин же, написав приведенные слова, подчеркнул: «Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом обострена до крайних пределов...» Можно ли считать такое обострение проявлением слабости классов? Конечно, нет. Однако Ленин трактует его как социально-экономическое условие классической почвы бонапартизма. Но надо иметь в виду, что к этому условию были присоединены другие, кроме классов Ленин пишет и о *силах*: буржуазия *еще* бессильна разогнать Советы, а они протитуированы эсерами и меньшевиками и уже бессильны оказать серьезное сопротивление буржуазии²⁴.

Представления Зюганова о бонапартизме не имеют ничего общего с марксистскими представлениями. Более того, исходные теоретические принципы, которыми руководствуется Зюганов при анализе социальной структуры российского общества, обрекают его на неспособность к целостной объективной оценке соотношения социальных сил в стране. У Ленина бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии²⁵, из борьбы между буржуазией и рабочим классом. У Зюганова 1) бюрократия как субъект бонапартизма и 2) буржуазия как якобы страдающий класс противостоят друг другу как силы и классы альтернативные, а рабочего класса вообще нет. Но пролетариат, трудящиеся есть, и бю-

рократия от них (впрок?) защищает буржуазию, вследствие чего последняя труслива. Поэтому неизбежная буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России вовсе не обязательно будет осуществлена буржуазией, ее вполне могут осуществить трудящиеся массы. По этому случаю говорят и о народно-демократической революции. Это вообще любимый прием Зюганова – жонглировать словами, категориями, фразами, подменять одни другими, производить революционный шум, ослабляя или натягивая психологические вожжи.

Весь этот теоретический и политический вздор помимо всего прочего не подкреплен никакими фактами или экономическими данными. Откуда видно, что буржуазия хочет ликвидировать режим? Она этого и не хочет, и не может. Конечно, между бюрократическим и капиталистическим элементами высшего класса немало разногласий и конфликтов, однако брань на ворота не виснет. Развитие российской экономики происходит неудовлетворительно, но это – следствие курса, согласованно осуществляемого крупным капиталом и государственной властью. Руководство КПРФ, пока оно имело сильные позиции в Государственной Думе, тоже по-своему участвовало в этом согласовании. Потерпев ряд политических поражений, оно радикализировалось. И вот появляется в программе-минимум КПРФ лозунг борьбы против бонапартизма, свержения бюрократии как класса. Но К.П. Прутков не зря говорил: «Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют».

3. От соглашательства к левачеству

КПРФ – партия, которой всегда было присуще сочетание соглашательства и сектантства. Причины и формы этого сочетания – тема отдельного разговора. Отмечу лишь, что, с одной стороны, партия участвовала в одобрении беловежского соглашения, не один год подряд голосовала за госбюджеты, обеспечивала принятие таких законодательных актов, как закон «Об акционерных обществах», не инициировала ни одного закона о трудовых коллективах и коллективной собственности. С другой стороны, она как бы отстранялась от активного руководства массами. В известной степени признание в этом прозвучало на XI съезде. «В последние 10 лет, – говорил Зюганов, – за КПРФ прочно закрепилась репутация партии социальной **защиты**. Но вместе с тем в обществе возникает запрос на партию действия, партию социального **наступления**. Отсюда задача – **преодолеть дефицит решительности** и в лозунгах, и в деятельности партии. До

тех пор, пока наши организации уподобляются просителю по делам униженных и оскорбленных, до тех пор униженные и оскорбленные смогут найти ходатаев более крикливых и пробивных. На поле выклянчивания подачек мы проигрываем уже не только «партии власти», но и мелкобуржуазным партиям... (А на X съезде им же сказано, что «мелкая и средняя буржуазия вообще никак политически не организована и во власти не представлена». – В.Б.) Долгие годы мы утешали себя тем, что дальнейшая деградация России и ее населения приведет к «социальному взрыву», вернет коммунистов к власти. Оказалось, что **не приведет и не вернет**».

Эта самокритика, необычная для Зюганова, ибо речь идет не о дрязгах и склоках, а о действительно принципиальных вещах, к сожалению, слишком запоздала. К тому же она носит странный характер: признавая заблуждения в некоторых отношениях, Зюганов углубляет их в других отношениях. XI съезд, повернув **от соглашательства**, явно шагнул **в сторону левачества**. Это вполне объяснимо: многие годы по сути дела пассивной, безадресной, несамостоятельной политики привели к кризису, который пытаются преодолеть бурной деятельностью, ррреволюционностью. Сигналом стали массовые выступления «льготников», которые на X съезде были зачислены в группу массовой социально-психологической поддержки режима. Эмоции, извергаемые Зюгановым по этому поводу, вызывают противоречивые чувства. Но самое главное из них – чувство опасения. Человеку явно ударило в голову революционное опьянение. Ему чудится приближение революции. Какой? Да любой. Любого цвета (походя он ставит в один ряд «красную революцию» и «оранжевую революцию», опускаясь ниже многих буржуазных СМИ). Он придумывает некую неизбежную буржуазную (или буржуазно-демократическую или народно-демократическую) революцию, насаждая среди партийцев чистейшую политическую иллюзию. Ибо где в стране признаки революционной ситуации? Может быть, наблюдается подъем рабочего движения? Крестьянского движения? Движения интеллигенции и служащих? Или резко усилились нужда и бедствия широких масс? Или необычайно активна социально-классовая группа босяков, маргиналов и люмпенов? Увы, единственный признак **назревания революционной ситуации** (само появление в докладе этих слов граничит с политической провокацией) – организация черных сотен и начало репрессий их руками против оппозиции.

Между тем, Зюганов демонстрирует творческий

подъем в разработке проблем тактики. Он говорит: «В политике следует держаться одного «золотого правила»: авангард всегда и везде должен идти на шаг впереди господствующих в массах мнений и настроений. Не просто выражать требования масс, а опережать эти требования. Это значит, что как только лозунг подхватывается большинством, партия должна выдвигать следующий актуальный лозунг. *Сегодняшние массовые настроения известны: «Пусть богатые поделятся с бедными. Пусть власть защитит бедных от богатых. Пусть власть даст бедным льготы».*

Остановлюсь на чисто практических вопросах. Хотелось бы выяснить, что такое «большинство»? Какой лозунг, выдвинутый КПРФ, подхвачен большинством? Откуда в массах описанные Зюгановым настроения? Если это продукт усилий КПРФ, то какой оценки заслуживает партия вместе с ее лозунгами? Если же партия и ее лозунги не имеют отношения к настроениям масс, то зачем разговор о настроениях вообще вклинен в размышления о «золотом правиле»?

Зюганов критикует лозунги шмаковских профсоюзов и требует четко разъяснить, за что борется КПРФ. «Не за подачи народу без изменения отношений собственности и политического режима. А за власть и собственность трудового народа!» Однако вдумаясь, не бессмысленны ли эти требования?

Зюганов доказывает, что в России неизбежна буржуазная революция. Ее осуществит либо «буржуазия и поставит государственный аппарат под свой эффективный контроль». «Либо это сделают трудящиеся массы, которые сломают бюрократическую машину и восстановят подлинную советскую власть». В первом случае власть явно не достанется народу, что мы сейчас и наблюдаем. Что касается второго случая, то напрасно Зюганов оглуляет народ. Массам хорошо известно, что советская власть не только не сломала бюрократическую машину, но в известной степени стала жертвой последней. Чтобы власть народа стала подлинной уздой для бюрократии, эта власть должна быть основана на особых отношениях собственности, обеспечивающих реальную экономическую свободу населения. Мне возразят: так Зюганов и требует собственности народу! Но какие реальные формы собственности им предполагаются? Государственная и частная. **В условиях России обе эти формы собственности не могли и не могут обеспечить народу экономической свободы, по крайней мере если они не будут дополнены коллективной собственностью.** Вот чего

не понимали и не понимают Зюганов и руководство КПРФ. В докладах съездам нет ни слова о коллективной ответственности. Дело доходит до анекдотов. Партии нужны деньги, их надо зарабатывать. Как? Предлагаются разные способы, вплоть до сбора пожертвований и развития малого и среднего бизнеса, поддерживающего партию, но ни разу не промелькнула мысль о создании в этих целях производственных кооперативов, которые могли бы стать образцовыми предприятиями действительно народного типа. Что же касается трудовых коллективов, то они два-три раза упоминаются, но вне связи с экономическими проблемами.

Формулируя программу-минимум, Зюганов говорит: «Это еще не социализм. Это лозунги мирной народно-демократической революции» (напомню: буржуазной по своему содержанию). А далее он призывает идти в трудовые коллективы с лозунгами, среди которых есть и такой: «Капитализм – смерть России, социализм – ее спасение жизнь!» Лозунг – это не средство пропаганды, а задача борьбы, деятельности. Какое практическое значение имеет такой лозунг для трудового коллектива в современных условиях даже с позиций зюгановских установок?

Любопытна попытка анализа профсоюзного движения в России. Зюганов выделил в нем два течения: «Профсоюзы отраслей, где превалирует государство, по-прежнему остаются на позициях выдвижения экономических требований, влекущих частичное улучшение жизни трудящихся. Профсоюзы же отраслей, где рабочие и наемные работники столкнулись с подлинной капиталистической реальностью, где жестко попираются их права и ликвидироваться сами профсоюзы, приходят к осознанию политических перемен в трудовом законодательстве. В ряде отраслевых профсоюзов в повестку дня ставятся требования развития трудовой демократии(?): право вето профсоюзов при увольнении работника, отмена пресловутой «коммерческой тайны», участие работников в управлении предприятиями. То есть наметился поворот от чисто экономических к политическим требованиям».

Тезис о двух течениях в профсоюзном движении подтвержден лишь общими рассуждениями. Получается, что на крупнейших государственных предприятиях положение рабочих бесперспективней, чем на частнокапиталистических предприятиях. В действительности картина очень пестра и нуждается в специальном исследовании. Но главное даже не в этом. Если Зюганов прав, то как понимать выдвинутый им лозунг «Национализация природных богатств и стратегических производств» и отрицательное

отношение КПРФ к приватизации естественных монополий? Для кого такие лозунги и требования выдвигаются – для производителей или для делегатов съезда?

Далее, перемены в трудовом законодательстве, которые Зюганов квалифицирует как политические, – элементарные экономические и управленческие права профсоюзов даже в тех западных странах, где большинство трудящихся не состоят в профсоюзах. Что касается «трудо­вой демократии», то здесь можно лишь руками развести. Ленин в пылу дискуссии о профсоюзах отверг даже понятие «производственной демократии». Что же касается «трудо­вой демократии», то это типично зюгановское изобретение, что-то вроде сталинской «эксплоатации». Кстати, своим голосованием за закон «Об акционерных обществах» (24 ноября 1995 г.) КПРФ поставило себя в ряды душителей производственной демократии.

Наконец, Зюганов нередко сочетает верность слову марксизма и выхолащивание его духа. Он не понимает, что есть экономические требования, которые тысячекратно важнее политических. Например, требование разработки основ законодательства о коллективной собственности. Располагая много лет одной из ведущих фракций в парламенте, КПРФ даже не поставила вопроса об этом. Поэтому она и лишилась ведущего места в Госдуме.

Но ррреволюционер Зюганов движим политическим зудом. Он берется теоретизировать по вопросу о политическом авангарде. Он рассказывает о достижениях протестного движения тех, кого несколько месяцев назад относил к заблуждающимся сторонникам Путина, а затем наставительно вопрошает съезд: **«Теперь понятно, что такое политический авангард? Авангард – это те, кто самоотверженно борется за интересы своих братьев по классу, невзирая на то, что многие спят пока глубоким сном. Протестанты (начала 2005 г. – В.Б.) – не самые молодые и не самые обеспеченные люди. Но закономерности общественного подъема всюду одинаковы: сначала поднимается авангард, за авангардом – классы, а за ними – массы».**

Эйфория Зюганова понятна: полустихийные выступления «льготников» явились для него манной небесной. Но сам ход его рассуждений не выдерживает критики. Для Ленина, которому внешне поклоняется Зюганов, слово «авангард» имело два значения – партия как авангард рабочего класса и рабочий класс как авангард народа. Тысячи рабочих, женщин, детей, которые были расстреляны 9 января 1905 г., он авангардом не назвал, хотя отмечал величайшее значение их шествия. Он писал о них: «Са-

мые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренне желавшие мирно передать «самому царю» просьбы измученного народа, все они получили урок...»²⁶

Протестанты начала 2005 г. – это главным образом пенсионеры, вышедшие из рядов различных социальных слоев. Интересы братьев какого класса они отстаивали? Откуда взялись «закономерности общественного подъема» и в чем их содержание? Каким образом пенсионеры могут поднять классы, которых нет (вспомним о расплаве!)? Перед нами типичное леваческое фразерство. Впрочем, иногда Зюганова осеняет дух благоразумия. Так, народно-демократическую революцию он все же мыслит как мирную. Или ставит задачу более точного определения социальной базы КПРФ.

Как уже отмечалось, Зюганов полагает, что в России начала нынешнего столетия большинство трудящихся не доросло еще не только до *классового*, но даже до *тред-юнионистского* сознания. Его еще только предстоит внести в их мировосприятие. Для анализа этой ситуации и Зюганов, и Руткевич, и другие теоретики используют традиционные понятия «класс в себе» и «класс для себя». Эти понятия восходят к терминологии Гегеля и носят философский характер. Для социально-политических нужд гораздо лучше близкие по смыслу понятия «объективный класс» (указывает на факт существования класса) и «субъективный класс» (указывает на развитость класса, его сознательность, организованность, активность). Смешение этих понятий, подмена первого вторым – грубейшая ошибка. Но важнейшая задача марксистской партии – развитие рабочего класса и широких масс. Если эта задача неуспешна, то не означает ли это, что теоретики предъявляют к трудящимся, прежде всего – к рабочему классу, устаревшие требования? Не следует ли предположить, что российский рабочий класс резко отличается от рабочего класса большинства других стран и что классические, с точки зрения догматиков, подходы к нему обречены на провал? Не возможно ли, что сами задачи, стоящие перед силами прогресса, кардинально изменились по сравнению с задачами столетней давности? Кто разобрался и разъяснил рабочему классу, в чем состоят его действительные интересы, особенно ближайшие? Кто использовал доставшуюся в наследство от советской поры объективную форму организации трудящихся, трудовые коллективы, и можно ли сказать, что российский рабочий класс, крестьянство, интеллигенция субъективно организованы?

Если тенденции, заложенные на X и XI съездах партии, получат развитие, рабочему и демократическому движению России будет нанесен невосполнимый ущерб. Как этого избежать? Не вдаваясь ни в какие детали и не облекая свои предложения в форму рецепта, считаю необходимым обратить внимание на следующие вопросы.

1. Какими методологическими принципами следовало бы руководствоваться марксистской партии при решении стоящих перед силами прогресса в России задач с конца 80-х гг. XX в. и по сей день?

- закон отрицания отрицания;
- классовый подход;
- готовность к овладению различными формами борьбы и смене, в случае необходимости, этих форм, равно как и политических ориентаций;
- «ни в коем случае не обгонять развития масс...»²⁷

2. Кого следует считать основным социальным адресатом деятельности марксистской партии?

Трудовые, прежде всего производственные, коллективы как социальные образования, соответствующие менталитету россиян и объединяющие все основные прогрессивные силы общества – рабочий класс, большинство крестьянства и интеллигенции. С трудовыми коллективами можно сравнительно легко экономически соединить значительную часть малого бизнеса.

3. Что должно быть основным требованием программы - минимум марксистской партии?

Конвергенция двух альтернативных, но имеющих общие черты систем хозяйствования, капиталистической и социалистической, в форме объединения усилий трудовых коллективов и предпринимателей²⁸ на основе коллективной собственности. В зависимости от хода и перипетий реализации этого общенационального проекта может быть выработана и корректироваться программа – максимум.

4. Какова должна быть тактика марксистской партии?

Не стремясь к разрушению сложившихся экономических укладов, считать ближайшими задачами

- разработку правового статуса коллективной собственности;
- содействие созданию и развертыванию коллективной формы частного хозяйствования и организации экономического соревнования между коллективными, частнокапиталистическими и государственными секторами экономики на муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

По вине КПРФ осуществление курса такого рода задержалось на 15 лет. Ясно, что его реализация сейчас стала несравненно трудней. Но лучше поздно, чем никогда. Встает вопрос: может ли КПРФ осуществить такой курс? Думаю, что нет. Однако не считаю, что эту партию надо разрушать. Видимо, она сама по себе сойдет с политической сцены. России нужна новая марксистская партия.

Не знаю, как отнесется общественность к этим тезисам. Готов их обосновать, разъяснить подробнее. Уверен, что раньше или позже содержащиеся в них идеи будут востребованы.

Беленький Владимир Хононович, д.ф.н., профессор. Красноярск.

PS. Почему возможно такое явление, как зюгановщина? Очень многие сторонники Зюганова видят недостатки его руководства, видят провалы и слабости КПРФ, но закрывают на это глаза, прощают все отрицательные аспекты деятельности руководства партии, так как это единственная сила, противостоящая режиму, единственная надежда, единственный луч света. Этим настроением проникнуты даже интеллектуалы, сохранившие верность идеям коммунизма. Совершенно ясно, что они тоже несут ответственность за постепенное вырождение компартии. Хотя это, может быть, не столько их вина, сколько беда. Это первое.

Второе. В КПРФ мало кто знает марксизм. Для большинства это икона, а не предмет мучительных раздумий и не руководство к действию. Марксизм это то, что скажет творческое или умное или знающее партначество. Коммунизм может погибнуть от глупости и невежества. Особенно сейчас, когда во многих библиотеках марксистская литература уничтожается и почти не читается. Отчуждение молодежи от марксизма трагично.

И третье. Зюганов – националист или человек, использующий национализм и шовинизм. Это многим нравится. С этим связаны его заигрывания с православием. Ослабление классового подхода и усиление национализма взаимообусловлены.

1 Мной использованы газетные распечатки докладов Г.А. Зюганова на двух съездах партии (За победу. 2004. 14 июля и 2005. 9 ноября). Эти материалы используются без ссылок. Кстати, нельзя признать нормальным, что в докладах съездам партии не даются ссылки, особенно на классиков марксизма, на статистические источники и т.д.

2 О стратегии российского развития: Аналитический доклад / под ред. В.И.Толстых. – М., 2003. С. 40.

3 Руткевич М.Н. Социальная структура. – М. 2004. С. 194 – 201. Позиция автора подвергнута критике В.В. Трушковым (Социол. исслед. 2005. № 10. С. 149).

4 Руткевич М.Н. Указ соч. С. 199. Автор плохо раскрывает отличия бюрократии от буржуазии и еще хуже характеризует бюрократию как класс.

5 См., например: Ленин В.И. ПСС. Т.35. С 275.

6 См. Социально-политический журнал. 1998 № 1.

7 Порой Г.А. Зюганов проговаривается самым жалким образом. Партия должна выражать и защищать интересы не избирателей, а тех социальных групп, которые составляют ее социально-классовую основу. Если же она этой основы не видит, то ее дело безнадежно. В 2002 г. я писал, что люди, относящие себя к марксистам и коммунистам, подменяют понятие «народ» понятием «электорат» (Коммунист. 2002. № 2).

8 Социол. исслед. 2002. № 9. С. 30.

9 Российский статистический ежегодник. – М. 2004. С. 144.

10 Очевидно, писать доклад сложнее, чем жалобы на раскольников в министерство юстиции. Не потому ли текст пестрит нелепыми выражениями, как, например, «социальный слой – чиновничий аппарат»; «партия может объективно бороться» и т.д.

11 Руткевич М.Н. Указ. соч. С. 207.

12 Гораздо точнее было бы сказать, что КПСС превратила рабочий класс из ведущей силы в свадебного генерала, что привело к разрушительным последствиям.

13 В своей работе «Проблемы современной российской интеллигенции. Опыт социологического анализа» (Красноярск. 2005) я показал, что интеллигенции присущи тенденции как интеграции (она является относительно целостным социальным слоем), так и дифференциации (социально-профессиональной, социально-функциональной и социально-классовой). Наша интеллигенция как целостный слой досталась российскому обществу от советского общества. Для нее характерно преобладание дифференциации над интеграцией. Интенсивнее всего формируется буржуазная интеллигенция. Медленнее протекает становление крестьянской интеллигенции. В силу многих причин практически не происходит формирования рабочей интеллигенции. Наконец, значительная часть интеллигенции не может определиться в своих социальных устремлениях. Отсюда, а не из зюгановских фантазий, должно вытекать отно-

шение марксистской партии к социально-политическим проблемам интеллигенции.

14 Руткевич М.Н. Указ. соч. Гл. 7.

15 Зюганов включает управляющих в «новый» рабочий класс!

16 Большой толковый социологический словарь. Пер. с англ. Т.2. – М. 1999. С.118.

17 Семенов В.С. Уроки XX века и путь в XXI век: (социально-философский анализ и прогноз). — М., 2000. Гл.2 , § 1, 3.

¹⁸ <http://www.rpk.len.ru/bin/SovSocStructRu.html>.

19 Воейков М.И. Рабочий вопрос в России: начало и конец XX века // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. – М., 2004. С.23.

20 Ленин В.И. ПСС. Т.43. С. 221.

21 Ниже Зюганов, говоря о программе - минимум партии, выдвигает требование ужесточения наказаний за коррупцию!

22 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.31. С. 174. Два замечания. Во-первых, слово «олигархия» употребляется здесь не в том смысле, в котором оно ныне используется в России. Во-вторых, трактовка бонапартизма Энгельсом показательна с принципиальной точки зрения, но в то же время отражает специфику ситуации, характерной для Пруссии 60-х гг. XIX в.

23 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С.171- 172.

24 Ленин В.И. ПСС. Т.34. С. 49.

25 Там же. С. 83.

26 Ленин В.И. ПСС. Т. 9. С. 201.

27 Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 141.

28 Под предпринимательством здесь понимается функция организации прогресса производства в условиях рыночного хозяйства, осуществляемая в различных экономических формах.

Ю.Миронов

Ремиссия

В декабре 2005 года страну вновь потряс Михаил Булгаков. Судя по настойчивой предварительной рекламе, создатели сериала по его роману не рассчитывали на такой эффект. О нем с удивлением говорили в программе «Зеркало» актер Басилашвили, исполнитель роли Сатаны в фильме, и ведущий программы г. Сванидзе. Последнему это удивление простительно, он – человек относительно молодой, сфера его интересов лежит, по-видимому, за пределами русской культуры, так что он может и не знать наш народ. Но г. Басилашвили должен, хотя бы в силу своей профессии, помнить времена, когда выстраивались огромные очереди во всех кинотеатрах Союза на «Андрея Рублева» Тарковского, когда замирала жизнь во время показа «Семнадцати мгновений весны», когда в переполненных залах молодежь по нескольку раз смотрела «Судьбу человека» с Бондарчуком и «Гамлета» со Смоктуновским...

Но советский кинематограф умер, хотя живы еще его мэтры, время от времени появляются они на тусовках, получают еще какие-то премии и награды и даже иногда выпускают проходные фильмы-однодневки, без прежнего блеска и мастерства. Кинематограф как индустрия в последние годы понемногу возрождается усилиями большей частью их наследников, лишенных даже намека на таланты своих предков, и выбрасывает на экраны нудные сериалы об олигархах и губернаторах, воровских паханах и «великосветских» шлюхах, но все это с претензией на какое-то, как раньше говорили, «идейное содержание», что делает их совершенно неудобоваримыми. Не удивительно, что большой экран оказывается заполненным заокеанской продукцией – люди естественно предпочитают оригиналы спискам.

В этих условиях эффект первых двух серий, показанных в один вечер, был ошеломляющим – полтора часа прекрасной литературы в исполнении сохранивших старое

профессиональное мастерство актеров, без отвратительно пошлых рекламных вставок, которыми ныне умудряются загадить все программы, Все это было великолепно, хотя и здесь уже некоторые тенденции могли бы беспокоить внимательного зрителя. Но не сразу, слишком силен был почти неискаженный булгаковский текст. Правда, ко второй половине сериала все стало возвращаться на круги свои, и вот уже рекламный блок врежется в самую сердцевину романа, непосредственно после фразы: «Ручкописи не горят»! Я не знаю, кто решился на это святотатство, но подумайте, читатель, какова должна быть низость души этого распорядителя и сколь подлы были людишки, исполнявшие этот приказ.

Вообще-то, инсценировки литературы редко бывают удачными. Высшие достижения кинематографа основаны либо на оригинальных режиссерских сценариях, не имеющих широко известных литературных первоисточников, как, например, в случае «Андрея Рублева», либо на полной переработке исходной литературы, как это было у того же Тарковского в «Сталкере», либо на весьма бережном сохранении и включении в фильм авторского текста, как в «Судьбе человека», либо, наконец, в случае, когда литературный источник был специально предназначен для игрового показа, и режиссер строго следовал автору, как это было в «Гамлете» и как это не произошло в «Бесприданнице», в которой г. Михалков 2-ой, характерный актер средней руки, почему-то возомнил себя способным на равных разговаривать с великим Островским. Инсценировки великой прозы в лучшем случае, как это было с «Войной и миром», с «Тихим Доном», с «Хождение по мукам» служат более или менее приемлемой иллюстрацией к текстам, разумеется, для тех, кто любит картинки в книжках.

Но картинка не может полностью передать слова, хотя – вот парадокс – слово прекрасно передает образ. Это стало проявляться уже и в первой половине кино-сериала. Перечитайте у Булгакова историю счастливой любви Мастера и Маргариты, рассказанную торопливо, в немногих словах, и сопоставьте с этим текстом пошловатый видеоряд из сериала с цветами, хрусталем и томными проходами в апартаментах с евроинтерьером. Эпизоды после спектакля Воланда в кабинете у Римского, наполненные в романе нарастающим ощущением тревоги и страха, превратились на экране в некоторую юмореску с участием забавных потусторонних персонажей. Или другой пример: в сцене на террасе дворца Ирода исчезла ласточка, и осталось одно делопроизводство. Растяннутость булгаковских временных интервалов подменяется стандартно уско-

ренной прокруткой эпизодов. Исчезает тревожащая душу булгаковская мистика, и остается рационализация событий.

По мере продвижения по сериалу такие расхождения накапливаются, становятся все более чувствительными. Срабатывает указанный выше принцип слабости картинки по сравнению со словом, но и не только он. Создатели фильма (и г. Базилашвили, в упомянутом теле-интервью, в частности) объясняют, например, усиление веса карательных органов в фильме по сравнению с романом намерением сделать его более понятным современному массовому зрителю, плохо представляющему реалии 30-х годов XX века. Обыск на квартире Мастера, отсутствующий в романе, реализация, в общем, безличного руководства НКВД в образе, весьма напоминающем Л. Берия, который на самом деле в то время действовал в Грузии, и т.п. – все это имеет некоторую направленность, к которой мы вернемся дальше, а сейчас отметим, что сам аргумент о необходимости дополнительных пояснений для современного зрителя не выдерживает критики: ведь читаем же мы и «Гамлета», и «Войну и мир», и «Тихий Дон» без адаптации, даже Гомера читаем. Разумеется, для этого нужна определенная культура, которая и накапливается из чтения таких произведений, но если ее нет, то не вставлять же в толстовский текст специальные комментарии – это, все равно, не поможет такому читателю, а текст испортит безвозвратно.

Кстати, обезличенность сотрудников НКВД и сухой, почти канцелярский стиль сообщений об их деятельности в романе отнюдь не определяются только цензурными соображениями. У Булгакова их действия всегда носят характер лишь реакции на внешний импульс, исходящий от общества: позвонил Фагот про спекуляцию с валютой – пришли с обыском к председателю домкома, написал донос на Мастера Алоизий Могарыч – пришли брать Мастера, оказались голые дамы на улице после спектакля – занялись расследованием этого дела. Персонификация в фильме стирает эту подчиненность силовых структур, как говорят ныне, обществу, вернее, той его части, которая представлена в романе столь многочисленными и карикатурными персонажами – и деятелями Массолита, и высокопоставленными чиновниками, и мелкой сошкой, вроде буфетчика из Варьете, тем же Алоизием, тем же Никанором Ивановичем Босым. По сути, в романе силовые структуры являлись силой именно этих людей, хотя иногда перепадало и своим, но этого не избежать, если учесть разнородность, разнообразие интересов этого сообще-

ства.

Указывая на эту адаптацию, г. Басилашвили призывает зрителей не проводить слишком строго сопоставление романа с фильмом, а рассматривать сериал как нечто самостоятельное, существующее параллельно с булгаковским текстом. Да возможно ли это?

Булгаков называл свое произведение романом о Дьяволе. Вот он явился жарким летом в Москве с небольшой свитой, мрачноватый, уставший от веков существования и, казалось, облеченный неограниченным могуществом. Его явление должно бы помочь автору раскрыть перед читателем некое постоянство, неизменность мира

Не это ли тема романа?

Трудно понять гения. И при втором, и при третьем прочтении улавливаешь в тексте все новые и новые уровни мысли. И никогда нет уверенности, что достиг окончательной глубины. Вот Воланд – да так ли уж он всемогущ? Ну, может перебросить человека мгновенно из Москвы черт знает куда, ну, может проделать некоторые фокусы и имеет допуск к книге судеб. Но не он решает судьбу человека, не может он изменить его и даже просто убить. Прокуратор Иудеи обладал вроде бы большим могуществом: он своей властью, не рассчитывая расположения планет и не заглядывая в книгу судеб, отправил на крест Иешуа и приказал зарезать доносчика. В этом месте теолог в один голос с Иешуа мог бы возразить, что не прокуратор был властен оборвать волосок, на котором подвешена жизнь, он был лишь слепым орудием в руках высшей силы, но тогда, читатель, о чем же думал Понтий Пилат на протяжении двух тысяч лет, глядя на лунный свет?

Что-то не вяжется здесь, и вряд ли Булгаков не заметил бы этого, ведь он несколько раз подчеркивал это бессилие Воланда: даже платочек Фриде отменят лишь по приказу королевы на час, без утверждающей подписи Месира.

Нет, не подходит Дьявол на роль вершителя судьбы человечества.

Но и власть носителей света проявляется в полной мере лишь за границей существования человека. В этом же мире человеку приходится решать все самому, и его душа является ареной борьбы темных и светлых сил. Именно на этом основана личная ответственность человека.

Я написал это слово – «ответственность», но сразу возник вопрос: перед кем? Казалось бы, ответ очевиден, ведь есть посмертный суд, система исполнения наказания во главе с г. Воландом, представленная в романе, и, по-видимому, система воздаяния, лишь мельком в нем упомя-

нутая. Неужели столь тривиален смысл этого великого произведения?

Но это смотря по тому, как читать. В упомянутой выше телепередаче «Зеркало» два солидных «интеллектуала» пришли к заключению, что содержанием романа является борьба со сложившимся тогда в России строем, «со сталинизмом и, вообще, фашизмом» - цитирую по памяти, кажется, так выразился г. Басилашвили, а г. Сванидзе высказался в том духе, что это вполне естественно для Михаила Булгакова, бывшего белого офицера. Верность белому знамени выглядит особенно забавно по отношению к автору «Белой гвардии» и «Бега», но таким образом эти господа сводят великий роман к уровню писаний гг. суворовых и солженицыных. Не в том ли подлинная цель той намеренной адаптации якобы к уровню современного телезрителя, о которой заранее, иногда даже слишком навязчиво, позаботились создатели сериала?

Конечно, Булгаков не был сторонником советской власти, он не скрывал этого и просил разрешения на эмиграцию. Но советскую власть не любили, да и не любят очень и очень многие: от Адольфа Гитлера до г. Сванидзе, и что же? Великий роман равно пригоден для всего этого подмужества? Или для какой-то части его?

Булгаков в романе как бы ставит скобки от Христа до советской власти, заключая в них две тысячи лет, и в начале этого интервала словами Иешуа покрывает весь временной ряд общей оценкой: «...всякая власть является насилием над людьми...». Роль Иешуа, человека, а не бога, является центральной в романе, потому что именно с ним ведет спор автор романа.

Для телесериала роль эта была ключевой, поскольку от нее идет отсчет всех остальных персонажей, Иешуа Гануцри является в романе мерою всех людей и событий, и надо сказать, что эту роль прекрасно исполнил артист Сергей Безруков. Это - роль человека, абсолютно цельного и увлеченного открывшейся ему истиной, которую он готов нести людям несмотря ни на что, даже не в силу особого упорства и стремления к самопожертвованию, как это бывает среди многих убежденных людей и просто фанатиков, а потому что эта истина слита с его душой и неотделима от нее.

Такое понимание Христа лежит в русле русской этической мысли, оно практически полностью совпадает с пониманием Льва Толстого, который видел в Сыне Человеческом одного из многих великих людей, развивавших, как он говорил, науку наук, имевшую «своим предметом знание того, в чем назначение и потому истинное благо каждого

человека и всех людей. <> Такова была наука Конфуция, Будды, Моисея, Сократа, Христа, Магомета и других...».

«И из голоса совести, и из разума, и из соображений того, что говорили им прежде жившие и современные люди, задававшие себе те же вопросы, - писал он в статье "Так что же нам делать?" в конце XIX века, - эти великие учителя выводили свои учения, простые, ясные, понятные всем людям и всегда такие, которые могли быть исполняемы». И именно носителем такого учения предстает в романе Иешуа.

Булгаков вкладывает евангельские тексты в его уста в интерпретации Толстого. В цитированной выше фразе о власти как о насилии автор романа даже не дает себе труда развернуть обоснование отрицательного смысла этого определения, полагая, что читателю известно, что «единственным признаком благости дела есть то, что люди свободно исполняют его. Дела же, к которым люди должны быть пригоняемы силою, именно вследствие этого насилия и перестают быть общими и благими», как пишет Толстой в той же статье.

В толстовском духе звучит и рассуждение Иешуа о добрых людях («злых людей не бывает»), что, конечно, выходит за пределы канонических церковных текстов, различавших скорее праведников и грешников... Это логически очень важный момент, поскольку на таком свойстве человеческой души основаны надежды на этический прогресс человечества. И в начале очерченного выше временного ряда Иешуа дает прогноз на будущее (решивший его собственную судьбу): «...настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть».

Это не церковная басня о втором пришествии, страшном суде и воскресении из мертвых. Это прогноз о реальной самоорганизации человечества в этой жизни, без всякой мистики и архангелов, трубящих в медные трубы, прогноз, который только и может дать этический смысл исторической деятельности человека.

Но на пути к этой самоорганизации главным препятствием стал сам человек, такой, как он есть на самом деле, его глупость и его пороки, его духовная лень и его себялюбие. Невозможно идти к этому светлому миру без этического очищения человека. И этот прогресс, по мнению Льва Толстого, вроде бы идет: «...жизнь человечества движет рост сознания, движение религии, более и более ясное, общее, удовлетворяющее всем вопросам понимание жизни...» - записывал Лев Толстой в дневнике в 1898

году. В нем в качестве творцов участвуют в той или иной степени все люди: «Все живые люди задают себе вопрос: как помирить свое требование блага личной жизни с совестью и разумом, и из этого общего труда вырабатываются медленно, но безостановочно новые, более близкие к требованиям разума и совести формы жизни» (“Так что же нам делать?”).

Процесс этот медленный еще и потому, что старые формы жизни, старые установления препятствуют ему, удерживая в человеческой душе накопления прошлых, несовершенных форм жизни. Бытие определяет сознание, поэтому для людей дела, а не слова, реформаторов и революционеров, очевидным способом ускорить движение человечества к царству Разума и Свободы является изменение форм человеческого бытия, организация его на новой, разумной основе, позволяющей путем воспитания и селекции взрастить поколения новых людей, лучше подготовленных к разумной организации жизни.

В европейской культуре эта традиция восходит, конечно, к Платону, к его проекту идеального города-государства. У Платона человеку также изначально как бы присуще стремление к истинному, божественному благу, а свойственные людям пороки порождаются и поддерживаются, в основном, несовершенными формами общественного бытия. Именно для преодоления их и для удержания сограждан будущего города от пороков великий философ предусмотрел систему организационных и идеологических мер, обобщая пестрый опыт греческих полисов за несколько сот лет.

Разработки великого мыслителя не остались лежать в запасниках политологии в ожидании большевиков, а в отдельных своих частях широко использовались европейцами на протяжении почти двух с половиной тысяч лет. Их реализации можно заметить и в организации церковной иерархии с ее системой монашеских орденов и священной инквизиции, и в сословных монархиях, и в системах так называемых сдерживаний и противовесов в либеральных представительных демократиях, - везде, где действуют более или менее оформленные структуры контроля и управления мнением и социальным поведением массы людей.

Хотя этот вопрос заслуживает отдельного разговора, отметим здесь лишь, что прямые аналогии между реальными структурами советской власти и проектными наметками платонова полиса очевидны. Да и сами вожди революции на всех этапах ее семидесятилетней истории ставили главной задачей воспитание нового советского

человека, настроенного коллективистки, с новым, коммунистическим отношением к труду.

И вот неоплатоники в кожаных куртках с маузерами в кобурах начали после 1917 года осуществлять ускоренный переход к этому новому будущему человечества.

Следует сказать, что принудительно ускоренный переход а priori не кажется невозможным. Даже такой скептик, как Зигмунд Фрейд с сомнением обсуждал все «за» и «против» в этом вопросе. Приводя доводы большевиков, состоящие, по сути, в том, что «...пока люди по своей природе не изменились, необходимо использовать средства, которые действуют на них сегодня. Нельзя обойтись без принуждения в их воспитании, без запрета на мышление, без применения насилия вплоть до кровопролития, а не пробудив в них тех иллюзий (Фрейд называет “иллюзией” возможность построения в будущем общества без тренировок и принуждения), нельзя будет привести их тому, чтобы они подчинялись этому принуждению добровольно», он, с одной стороны, признавал, что «переворот в России, несмотря на все прискорбные отдельные черты, выглядит все же предвестником лучшего будущего». Но с другой стороны, серьезные научные основания вынуждали его предоставить решение проблемы опыту. «К сожалению, ни в нашем сомнении, ни в фанатичной вере других нет намека на то, каков будет исход эксперимента», - писал он в последней, 35-ой лекции «Введения в психоанализ», примерно, в те же годы, когда Булгаков писал очередную версию романа о Дьяволе.

Фрейд не дожил до исхода этого великого эксперимента на одной шестой части суши, но, не дожидаясь этого исхода, Булгаков своим великим романом показал отрицательный результат эксперимента. Многоступенчатая система контроля и воспитания, построенная в советской России по образцу иерархии правителей и стражей Платона, не сработала, и всего лишь за два десятилетия заполнилась будущими клиентами г. Воланда, в значительной степени подчинившими эту систему своим интересам. Причем этот эксперимент, по Булгакову, не удался не в силу случайных, привходящих причин, а в силу ложности исходной предпосылки, с которой выступил Иешуа, и которая только и позволяла надеяться нашим неоплатоникам на успех, предпосылки о том, что каждый человек изначально добр. «Итак, Марк Крысобой, холодный и убежденный палач, люди, которые, как я вижу, <> тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими присными четырех солдат, и наконец, грязный предатель Иуда – все они хорошие люди?» - саркастически

спрашивает Пилат, и читатель, говоря откровенно, солидаризируется в этом сарказме с прокуратором.

Роман глубоко пессимистичен, и огромная разрушительная сила этого пессимизма была обрушена, в первую очередь, на идеологические построения советской власти. Его воздействие на менталитет советской интеллигенции, когда он стал доступен достаточно широкому кругу, как, наверное, помнит первое поколение его массовых читателей, было всеподавляющим. И тем не менее, это только одна, внешне очевидная цель в области поражения романа.

Взяв в скобки романа две тысячи лет, Булгаков эмпирически, без обращения к теоретическим построениям, разрушает и толстовскую модель исторического развития нравственности. Через две тысячи после нового завета Воланд задумчиво констатирует: «...они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... <> Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних...». И проповеди гениев, и незаметный (по Толстому) нравственный поиск и труд многих поколений уходит в песок, не оставляя следа в природе человека, лишая смысла исторический процесс, лишая его цели.

Пессимистическая концепция романа, таким образом, разрушительна для любого «цивилизованного» общества, она выводит читателя за рамки одномерности допустимого пространства дискурса, как говорил Маркузе, того пространства идей, в котором ныне барахтаются все массовые политические концепции. Правда, создатели сериала попытались, как мы уже указывали выше, канализировать эту разрушительную силу в направлении лишь советской власти специальным редактированием и вставками, особенно заметными в заключительных сериях фильма, но гений Булгакова откровенно сопротивляется этому.

Само обращение к этому роману было стратегической ошибкой со стороны власть имущих: роман этот уже два три десятилетия мирно пребывал в ранге классики, и молодые поколения все реже читали его. Появление сериала вызвало взрывной интерес к первоисточнику, а он ведь не отредактирован... Его глубокий пессимизм ставит каждого читателя перед личным выбором, а полный безнадежности взгляд Булгакова на историю человечества лишает его возможности уйти от личных решений под защиту какой-нибудь концепции более или менее гарантированного исторического прогресса в надежде, что, если не мы, то наши потомки обязательно увидят небо в алмазах.

Закрыв последнюю страницу романа, читатель остаёт-

ся наедине с вопросом: а сам-то он кто? Один из этой пошлой толпы жрущих и пьющих потенциальных клиентов г. Воланда? Или духовно сокрушенный тихий поклонник лунного света? И, может быть, появиться у такого читателя единственно достойная человека мысль – встать против этого мира, как бы безнадежным ни казался этот порыв:

«Я не первый воин, не последний...»

К тому же истинное познание никогда еще не давало человеку окончательных ответов, и только личный опыт каждого может быть для него убедителен.

Но, возможно, автор этой статьи заблуждается, и интерес к судьбе Мастера и Маргариты, возникший на волне просмотра сериала – просто легкая рябь на болотистом озере нашей культуры, нечто вроде ремиссии безнадежно больной русской интеллигенции, как и сам сериал – лишь случайная судорога остывающего тела нашей кинематографии.

Юрий Миронов

Жизнь после смерти

В октябре в субботний вечер, ближе к полночи по каналу «Россия» показали последний фильм Кшиштофа Занусси «Persona non grata». Это, как говорят теперь, знаковое имя из плеяды польских интеллигентов-шестидесятников, активно выступавших за возвращение Польши в западный, «цивилизованный» мир в тесном сотрудничестве с «Солидарностью» Леха Валенсы. Из четырех десятков созданных им фильмов, некоторые из которых были отмечены весьма престижными премиями, около десятка шли в широком прокате в Советском Союзе, так что имя Занусси было известно и у нас задолго до проникновения на наш рынок фирмы по производству бытовых приборов его родственников из Италии. Однако в перечне фильмов этого режиссера, представленном на сайте <http://m-m.sotcom.ru/avtors/zanus-f.htm>, последний датируется 1995 годом. Столь длительный перерыв, возможно, связан с полной самоликвидацией польского кинематографа, осуществленной в период реставрации усилиями самих польских кинематографистов, в том числе, и под руководством Анд-

жея. Вайды, возглавлявшего тогда эту отрасль польской культуры.

Это, в общем-то, не радует, поскольку польский кинематограф был все-таки заметным явлением мировой культуры, о чем свидетельствуют имена и самого Вайды, и Занусси, и Цибульского, и Барбары Брыльска и многих других, но это - факт, его вынужден признать и сам Занусси еще в 1997 году, характеризуя в своей лекции, прочитанной при открытии Театральной академии в Варшаве, происшедшие перемены, как «катастрофу» (<http://m-m.sotcom.ru/11-13/zanussi.htm>). Впрочем, сами мэтры не очень пострадали в этой передрыге. Их приняли в западный шоу-бизнес, может быть, не на первые, наиболее доходные роли, но с достаточным для приличной жизни обеспечением. Сам Занусси пробовал свои силы в коммерческом кино в Голливуде. Не могу сказать, читатель, насколько успешным был этот опыт в кассовом или художественном смысле, но сам режиссер понял, что этого опыта с него хватит («Ради чего я снимаю фильмы?», 1999 г., <http://m-m.sotcom.ru/14-16/zanussi.htm>). Это хорошо, что ему, такому талантливому человеку, и без этого хватало, но, обращаясь к молодым слушателям Театральной академии, Занусси предупреждает, «что настоящим общественным положением артиста является безработица» и «что работа является божьей милостью, и ее нужно принимать, как что-то сверхъестественное, а не как то, на что мы имеем право». В начале шестидесятых годов, когда молодой Занусси изучал сначала физику, а затем режиссерское искусство, ему никто таких нотаций не читал.

В 90-х годах Занусси все же находил спонсоров, правда, занимаясь больше документальным кино (в том числе, отметившись и на российской тематике фильмом «Ельцин - Моя Россия», снятом в 1991 году совместным производством ФРГ-Франция-Польша-Россия), но уходя все больше в область так называемого «элитарного» кино. Есть такой способ подкормки заслуженных деятелей искусства, позволяющий им изредка снимать не очень дорогие фильмы, заведомо предназначенные не для широкого проката, а для удовлетворения потребностей некоей «элиты», якобы ценителей «высокого искусства». Однако острый взгляд художника не позволяет Занусси полностью поверить в эту мистификацию: «у меня создается впечатление, что среди зрителей (элитарных произведений - прим. Ю.М.) доминирует потребность участия в эксклюзивном клубе, опознавательным знаком которого является присутствие на художественном ритуале - пишет он в статье «О пользе беседы за столом». - То, как этот ритуал

или творение отображает мир, стало вопросом, похоже, второстепенным, в то время как подлинная жизнь искусства полностью зависит от этого качества».

Тем более нам показалось интересным возвращение мэтра к разговору с широкой публикой на профессиональном языке кинематографа в новом, недавно снятом фильме. Этот фильм снимался в Варшаве, Москве и Монтвидео и опять, судя по прессе, оказался не кассовым, хотя и к собственно «элитарной» зауми его отнести нельзя, скорее это разговор с широкими слоями польской интеллигенции одного из прежних ее идеологов и кумиров. Фильм - самооправдание идеолога, нечто вроде разбора полетов и обсуждения причин катастрофы.

Герой фильма – пожилой диссидент-шестидесятник, получивший за свои прежние заслуги в диссидентстве (в фильме используется термин «в подполье», хотя в нашем, русском понимании с польским подпольем ассоциируются куда более серьезные вещи) почетную, но как оказалось довольно хлопотную должность посла в Аргентине. Но и на таком удалении от родины просматриваются все кризисные черты современного ее положения. Несмотря на «демократическую революцию» старые аппаратчики не сошли со сцены, а просто ушли в тень, на вторые роли, сохраняя между тем возможность воздействия и противодействия. В новом аппарате прежние товарищи «по подполью» погрязли в бюрократических играх, опять все решается на основе личных связей и знакомств, а страна шаг за шагом проваливается в своих амбициозных проектах в конкуренции на международном рынке. Где-то за кадром на совещаниях в министерских инстанциях еще звучат слова о необходимости привлечения интеллигенции для возрождения страны, но реальность такова, что молодежь предпочитает работать в стриптизе в кабаках Южной Америки, а если и планирует возвращение, то только накопив достаточный капитал, чтобы открыть ночной бар в родном городе. «Вы думаете, в Польше не хватает только ночных баров?» – бросает посол риторический вопрос, риторический, потому что послу нечего предложить молодому собеседнику, не призывая же его применить свою молодую силу, например, к модернизации металлургического комбината в Новой Гуте?! Не за это же они боролись в своем «подполье».

Собственно в этом видеоряде нет ничего нового для Занусси, он и подбирает его как-то отрывочно, скороговоркой. В своей публицистике он давно прошел эти печальные обобщения, и в более контрастном виде. Говоря о реализованном «светлом будущем» в эссе «Принимает-

ся ли в расчет в нашем искусстве мораль?» он откровенно признает, «что в рыночном мире, в котором мы живем, мерой ценности является монета. Мы можем к этому факту относиться отрицательно, а можем пытаться примирить мораль с деньгами. Выводы, являющиеся следствием такого утверждения, для нас, людей творческих профессий, достаточно ужасны и угрожающи». Состояние своего отечества он оценивает достаточно пессимистично. «Это страна людей, наименее образованных в Европе. Это неприятная, обидная и, может быть, даже трагическая информация, у нас малоизвестна. Это скрывалось от нас в течение всего периода, пока Западная Европа делала огромные шаги вперед в области всеобщего образования. Мы же остались с наименьшим количеством лицеистов и с наименьшим числом людей с высшим образованием».

Занусси убежден: «Мы живем в стране, в которой люди имеют очень низкие культурные потребности...». И фильм является выражением его художественного понимания мира, причем это понимание преломляется через сознание пожилого, уже уставшего от жизни человека, только что пережившего трагедию смерти жены, человека, уже привыкшего пить в одиночку.

Посол как бы уже выпал из жизни, и окружающие его яркие экзотические картины и происходящие на их фоне иногда достаточно бурные эпизоды уже не проникают вглубь его рассеянно текущих мыслей. При его появлении на экране эти картины и эпизоды как бы обтекают его, и тон повествования остается ровным, несколько затянутым, как бы подернутым легким туманом. Нет, посол не остался весь в прошлом, как это бывает иногда с очень пожилыми людьми, он в настоящем, и даже пытается иногда изобразить активное действие, в общем-то, не нужное и не только ему, но и вообще никому, бесполезное по своей сути, как если бы его делал в свое время давно умерший человек. Получилось так, что герой чужд этому миру, но этот мир был построен им самим, и менять его уже не на что. И автор с затаенной грустью следит за своим героем.

Но все эти тягучие, замедленные ритмы фильма взрываются, когда режиссер сталкивается с проблемой взаимоотношений с Россией. Говорят, старая любовь не ржавеет, но и старая ненависть не умирает, и Занусси демонстрирует это в двух взрывных, резко прорисованных сюжетах, представив русскую девочку, жену молодого польского дипломата, патологической проституткой и дав возможность г-ну Михалкову 2-ому в роли высокопоставленного российского чиновника смачно сыграть самого себя. Если добавить к этому эпизод трогательного патер-

нализма по отношению к заблудшей украиночке, завершающийся целованием руки ясновельможного пана, то в фильме ясно прорисовывается устойчивый антирусский комплекс, лежащий в основе менталитета польских мелких горожан (мелкой буржуазии, мещан) и польской интеллигенции в том числе. Этот комплекс ненависти к России, действующий как побудительный импульс уже на уровне подсознания, остается жить и после отмирания всех других идеологических конструкций, выстроенных на нем либералами-шестидесятниками, и продолжает порождать строительство новых конструкций.

На первый взгляд, этот комплекс не имеет рационального объяснения, так шатки его исторические обоснования. Иногда его происхождение выводят из навязанного якобы Польше социализма, или из Катюни, или из трагической истории Варшавского восстания, но это все рационализации по Фрейдю подсознательного импульса: антирусский комплекс значительно старше. Можно отнести его причины еще дальше в прошлое и связать с разделом Польши в XVIII веке, но и это - рационализация, ведь забывают при этом, что раздел (кстати, мирный) был результатом сговора трех лиц, как говорят сейчас, немецкой национальности, в равной мере поимевших выгоды от этой сделки. И далее в течение полутора столетий этот раздел поддерживался волею трех правителей, немцев по национальности, и лишь свержение немецкой династии в России открыло путь к возрождению независимости Польши. Но не сформировался же на этой основе устойчивый антинемецкий комплекс в польском менталитете. Более того, в цитированном выше эссе «Ради чего я снимаю фильм?» у Занусси проскальзывают нотки ностальгии в рассказе о прадеде, строившем железные дороги от Венеции до Кракова, оставаясь «на территории той же империи» (австро-венгерской, конечно, читатель, в которой предки мэтра - поляки и итальянцы - находились на положении вроде бы угнетаемых нацменьшинств).

Таким образом, антирусский комплекс не так уж связан с разделом Польши, как таковым. Как писал Пушкин, «это спор славян между собою, домашний, старый спор...». Но вот незадача, со многими «спорила» Россия, и жестоко, например, с Турцией и Францией, но не чувствуется в культуре этих народов антирусского вектора ненависти. И отношения с Германией были временами ох-как тяжелы, но вот прошло более полувека после Отечественной войны, и антинемецкие настроения сохранились в какой-то мере лишь в поколениях, лично помнящих это время. У молодежи таких комплексов уже нет.

Дело не в самом споре, ожесточение проистекает из его целей, ведь, обратите внимание, читатель, у Пушкина этот спор асимметричен:

Кто устоит в неравном споре:

Кичливый лях, иль верный росс?

Славянские ль ручьи сольются в русском море?

Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Таким образом, спор шел о выживании России, а не Польши. Поляки пришли на Русь, разгромленную монголами, уже не способную к обороне, пришли не как завоеватели, а как колонизаторы. Они вымели остатки верхних слоев русского населения в захваченных ими областях, заместив их шляхтой польского происхождения, и на протяжении нескольких столетий вытравили все русское в культуре захваченных областей. В результате, даже былины, относящиеся к киевскому периоду Руси, были записаны позднее на русском севере. За столетия господства в польской шляхте сформировалось презрение к русским крестьянам как к рабам, недочеловекам, они и своих-то холопов считали неполноценными людьми. Это же презрение распространялось и на население областей к востоку от их владений, наступление на которые первые столетия сдерживалось лишь страхом перед татарской конницей, так что вопрос Пушкина о судьбе русского моря - отнюдь не поэтическая гипербола.

Победа России в этой многовековой борьбе, победа тем более невыносимая для польской шляхты, что ранее презираемый ею противник (Пушкин недаром использовал определение «кичливый») стал над нею, стал господином, не могло не вызвать ненависти к нему, которая позднее была полностью унаследована буржуазными слоями польского общества. Правда, правительство Екатерины II пыталось смягчить ситуацию, сохранив за шляхтой все экономические права, которыми она пользовалась в Речи Посполитой, в форме привилегий, недоступных русскому дворянству, но это не возымело действия.

В то же время на территориях, отошедших к германским государствам, среди верхних слоев польского населения не было подобного неприятия новых властителей, ведь шляхта никогда не смотрела на немецких феодалов сверху вниз, скорее наоборот. В новых условиях и шляхта, и буржуазные слои стремились вписаться в давно сложившиеся структуры германских феодалов и буржуазии и стать в них вровень с коренными жителями. Этому также способствовало католичество, господствовавшее в империи Габсбургов и достаточно распространенное в Пруссии. Немецкая миграция в польские земли вела к сближе-

нию феодально-буржуазных слоев этих наций и постепенному развитию процесса ассимиляции поляков.

Сходные явления наблюдались и в некоторых других славянских землях, давно вошедших в состав германских государств (например, в Чехии и Моравии), что привело к возникновению в немецкой среде мнения о нежизнеспособности славянских народов, которое разделял и Карл Маркс.

После Октября антирусский комплекс приобрел в возрожденной Польше новую рационализацию в форме антибольшевизма, Польша стала самым яростным врагом советского государства среди наших соседей. Эта одержимость привела к трагедии 1939 года, но и это не уничтожило антирусского комплекса в подсознании буржуазных слоев польского общества. Провокационное выступление армии крайевой в Варшаве по сигналу из Лондона это ясно показало советскому правительству.

Польский истеблишмент и поныне пытается эксплуатировать этот комплекс, хотя подобная эксплуатация становится все менее доходным делом, а положение в Польше все более приближается к критическому. Польша принята и в ЕЭС, и в НАТО, но современная индустрия в Польше и до реставрации была не самостоятельна, а завязана на соответствующие структуры Советского Союза. С разрывом этих связей и потерей восточного рынка и источника технологий она просто рухнула.

Что же может предложить эта страна объединенной Европе? Чехия, например, просто открылась немецкому капиталу и немецкой миграции, вернувшись, по сути, к состоянию времен Швейка. Оказалось, что гибель нации не такой уж тяжелый процесс, если он растягивается на десятилетия и обходится без газовых камер. Но чехов не много, а поляков - сорок миллионов. Такая страна не может процветать в Европе за счет обслуживания туристов и экспорта проституток и стриптизеров. Конечно, и сейчас еще существование поляков обеспечивается за счет нефтегазовых труб, проходящих по ее территории, но российские олигархи, пользуясь сложившейся на рынке ситуацией, все более перекладывают эти расходы на плечи западных потребителей, что явно ограничивает аппетиты польских правителей, поскольку ссорится с немцами им не дозволено. К тому же возможны варианты обхода польских территорий...

В новых условиях польские интеллектуалы выбросили за борт все, что так беспокоило их в шестидесятые годы: патриотизм, сохранение своей «польскости», призывы, например, «теперь доказать, что эта наша

“польскость” в языке обладает гораздо большими ценностями, что только таким польским можно выразить красоту и глубину наших традиций, нашей культуры». Теперь уже в «Беседе за столом» Занусси провозглашает: «я вижу молниеносную унификацию мира. Все становится схожим — одежда, обычаи, способ питания, стиль жизни и увлечений. Спустя два столетия, в течение которых Европа гордилась своим национальным многообразием, мы видим, как размывается чувство национального самосознания, а следовательно — гибнет национальный характер во всем искусстве... Во всем мире, более или менее развитом, молодежь слушает одни и те же ансамбли, поющие на одном и том же языке». И как практическое наставление молодежи из элиты в цитированной выше беседе о морали следует вывод: «мы имеем несчастье родиться в этом пространстве не лучшего языка, ибо знание польского языка ничего не значит, ведь нас едва сорок миллионов. А сегодня все стремятся к наиболее распространенному языку Западной цивилизации — английскому. Сегодня актер, который не умеет играть на английском, собственно говоря, не востребован». Так-то, господа, пора бежать с этого корабля. Нам здесь нечего делать. И фильм Занусси лишь иллюстрирует эту мысль.

А что же остальные сорок миллионов? Но это уже бывших соратников Солидарности не интересует.

Б.Г. Гнилов

Отечественная история

Великий русский национально-культурный приоритет (Фортепианно-оркестровая композиция)

Проникновение музыковедения на сопредельную, историческую научную «территорию» полезно в том смысле, что наш «экскурс» в историю европейской фортепианно-оркестровой композиции затрагивает актуальную проблематику отечественной общественной жизни, а именно поиск адекватного и самобытного пути развития России.

Прежде всего заметим, что ученые-историки нередко сталкиваются с глубоко укоренившимся скептическим отношением к произведениям искусства и литературы как к возможному источнику исторических знаний. «Так уж повелось, что, несмотря на восходящее к седой древности родство истории и литературы, история, обретая черты академической науки, все чаще свысока поглядывала на беллетристику. Со временем подобный взгляд стал признаком «хорошего тона» в кругу профессионалов».¹

В сопоставлении с литературой музыка предстает еще более экзотическим и диковинным ресурсом исторической информации. Немалый социально-исторический познавательный потенциал, сокрытый в музыкальном искусстве «высших достижений» в общем ряду его функций нередко теряется. В наши дни филармоническая музыка, вытесненная на периферию просвещенности, занимает место за пределами обязательных знаний среди факультативных элементов в современной модели образованного человека. Публика разучилась слышать и понимать симфонию и оперу, и тем более – извлекать из них культурно-исторический смысл. Между тем жившие в эпоху других образовательных стандартов историки И.Г. Дройзен и Я. Буркхардт были убеждены, что в роли исторического документа музыкальные произведения достовернее письменных хроник. «Чтобы быть эмпирически воспринятой, история должна быть понята», – писал Дройзен. А понять историю (в ее глубинном смысле) помогает музыка – «духовное содержание истории».² И Дройзен, и Буркхардт вводили музыкальные реалии и понятия в объяснение общеисторических изменений.

Запуск музыкально-исследовательского проекта с предварительным названием «фортепианно-оркестровая композиция» поначалу не предполагавший выход за границы специального музыкознания, как раз и вывел к исконной общеисторической и социологической проблематике. По ходу работы неожиданно обнаружилась взаимная соотнесенность, соприкосновение музыкальных композиций этого класса с особенностями русской (и не только) истории и культуры, пристрастно изучаемыми в наши дни в виде инструмента, обеспечивающего осмысление отечественной современности и научно обоснованное прогнозирование, в частности, с размахом ведущиеся поиски так называемой «русской идеи». В резонанс с этими изысканиями вошла установленная нами национально-культурная приоритетность отечественной фортепианно-оркестровой композиции.

Наши научные интересы расположились в той части

культурного пространства, где причудливо скрестились три его компонента: проблематика фортепианно-оркестровой композиции, особая миссия русской культуры и музыкально-социологическая методология, которая в применении к фортепианно-оркестровой композиции опровергла мнение о своем бессилии в вопросах, касающихся существа музыки.

Проникновение на сопредельную научную «территорию» полезно в том смысле, что наш «экскурс» затрагивает актуальную проблематику отечественной общественной жизни, а именно поиск адекватного и самобытного пути развития России.

Становление и развитие русской национальной идеи – длительный, противоречивый, болезненный и полный драматизма процесс. В наши дни она проходит, можно сказать, суровое испытание на прочность. Утрата Россией целого ряда традиционных национально-государственных приоритетов, значительный урон, нанесенный и наносимый ее интересам, тяжело переживается русской общественностью. Но, при всей горечи того положения, в котором оказался ныне «русский дух», вновь и вновь возникает потребность заново осмыслить историческое предназначение России, ее социо-культурную миссию, коль скоро ее культурное пространство неоднократно предоставляло благоприятные условия для пышного цветения «пришлых» творческих концептов.

Размещение в фокусе нашего исторического экскурса фортепианно-оркестровой композиции преследует тройную цель. Во-первых, **жанр фортепианного концерта уже только потому заслуживает специального исторического внимания и соответствующей оценки, что своим пышным расцветом он обязан преимущественно гениальным русским музыкантам.** Пришлый, «западный» по генезису жанр фортепианного концерта усилиями и художественными открытиями Чайковского, Рахманинова, Скрябина, Прокофьева занял почетное место в ряду отечественных национально-культурных приоритетов, соседствуя с «нашим всем» А.С.Пушкиным, Ю.А.Гагариным, балетом, цирком и т.д. Во-вторых, выбор такого угла зрения позволяет отчасти **реабилитировать преждевременно, на наш взгляд, оставленный музыкально-социологический исследовательский метод.** «Добившись значительного прогресса на прикладном направлении, социология музыки на теоретическом была вынуждена довольствоваться куда более скромными результатами, дав повод усомниться в своей способности отвечать на вопросы, касающиеся сущности музы-

ки и, более того, исчерпывающе изучить на основе социологического метода связи «общество-искусство» и «искусство-общество».3 Наконец, в-третьих, фортепианный концерт и его спутники – фантазии, рапсодии, поэмы, – как правило, принципиально ограничены нормами автономной, «чистой» музыки. В отличие от симфоний, принимающих иногда «имена собственные», поясняющие смысл программы и комментарии, фортепианные концерты изначально противятся «грубому» вмешательству слова. Им присваиваются лишь абсолютно отвлеченные и «бесстрастные» порядковые номера. Тем самым концентрация на фортепианно-оркестровой композиции позволяет избежать нежелательное смещение анализа социально-исторических связей музыки как таковой («без подпорок» по Б.В.Асафьеву, «без прилагательных» по К.Дальхаузу) в плоскость литературного сюжета, чем опасен, «чреват», скажем, жанр оперы. **Таким образом обеспечивается искомая корректность научно-исторических изысканий.**

Углубленное изучение в духе музыкального историзма особого класса музыкальных произведений – фортепианных концертов и их функциональных спутников – позволило установить **важность и неординарность выполняемых ими историко-культурных и общеисторических функций.** Неординарность обстоятельств, сопутствующих появлению ряда значительных произведений в данном жанре, может состоять в следующем:

- Прорыв в мир «большой» музыки нового персонального и/или национального стиля (Шопен, Лист, Григ, Рахманинов, Гершвин, Хачатурян).

- Попытка заново поставить вопрос о возможностях и ресурсах музыкального искусства (Бетховен с «Фантазией для фортепиано, хора и оркестра», Скрябин с «Прометеем», Гершвин с «Рапсодией»).

- Примыкание значительных фортепианно-оркестровых композиций к рубежным датам в исторической хронологии (Третий фортепианный концерт Бетховена до минор – 1800, Второй фортепианный концерт Рахманинова в той же тональности – 1900, сосредоточение выдающихся произведений данного класса вокруг знаковой даты 1945 – Третий фортепианный концерт Б.Бартока, Третий фортепианный концерт Б.Мартину, «Ода на окончание войны» С.С.Прокофьева).

Музыкальное искусство и, в частности, фортепианно-оркестровая композиция в состоянии многое поведать помимо всего прочего еще и о русской истории.

Произведения данного класса в высшей степени по-

казательны в плане **неодинаковости темпов и динамики исторического развития России в сравнении с Западом**. Русская кульминация в развитии этого общеевропейского музыкального жанра (Рахманинов, Скрябин, Прокофьев) почти на сто лет «отодвинута» от кульминации западноевропейской (Бетховен) и в значительной мере ее перекрывает, на чем следует более обстоятельно остановиться в дальнейшем изложении (см. раздел «От Европы Карла Великого к Европе Петра Великого»).

Нелишним будет добавить, что русский фортепианный концерт довольно-таки определенно созвучен обозначившейся в России, начиная с последней трети XIX века, положительной хозяйственно-экономической динамике. Вполне возможно себе представить, что опережающие темпы социально-экономического развития России того времени отчасти отозвались в «захвате» ею лидирующих позиций в жанре фортепианного концерта и, в конечном счете, в области музыкального искусства в целом. Бурное развитие сети железных дорог, возведение мостов, интенсивное развитие финансово-кредитных отношений, укрепление флота, – **позитивный дух этих преобразований не в последнюю очередь отозвался в фортепианных концертах**. Этому музыкальному жанру изначально была чужда трагическая трактовка, к которой больше предрасположен жанр симфонии. **Фортепианный концерт всецело устремлен к безусловному «позитиву»**, абсолютной красоте, торжеству подлинного творческого духа, демонстрации прекрасных человеческих достижений (через совершенное владение музыкальным инструментом – роялем). Верховенство радости, праздничности в отечественных фортепианных концертах еще ярче проступило на фоне отразившихся в музыке (Третьем концерте Рахманинова, Втором концерте Прокофьева) трагических сторонах русской действительности первых десятилетий XX века (между двух революций).

Вершинная русская фортепианно-оркестровая композиция – «Прометей. Поэма огня» А.Н.Скрябина с присущим ей радикально-преобразовательным пафосом, своего рода художественно-революционным духом наряду с фортепианными концертами Рахманинова достаточно определенно предсказывает грядущие радикальные изменения в исторических судьбах России.

Впрочем, следует предостеречь от излишне прямолинейного уподобления музыкальных композиций, опирающихся в решающей мере на свою имманентную логику, и жизненных явлений, исторических событий и процессов. Иначе неизбежен откат к пресловутым тенденциозным

трактовкам и натяжкам вульгарно-социологического толка. Жизненные основания музыки следует искать не столько в вещно-явленном пласте реальности, сколько во внутренне-сущностном, психологическом, за которым, как только теперь становится ясным, и скрываются ее специфически-культурные, а также общеисторические связи и зависимости.

Новые научные результаты оказалось возможным получить отталкиваясь от терпеливых и осторожных поисков нитей, связывающих музыку с жизнью, которые велись в русле социально-психологической концепции Яворского или интонационной теории Асафьева, избегая на этом пути всякого рода натяжки и откровенные софизмы, которые в свое время допускались ради чистоты материалистического принципа отражения. Произошел своего рода возврат к научным интересам основоположников отечественного музыкознания, в первую очередь Г. Лароша, который, как известно, настаивал на **«драгоценности» поисков точек соприкосновения внутри- и внемузыкального миров.**

Полагая музыкальную жизнь, жизнь музыкантов в музыкальном искусстве своеобразным ответвлением социальной жизни, возможно, исходя из социально-психологических предпосылок, обосновать **предпочтительность в представлениях музыкантов фортепианно-оркестровой композиции в трех ее иерархически различных, но глубинно родственных, взаимоподобных функциях радикально-преобразовательного свойства.** В системе искусствоведческих категорий данные функции предстают как художественные «прорывы» в текучем эволюционном художественном процессе. **В общеисторической категориальной системе они фигурируют скачкообразными, революционными событиями.**

В порядке «возрастания» первой социально-музыкальной функции фортепианно-оркестровой композиции назовем самоутверждение разносторонне одаренного музыканта-творца в мире «высокой» музыки и/или отстаивание им ранее завоеванных позиций сообразно установившимся личностным и личностно-коллективным отношениям. В дальнейшем изложении обозначим эту функцию *vox humana* — голос человеческий, имея в виду мощное вторжение в устоявшийся расклад творческих фигур некоей новой индивидуальности, с правом «решающего голоса» (см. раздел «Фортепианный концерт» и «судьба человеческая»).

Второй социально-музыкальной функцией произведе-

ний упомянутого класса назовем социо-культурный реванш территории, региона, до того довольствовавшегося уделом безнадежной «провинции». Сюда примыкает также и **соотнесенность фортепианно-оркестровой композиции с иными рубежными событиями в жизни народов и государств**. В дальнейшем этот функциональный уровень будет обозначен как *vox populi* – голос народа (см. раздел «От Шопена к Шостаковичу. К вопросу о «судьбе человеческой» и «судьбе народной»).

Наконец, третью социально-музыкальную функцию фортепианно-оркестровой композиции назовем глобальной художественно-преобразовательной. «Заработав» репутацию своеобразного «архимедова рычага» в сфере музыкальной жизни на ее личностном и национально-культурном уровнях, музыкальное произведение для фортепиано с оркестром бывает по аналогии преимущественно востребовано и в тех случаях, когда автор намерен внести радикальные изменения в саму музыкальную систему или по меньшей мере затронуть ее существенные стороны (см. раздел «Маркс, Прометей, Скрябин и ... Ленин»).

Иерархическое разграничение социально-музыкальных функций фортепианно-оркестровой композиции произведено, естественно, в общелогическом, отвлеченном плане. В действительности «выход» на высший, третий функциональный уровень возможен не иначе, как через первый и второй. Масштабное, переломное событие в глобальном развитии музыкальной композиции (третий уровень) непременно образует важный рубеж в личном творческом пути автора (первый уровень) и в той или иной мере упрочивает музыкальную славу его отечества (второй уровень). С другой стороны, как раз благодаря отвлеченному характеру данной классификации хорошо проступает единая социально-музыкальная природа фортепианно-оркестровой композиции, ее изначальная предрасположенность к тому, чтобы на каждом из трех перечисленных социально-функциональных уровней состояться как подлинное событие.

Вполне уместной представляется и постановка вопроса о предпосылках такой историко-событийной функции данного музыкального жанра, заложенных в самой его природе (см. раздел «Предпосылки историко-преобразовательного потенциала фортепианно-оркестровой композиции»).

Тем самым исследование социо-культурных коннотаций фортепианно-оркестровой композиции получает значительно более широкий, междисциплинарный разворот.

Чтобы по-настоящему взвешенно определиться в воп-

росе русской социо-культурной самобытности, попытаться заглянуть в будущее нашего Отечества, полезно и необходимо обратиться к своему культурному прошлому, взятому в соотнесенности с универсальной историей.

1. От Европы Карла Великого к Европе Петра Великого

Перехват стратегической культурной инициативы

Накопление и структурирование своеобразной смысловой нагрузки в музыкальной композиции для фортепиано с оркестром протекало постепенно в творчестве многих поколений композиторов, выстроивших цепь последовательной трансляции атрибутов жанра. Звеньями этой цепи выступают произведения И.С. Баха, В.А. Моцарта, Л. Бетховена, Ф. Шопена, Р. Шумана, Ф. Листа, И. Брамса, Э. Грига.

В полном смысле слова исключительно важная роль в преемственном развитии данного жанра выпала на долю русских музыкантов последней трети XIX – первой четверти XX веков. Именно у них историко-художественный смысловой комплекс фортепианного концерта с характерным для русской социо-культурной динамики временным «запаздыванием» «блеснул» во всю свою силу. В отличие от постепенного, последовательного характера жанровой эволюции концерта на ее предшествующем, «западном» этапе, объединенными усилиями П.И. Чайковского и, особенно, С.В. Рахманинова, А.Н. Скрябина, С.С. Прокофьева и И.Ф. Стравинского эволюция жанра пережила в определенном смысле взрывной, скачкообразный и тем самым совершенно уникальный, чрезвычайный по художественной результативности этап. На аналогичном участке развития данного музыкального жанра на Западе образуется характерный и очень показательный вакуум. Западная модель жанра, заданная произведениями Моцарта и Бетховена, к тому времени в некотором смысле исчерпывает свой креативный ресурс. ***Европейское музыкальное композиторское сообщество, в изумлении притихнув, поспешно пропускает на первый план «припозднившихся» русских гениев.***

Можно без преувеличения сказать, что «русский апофеоз» европейского фортепианного концерта вознес данный класс музыкальных произведений на такие высоты, на которые ему не приходилось попадать ни до, ни после этого почти солнечного по интенсивности и масштабам «выброса» музыкально-творческой энергии на, еще раз подчеркнем, именно русской культурной почве.

Таким образом подтвердилась закономерность ***«асси-***

метричного» социо-культурного взаимодействия России и «Запада». Исторически сложилось так, что Россия, объективно запаздывая по отношению к Западу в развитии общеевропейских феноменов культуры, компенсирует эту замедленность исключительными по своим масштабам свершениями, словно оправдывающими их длительное ожидание.

Пришедшие с Запада, подчас не до конца сформировавшиеся культурные идеи, попав на русскую духовную почву, проходят через очень «по-русски» замедленный (в духе известного гоголевского «долго запрягаем») этап приятия и ассимиляции, но в конце концов как бы повторно рождаются, становясь уже русскими приоритетами, а грандиозный масштаб этого повторного рождения оттесняет куда-то на задний план «иноземных» подателей «пришло-го» духовного импульса. Воссоздаваясь в русском культурном пространстве, западный культурный концепт обретает характерный для «русского духа» мощь и размах, от уже упомянутого «долго запрягаем» следует переход к опять-таки гоголевскому «быстро погоняем». Здесь можно с полным правом говорить о некоем перехвате Россией культурного лидерства: крупнейшие русские фигуры в мире науки и искусства, воспитанные на общеевропейских идеях, получив образование западного типа, проникшись перспективными западными идеями отвоевывают себе позиции культурных «маяков», властителей умов, претендуя на «глобальное покрытие».

Своеобразную темпоральную асимметрию в протекании социо-культурных процессов России и Запада, приводящую к характерной разнесенности их кульминационных участков, «оттянутому», «отсроченному» русскому триумфу очень точно и тонко уловил Ф.И. Тютчев в своем незавершенном трактате «Россия и Запад»: «В течение целых столетий европейский Запад с полнейшим простодушием верил, что не было и не могло быть другой Европы, кроме его. Правда, ему было известно, что за его пределами существовали еще народы и государи, называвшие себя христианами. Во времена своего могущества он касался границ этого неведомого мира, отторг даже от него несколько клочков и присвоил их себе, старался исказить и подавить их национальный характер; но чтобы вне этих крайних пределов существовала другая Европа, восточная Европа, законная сестра христианского Запада <...> чтобы существовал там целый мир, единый по своему началу, солидарный в своих частях, живущий собственной органической, самобытной жизнью – этого допустить было невозможно, и многие поныне готовы в этом сомне-

ваться... Долгое время это заблуждение было извинительно; в продолжение целых веков созидаящая сила оставалась как бы схороненной среди хаоса; ее действие было медленно, почти незаметно; густая завеса скрывала тихое созидание этого мира... Но, наконец, когда судьбы свершились, рука исполина сдернула эту завесу, и Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европой Петра Великого». ⁴

Переходя к конкретным фактам, напомним, что Ф.М. Достоевский, неявно восприняв исходящую от И. Канта идею антиномичности, перенес ее в свое литературное творчество, выступил тем самым родоначальником так называемого полифонического романа (М.М. Бахтин), где на всякий принципиально поставленный вопрос находятся два ответа, в равной степени истинные. Каждый герой отстаивает свою истину, при отсутствии истины общей для всех. В результате история мировой литературы пережила событие «взрывного» значения, Достоевский оказался чрезвычайно влиятельным писателем и мыслителем, воздействие которого переходит границы собственно литературы (вспомним хотя бы о Густаве Малере).

В мире науки феномен «перехвата лидерства» Россией у Европы ярче всего иллюстрируется через выдающиеся заслуги русского математика Николая Ивановича Лобачевского (1792-1856). Отталкиваясь от западной, так называемой евклидовой геометрии, русский ученый произвел подлинный переворот в данной науке, преодолев тысячелетние традиции. Проработав всю жизнь в Казанском университете он так и не дождался прижизненного признания на родине, тогда как на Западе его учением вдохновились Менделеев, Э. Бельтрами, Ф. Клейн, А. Пуанкаре. В изобразительном искусстве феномен маятниковой циркуляции в европейско-русском культурном взаимодействии ассоциируется в первую очередь с личностью художника Василия Васильевича Кандинского (1866-1944). Этот известный русский живописец, получив образование в Мюнхене, выступил одним из основоположников абстрактного, беспредметного искусства. Переворот в изобразительном искусстве состоялся в его «прорывных» композициях «Импровизация №7» (1910), «Смутное» (1917). Выставки, организованные объединением художников «Синий всадник», сплотившимся вокруг русского мастера, стали заметным событием в культурной жизни Европы. В альманахе объединения нашли отражение истоки искусства XX века. Авторитет Кандинского оказался в результате настолько бесспорным, что он, с конца 1921 года переехав в Германию, начиная уже с 1922 года пост про-

фессора в небезызвестном «Баухаузе».

Пожалуй, наиболее убедительный и эффектный, можно сказать, символический вид эта тенденция приняла в подвиге Ю.А. Гагарина. «Лишенная национальности» идея полета человека в космос с чисто русским блеском (обязанным, кстати, все-таки не только мощному пропагандистскому «сопровождению» данной акции) была проведена в жизнь родившимся в российской глубинке русским летчиком с достаточно обыкновенной биографией.

Список русских культурных «реваншей» расширили К.С. Станиславский и выдающийся русский актер Михаил Чехов. Последний, оказавшись (вместе с другими крупными величинами русской интеллигенции) за пределами России, через свою педагогическую деятельность вывел на влиятельные позиции русскую национальную школу профессиональной подготовки актеров. Тем самым профессиональная актерская техника и режиссура, в свое время со значительным запаздыванием завезенная в наше Отечество («отец русского театра», Федор Волков, начал свою деятельность только в середине XVIII века), заняла свое место в ряду русских приоритетов.

2. Фортепианный концерт и «судьба человеческая» (Vox humana)

При всей многоярусности фортепианно-оркестрового художественно-смыслового комплекса фундаментальное значение в нем имеет установка на подчеркнута индивидуальное творчество, задаваемая его персонально-личностным уровнем, обозначенным нами как vox humana – голос человеческий. Принципиальное значение приобретает яркая выраженность авторского начала, оригинальность, самостоятельность музыкальных мыслей и их развития. Верховенство персонально-личностного начала в классико-романтическом концерте объясняется характерным для эпохи пристальным вниманием к индивидуальному миру личности (Назначение художника по Р. Шуману, «проливать свет в глубины человеческого сердца»). Личностными ориентирами становятся масштабные, щедро одаренные фигуры. **Наиболее полно такой тип личности воплощал для современников Наполеон Бонапарт, выступая для них мерилom оценки личностных качеств.** Так, в глазах тогдашней публики Никколо Паганини предстал «Наполеоном жанра». Наблюдаемый нами феномен гиперболизации личности в фортепианно-оркестровой композиции получает наиболее яркое, почти зримое выражение. Обособленный виртуоз заметно возвышен и над слушателями, и над аккомпани-

рующими, т.е. подчиненными ему музыкантами, доминирует, властвует над ними.

«Сверхчеловек», «супергерой» фортепианно-оркестровой композиции, подвластный лишь тем законам, которые он (почти по Виктору Гюго) определил себе сам, неизбежно находится при этом во власти одного «обстоятельства» непреодолимой силы – категории стиля. Крылатая фраза «человек – это стиль» порождена совокупностью персонально-стилевых представлений, характерной для классико-романтической эпохи.

С этой, стилевой точки зрения, подчеркнуто индивидуальный характер творчества подразумевает неповторимый, единственный в своем роде, в высшей степени целостный художественный стиль. Следование этой норме становится тем более неукоснительным, что фортепианно-оркестровые композиции, часто примыкающие к поворотным пунктам в творческих путях их авторов, знаменующие своеобразный «повторный старт» в их профессиональных карьерах, являются, помимо всего прочего, еще и декларацией персонального стиля, его «парадной витриной». Их можно с полным правом назвать произведениями «представительского класса».

Первый исторически достоверный и, наверное, один из наиболее выразительных примеров того, что концерт для солирующего фортепиано с оркестром является в высшей степени притягательным, «манящим» музыкальным жанром, овладение которым осознается начинающим композитором как задача первоочередной важности, содержит жизненный и творческий путь В.А. Моцарта. Известно, что Моцарт, в отличие от других мастеров венского классицизма, И. Гайдна, Л. Бетховена, смог наряду с жанрами инструментальной музыки в высшей степени убедительно реализовать свой талант в области музыкального театра. Логично было бы предположить, что Моцарт, чрезвычайно рано начавший занятия композицией, изберет своим исходным музыкальным жанром оперу. ***Однако в истории зафиксировался в виде одного из начальных моцартовских опытов именно концерт.***⁵

И в дальнейшем на протяжении всего творческого пути Моцарта концерт для фортепиано с оркестром почти постоянно находился в центре внимания композитора, с годами он все отчетливее понимал его центральное положение в ряду других, не менее важных жанров, его ***предельно широкое «социальное покрытие».***

Именно фортепианные концерты становились для Моцарта, как и для большинства других виртуозов-инструменталистов, тем материалом, который они обычно выноси-

ли для своего персонального художественного общения с широкой публикой, при помощи которого и в опоре на который пытались эту публику «убедить».

Повлияв на творческие судьбы многих поколений европейских композиторов, «обстоятельством непреодолимой силы» сфера музыки для фортепиано с оркестром предстала и для М.П. Мусоргского, творчество которого, впрочем, принято ассоциировать в первую очередь с музыкально-театральной и вокальной музыкой. Однако, подобно ряду других композиторов, к первой своей крупной и безусловной творческой победе он пришел через эксперимент в жанрово-исполнительском формате «фортепиано плюс оркестр». Речь идет об оркестровой композиции «Ночь на Лысой горе» (1867). Выясняется, что в исходной своей версии эта музыка существовала в виде фантазии для фортепиано с оркестром и, как вспоминал позже Н.А. Римский-Корсаков, именно в таком предварительном виде автор показывал ему «Иванову ночь».⁶ Тем самым мы получаем своеобразный исторический прецедент творчески-стимулирующей миссии, принятой на себя фортепиано-оркестровой музыкальной стихией. Данный прецедент отозвался в исторической перспективе в балете И.Ф. Стравинского «Петрушка».

Возвращаясь к «Ночи на Лысой горе», обратим внимание на упомянутое Н.А. Римским-Корсаковым влияние на М.П. Мусоргского (а заодно и на других представителей «Могучей кучки») конкретного листовского произведения для фортепиано с оркестром – «Пляски смерти». Этот факт позволяет еще прочнее утвердиться во взглядах на европейскую композицию для фортепиано с оркестром как на исторически-сквозной фактор творческого вдохновения.

Пять произведений для фортепиано с оркестром С.В. Рахманинова – пожалуй, наиболее убедительный и показательный пример того, как произведения данного жанра становятся основными вехами на творческом пути автора и, вместе с тем, наделяются порой и **надличными, социально-историческими смыслами**. Первый концерт композитора (1890), в полном соответствии с уже сложившейся в музыкальном социуме традицией, предстает весомой заявкой на «открытие» персонального музыкально-творческого стиля.

Потенциал хорошо себя зарекомендовавшего «стартового комплекса», неявно признаваемый музыкальным сообществом за музыкальной композицией для фортепиано с оркестром, волею творческой судьбы был востребован Рахманиновым повторно. Второй концерт Рахманинова, созданный им непосредственно после тяжело пережитого

творческого «поражения» – неудачной премьеры Первой симфонии (1897), можно с полным правом назвать своеобразным «повторным стартом» в личной творческой карьере музыканта. Вместе с тем совокупность исторических коннотаций, сопутствующих Второму рахманиновскому концерту, определенно перекрывает собой уровень чисто личных «интересов» и проблем. **Именно это русское музыкальное произведение с исключительной точностью и убедительностью во всей полноте передает противоречивость, тревожность, настороженность и, вместе с тем, оптимистические надежды**, уживающиеся в социально-психологическом комплексе, характерном для России начала XX века, находящейся в предчувствии грядущих социальных потрясений. Это произведение явилось истинным знаменем времени. Но даже общенациональный исторический резонанс оказывается в некотором смысле слишком «тесным» для данного произведения Рахманинова. Приуроченность Второго концерта к рубежу веков (1900-1901), «надстраиваясь» и накладываясь на отчетливо выраженную в нем озабоченность и обеспокоенность судьбами России, закономерно и естественно «возвышает» данное произведение до уровня почти глобального. **Оно становится «знаменем времени» не только в социально-психологическом плане, но и в плане отвлеченно-хронологическом.** Возможность и допустимость именно такой интерпретации Концерта имеет своей исторической предпосылкой написанный опять-таки на величественном хронологическом рубеже Третий концерт для фортепиано с оркестром Л. Бетховена (1800). Определенная аналогичность исторических контекстов, окружающих эти два великих до минорных концерта, взятых как **мощные хронологические «индикаторы»**, подкреплена также множественными соответствиями специально-композиционного свойства, что позволяет еще полнее и глубже удостовериться в существенности и принципиальном характере выводимых историко-культурных закономерностей в бытии фортепианного концерта как музыкального жанра.

Столь же значительные художественно-смысловые коннотации сопутствуют и Третьему фортепианному концерту Рахманинова, в котором автор продвинулся к еще более глубоко лежащим пластам русской музыкальной самобытности и, вместе с тем, написал произведение, **которое столь же точно передает круг настроений, обладавших в русской социальной и духовной жизни после революционных событий 1905 года, насколько предшествующий концерт органично впи-**

сался в круг эмоций, которые этим событиям предшествовали. «Новый исторический этап заставил автора еще более остро пережить тревожные сомнения и думы о грядущих судьбах родины, в которой назревали грозные перемены... Тем более смело решена оптимистическая концепция. Ее внутреннее наполнение еще более конфликтно и трагично, а светлый конечный итог поднимается на еще более высокую ступень».⁷

Наконец, последние два произведения Рахманинова для фортепиано с оркестром, Четвертый концерт и Равсодия на тему Паганини, при всех их выдающихся художественных достоинствах, в полной мере отразили тенденцию нарастающего неблагополучия в его музыкальном творчестве зарубежного периода.

Пять фортепианных концертов С.С. Прокофьева подобно пяти рахманиновским «разместились» на его творческом пути не менее логично и естественно. В распределении фортепианных концертов по биографии автора заметна своеобразная симметрия: центром этой симметрии становится, как и у Рахманинова, Третий концерт для фортепиано с оркестром – лучшее прокофьевское произведение в данном жанре. Края симметрии выражены парно сгруппированными Первым и Вторым концертом, которые помогли композитору отвоевать место в своей профессиональной сфере, способствовали укреплению его славы и известности, а Четвертый и Пятый концерты, образуя собой противоположный край симметрии, наоборот, засвидетельствовали собой глубокий кризис его творчества и, можно сказать, что они, как пусть относительные, но все-таки творческие неудачи, сигнализировали о нарастающем творческом неблагополучии у автора, причина которого отчасти смыкается с ностальгической природой творческого кризиса у его старшего соотечественника и «конкурента», в том числе и в жанре фортепианного концерта, Рахманинова.

Определенный параллелизм творческих путей и аналогичных социо-культурных контекстов обусловили показателное подобие эволюции фортепианного концерта у двух очень несхожих по эстетике русских композиторов.

3. От Шопена к Шостаковичу.

Фортепианная композиция и *vox populi*.

К вопросу о «судьбе человеческой» и «судьбе народной»

Исключительная мощь творческого заряда, так или иначе признаваемая за музыкальной композицией для фортепиано с оркестром, естественным образом оказалась востребованной в тех случаях, когда наряду с решением

задач преимущественно личного плана важным сопутствующим историческим смыслом возникшего произведения (в большинстве случаев, по-видимому, неосознанно для автора музыки) становилось **завоевание национально-культурного равноправия** того «региона» или территории, который в некотором смысле «отставал» от социокультурных общностей или, лучше сказать, государств, издавна утвердившихся на лидирующих позициях. Композитор предстает тем самым на высоте своей ответственности за культурную судьбу «кровно» близкого ему Отечества.

Изначальная выигрышность творческого «плацдарма», обеспечивающего своеобразный культурный реванш «истари» определившегося музыкального и, шире, историко-художественного «аутсайдера», с особой убедительностью подтверждается той беспрецедентной стойчивостью, с которой на начальном этапе своего творчества обращались к данному жанру и соответствующему исполнительскому «формату» два великих европейских и, одновременно, в определенном смысле национальных музыканта – **Фридерик Шопен и Ференц Лист**. Так или иначе прочувствованная личная принадлежность к исторически «обделенным», «проблемным» национальным общностям Восточной Европы, схожая направленность творческих устремлений, художественных идеалов, центральное положение в области романтического музыкального стиля, синтетически-концентрированный характер музыкальной одаренности образуют в своей совокупности такое нагнетание закономерных отношений, которое делает жанр фортепианного концерта определенно предпочтительным. Сделав «ставку» на музыкальную композицию для фортепиано с оркестром, они добились общеевропейской известности и, вместе с тем, прославили и в определенном смысле возвысили репутацию стоящих за ними национальных культур, обеспечили **духовную опору социально-психологическому комплексу «державности»**.

Удачно опробованный в данной функции Шопеном и Листом жанр музыкальной композиции для фортепиано с оркестром в совершенно аналогичных социокультурных ситуациях был востребован и полностью оправдал возлагаемые на него «надежды» в творчестве Э. Грига, М. де Фалья, Дж. Гершвина, А.И. Хачатуряна, П. Владигерова, А.М. Баланчивадзе.

Очередной убедительный пример того, как музыка для фортепиано с оркестром располагается на важнейшем рубеже индивидуального творческого пути композитора и од-

новременно на переломе более глобальных творческих и культурных эпох, дает музыкальное наследие Д.Д. Шостаковича. Как известно, его первым значительным крупным произведением оказался не концерт для фортепиано с оркестром, а замечательная Первая симфония. Именно эта студенческая дипломная работа, во второй части которой очень велико влияние фортепианного концерта, стала великолепным, многообещающим дебютом композитора-пианиста и обеспечила ему мировую известность. Кроме того, ***симфония выступила для мировой музыкальной общественности свидетельством того, что в только что вышедшей из горнила гражданской войны и иностранной интервенции стране, где по всем внешним признакам должно быть «не до симфонии», традиция высокопрофессионального музыкального творчества была жива.*** Этим вызван глобальный резонанс симфонии. Она ознаменовала собой «повторный старт» русской академической профессиональной композиции, вступившей в советский период своей эволюции. Музыка для фортепиано с оркестром вновь оказалась использованной в функции культурного «тарана».

Тем самым фортепианно-оркестровая композиция в очередной раз подтвердила свою предрасположенность к погружению в соответствующие социо-культурные контексты.

4. Маркс, Прометей, Скрябин и ... Ленин.

Фортепианно-оркестровая композиция и *musica mundana*.

От судьбы человеческой и народной к судьбе музыкального искусства

В ряду произведений для фортепиано с оркестром, подтверждающих их изначальную предрасположенность к осуществлению «надличных», тотальных поворотов в судьбах музыкального искусства в целом, доказывающих их востребованность в те моменты, когда рассматривается вопрос о границах (или, лучше, о безграничности) его возможностей, следует упомянуть бетховенскую Фантазию для фортепиано, хора и оркестра. Именно это сочинение венчает собой бетховенскую работу в сфере музыки для фортепиано с оркестром и, одновременно, неявным образом устремлено к вершинному творению автора, возвышающемуся над всем «альпийским массивом» музыки высших художественных достижений – Девятой симфонии.

Путь от бетховенской «Фантазии» ведет к вершинному симфоническому произведению А.Н. Скрябина – «Проме-

тей. Поэма огня». «Прометей», наряду со многими другими творениями для фортепиано и оркестра, может с полным правом претендовать на ранг уникального, исключительного произведения, перекрывающего границы творчества его создателя и **даже в некотором смысле границы самого искусства музыки.**

Скрябинский «Прометей» привлек исключительное внимание современников не только идейно-эстетической концепцией, но и многим другим. Сообразно многоплановости и объемности общего замысла сочинения Скрябин набирает необычный состав исполнителей: помимо уже упомянутого фортепиано, хора и большого симфонического оркестра необходимы также орган и цветосветовая клавиатура, сопровождающая музыкальное развитие сменной цветовой волн, освещающих зал. Введение партии света должно было, по мысли композитора, усилить впечатление от музыки.

В.В. Рубцова в своем детальном анализе «Прометей» указывает на еще одно из важнейших качеств партитуры этого сочинения, благодаря которому оно воспринимается как важнейшая веха не только в «личном» творчестве Скрябина, но и в общей эволюции музыкального искусства в начале той ее стадии, когда оно во многих отношениях приобрело свой современный вид. Речь идет конечно же о гармоническом языке. Это был первый крупный опус, в котором Скрябин отказался от традиционных тонально-гармонических принципов. Дерзостное «промеевское шестизвучие» буквально всколыхнуло музыкальный мир. «О “промеевской аккорде” долгое время велись дискуссии. По существу он стал знаменем музыкального мышления новой стилистической эпохи».⁸

Любопытно, что В.И. Ленин, встав во главе советского государства, дал особо высокую оценку именно творчеству А.Н. Скрябина. Его фамилия значится в списке наиболее выдающихся деятелей культуры и искусства, которым в соответствии с ленинским декретом от 30 июля 1918 года планировалось установить памятники. Вполне возможно предположить, что Ленин оказался восприимчивым к своеобразной миссии скрябинского «Прометей», как **историко-художественного прецедента революционных событий в России.** Во всяком случае такая трактовка ленинского выбора позволяет замкнуть историческую арку еще одной существенно важной для Ленина фигурой, а именно К. Марксом. По словам последнего, «Прометей – самый благородный святой и мученик в философском календаре».⁹

Необычным образом историко-художественный «комп-

лекс» фортепианного концерта сказался и на творчестве И.Ф. Стравинского. Свидетельство тому – второй балет композитора – «Петрушка». Именно с этим балетом, как известно, творчество Стравинского достигло полной зрелости. Его постановка стала выдающимся событием и в творческом пути самого композитора и в современной истории балетного жанра. Тем более знаменательно, что первоначальным импульсом, исходной музыкальной идеей всего сочинения оказалась центральная идея нашего текста – идея музыки для фортепиано с оркестром. Необычайно полезные и симптоматичные в этом смысле сведения содержит автобиографический труд И.Ф. Стравинского, «Хроника моей жизни». Там композитор изложил интересные подробности истории создания своего балета: «Однажды у меня возник замысел виртуозной фортепианной пьесы с сопровождением оркестра. Сочиняя ее, я мысленно представлял себе образ игрушечного плясуна. Характеризовавшие этот образ стремительные арпеджированные пассажи рояля как бы вступали в схватку с оркестром, отвечающим угрожающими фанфарами».¹⁰

Вместе с тем эта сторона партитуры Стравинского может с полным правом претендовать и на «глобальный» творческий резонанс. Он исходит от подчеркнуто бескомпромиссного, декларативного расщепления в «аккорде Петрушки» преимущественно однотональной «единовластной» европейской гармонической системы. Клавиши белого цвета под одной рукой пианиста вступают в непримиримое противоречие с клавишами черного цвета под другой его рукой, что в свое время образовывало для многих нестерпимо фальшивое звучание. Этот вызов, дерзко брошенный автором вековым нормам музыкального благозвучия, имел далеко идущие исторические последствия.

Добавим к сказанному, что наверное **именно через «Петрушку» Стравинский сделал смелую заявку на свое персональное лидерство в мировой академической музыке периода межвоенного двадцатилетия.**

Итак, как мы видим, исторически-сквозная европейская музыкально-композиционная «категория» и в данном конкретном случае выступила во всей своей десятилетиями накапливаемой продуктивной мощи и послужила выдающемуся композитору «отправной точкой» в работе над этапным для него произведением, которому суждено было сыграть выдающуюся роль и, можно сказать, в «геохудожественном», «геокультурном» плане.

5. Предпосылки историко-преобразовательного потенциала фортепианно-оркестровой композиции

Не лишним будет задуматься о причинах специфичес-

кой востребованности фортепианного концерта и родственных ему произведений в «рубежные» моменты развития высокого музыкального искусства. Выскажем предположение, что этот жанр предпочтителен в функции культурного «тарана» своей неявной изначальной предрасположенностью к интенсификации воздействия на слушателя. Здесь в определенной мере осуществляется идеал А.Г. Шнитке «Пусть все будет одновременно», с той, однако, значительной разницей, что это «все» у Шнитке охватывает стилистически разнородный тезаурус личности, а в классико-романтическом концерте – взаимно усиливающие фундаментальные «музыкантские» качества и востребованные музыкальным социумом профессиональные компетенции – композиторскую, виртуозно-инструменталистскую, импровизаторскую и даже непрямолинейно выраженную дирижерскую. Результирующий вектор этого «все одновременно» в двух сравниваемых случаях разворачивается в противоположные стороны: в полистилистике у Шнитке он устремлен к рассеиванию авторского начала, в моностилистике фортепианно-оркестровой композиции происходит, наоборот его предельное сгущение, фокусировка, **создается эффект творческого «острия», прорывной «креатологической» мощи.** При столь сильной фокусировке личностных качеств (или, лучше, качеств личной музыкальной одаренности) естественным образом происходит уже обсуждавшееся в связи с романтическими принципами искусства возвеличивание «персоны» музыканта *par excellence* как «всемогущего» субъекта совокупного музыкального творчества, что в свою очередь делает именно фортепианный концерт предпочтительным в его «чрезвычайной», прорывной историко-художественной и социо-культурной миссии.

Вместо заключения:

Русский анклав в музыкальном рах americana.

Фортепианный концерт “как трагедия” и “как фарс” (к вопросу об “истории-трагедии” и “истории-фарсе”)

Социально-историческая логика развития жанра подводит его к тому этапу, на котором он, подобно самодвижущейся системе, «сам» оказывается в состоянии сфокусировать иерархически различные ярусы своих исторических и культурных смыслов. Речь пойдет о музыке Дж. Гершвина. Расклад жанров в его наследии позволяет говорить о нем как о почти в прямом смысле слова «энтузиасте фортепианно-оркестровой музыки». Его произведения отделены от классико-романтической модели

жанра целым рядом культурных опосредований – процесса «опрошения», «снижения», повторного наивно-детского (в духе американского социально-психологического комплекса) открытия пришедших извне культурных ценностей. Тем не менее можно с полным правом утверждать, что в музыке Дж. Гершвина, прежде всего, естественно, в «Рапсодии in blue» (1924) предстает, при всей своей радикальной превращенности, может быть даже подобно тому пресловутому «фарсу», в который в конце концов переродилась предшествующая ему «трагедия», все та же классико-романтическая модель жанра и сопутствующие ей исторические смыслы.

Со всеми этими оговорками мы настаиваем на том, что в произведениях Дж. Гершвина историко-художественный смысловой комплекс музыкальной композиции для фортепиано с оркестром предстал в фокусированном, квинтэссенциальном виде, во взаимном переплетении его персональных, национально-институциональных и глобально-художественных сторон.

Vox humana. Гершвин, будучи, подобно большинству авторов выдающихся фортепианных концертов и их «сателлитов», универсально одаренным музыкантом, вслед за своими великими предшественниками использовал данный жанр в присущей ему функции личного самоутверждения артиста, претендующего на высшую позицию в музыкально-артистической иерархии. Следует признать, что известность Гершвина как музыканта-профессионала окончательно перешагнула границы его отечества лишь тогда, когда он стал автором «Рапсодии в стиле блюз» – произведения для фортепиано с оркестром.

Vox populi. Своей «Рапсодией» Дж. Гершвин отчасти неожиданно и несколько «форсированно» вывел Соединенные Штаты Америки, казалось бы безнадежно и навсегда отставшие в области академической музыкальной композиции, на ее передовые рубежи, взявшись таким образом за ту задачу, которую для России решил М.И. Глинка, для Польши – Ф. Шопен и т.д. Тем самым усилием Дж. Гершвина состоялся культурный реванш его отечества, рвущегося к мировому господству, но задержавшегося в музыкально-культурном развитии.

Musica mundana. В «Рапсодии» и последовавших за ней других произведениях Гершвина для фортепиано с оркестром заложена сверхидея «наднационального» и достаточно смелого поворота в развитии музыкальной композиции в целом. Суть этого поворота состоит в стремлении Гершвина через «скрещивание» двух «музык» – серьезной и развлекательной – усилить выразительные

возможности произведения, интенсифицировать его направленность на слушателя.

Не лишним будет задуматься о причинах специфической востребованности фортепианного концерта и родственных ему произведений в «рубежные» моменты развития высокого музыкального искусства. Выскажем предположение, что этот жанр предпочтителен в функции культурного «тарана» своей неявной изначальной предрасположенностью к интенсификации воздействия на слушателя. Здесь в определенной мере осуществляется идеал А.Г. Шнитке «Пусть все будет одновременно», с той, однако, значительной разницей, что это «все» у Шнитке охватывает стилистически разнородный тезаурус личности, а в классико-романтическом концерте – взаимно усиливающие фундаментальные «музыкантские» качества и востребованные музыкальным социумом профессиональные компетенции – композиторскую, виртуозно-инструменталистскую, импровизаторскую и даже непрямолнейно выраженную дирижерскую. Результирующий вектор этого «все одновременно» в двух сравниваемых случаях разворачивается в противоположные стороны: в полистилистике у Шнитке он устремлен к рассеиванию авторского начала, в моностилистике фортепианно-оркестровой композиции происходит, наоборот его предельное сгущение, фокусировка, создается эффект творческого «острия», прорывной «креатологической» мощи. При столь сильной фокусировке личностных качеств (или, лучше, качеств личной музыкальной одаренности) естественным образом происходит уже обсуждавшееся в связи с романтическими принципами искусства возвеличение «персоны» музыканта *par excellence* как «всемогущего» субъекта совокупного музыкального творчества, что в свою очередь делает именно фортепианный концерт предпочтительным в его «чрезвычайной» историко-художественной и социо-культурной миссии.

Взятая в целом, фортепианно-оркестровая композиция в пространстве музыкальной культуры располагается «на острие» креатологической активности и оказывается незаменимой преобразующей силой, рычагом, обеспечивающим «смену вех» как в этой сфере, так и в более широком социо-культурном плане.

Логика исторической эволюции в этом классе музыкальных произведений в очередной раз засвидетельствовала особенность исторической миссии России в общемировом культурном пространстве, подтвердила ее способность подводить к кульминационной точке «пришлые» культурные феномены и позволяет поставить в ряд значитель-

нейших русских национально-культурных приоритетов отечественную фортепианно-оркестровую композицию.

1. Секиринский С.С. Историк и художник: журнал для всех, кто любит историю, ценит искусство и чувствует их родство // Отечественная история, 2005, №5, стр. 184

2 Чередниченко Т.В. Русская музыка и геополитика // Новый мир. 1995. №6, с.189

3 Ермакова Г.А. Музыказнание и культурология (на материале отечественной науки). – Автореферат дисс. ... доктора искусствоведения. М., 1992. – 43 с.

4 Кантор В. Иная Европа Федора Тютчева. - Вестник Европы, 2004, XII, с.193

5 Аберт Г. В.А. Моцарт. – Ч. 1, кн. 1. – М., 1978, с.69

6 Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. – М., 1955, с.45

7 Охалова И., Рыцлина Л. Фортепианные концерты Бетховена и Рахманинова // Вопросы музыкальной педагогики. — Вып. 3. — М.1981, с.115

8 Рубцова В.В. Александр Николаевич Скрябин. – М., 1989, с.300

9 Цит. по: Энтелис Л.А. Силуэты композиторов XX века. Л.: Музыка 1975, с.163

10 Стравинский И.Ф. Хроника моей жизни. – Л., 1963, с.72

Спорили, спорим и будем спорить...

А.Бабицкий

О состоятельности теории стоимости «Капитала» и её развитии

С момента издания «Капитала» вопрос о состоятельности изложенной в нём теории стоимости возникал не однажды. Одни пытались «обрезать бороду» Карлу Марксу, другие вообще отвергали трудовую стоимость, а третьи анализировали соответствие теории её предназначению. К последним относится автор статьи¹ В.А. Илюшин, поставивший вопрос ребром.

«Над проблемой стоимости учёные бьются уже 2 тыс. лет – со времени Аристотеля. В чём загадка? – за разные товары дают различное количество некоторой однородной массы – денег (напр., золота). Значит, во всех без исключения товарах имеется нечто одинаковое, но в разном количестве. Очевидно, имеется какая-то «сила» (стоимость), которая определяет размер цены. Но никак не могли найти свойство товаров, которое можно было бы положить в основу стоимости. Мало того, чтобы это свойство было присуще всем товарам, необходимо, чтобы из него вытекали, объяснялись количественные различия реальных цен».²

И далее «Проблема несоизмеримости товаров составляет проклятие теории стоимости».³ Не удовлетворяет автора цитируемой статьи и сведение К. Марксом стоимости товара к затратам некоего абстрактного труда.

«Оба определения «абстрактного труда» («физиологическое» и «бесплотное») Маркс употреблял «рядом», попеременно (что, конечно, в подлинно научной теории недопустимо)...А главное – его же нельзя измерить!»⁴ И более того «...измерить время «абстрактного труда» ни в коем случае невозможно».⁵

В заключение автор цитируемой статьи выносит окончательный приговор теории стоимости.

«Таким образом, теория стоимости Маркса полностью ошибочна, и его попытка спасти трудовой принцип в теории стоимости не удалась. Маркс заявил, что его учение об абстрактном труде «является отправным пунктом, от

которого зависит понимание политической экономии» (соч., т. 23, с.50), т.е. рассматривал это учение как фундамент всей своей экономической доктрины как несущую конструкцию всего «Капитала». Поэтому после выявления ошибочности рассуждения об абстрактном труде экономическая теория Маркса неизбежно разрушается»¹

Замечания и упреки, в общем, уместны, особенно, с учётом того, что обсуждалась эта важная тема на конференции в сопоставлении научного наследия Маркса и современных социальных процессов. Но сделанный из них вывод не верный. Дело в том, что любая теория, в том числе и теория стоимости, не обязательно является достаточно развитой и законченной. Состоятельность теории стоимости, как и экономической теории в целом, определяется возможностью решать задачи и давать ответы на стоящие жизнью вопросы. На момент создания она была достаточной для решения тогда, в XIX веке, возникших задач.

Теория стоимости Карлом Марксом разрабатывалась на основе бухгалтерского анализа мануфактурного мелкотоварного производства. По сути, она – результат первого этапа разработки любой теории: накопление опытных (в данном случае бухгалтерских и других статистических данных), их систематизация и анализ, выявление частных, в основном, качественных, зависимостей в исследуемых явлениях. Дальше этого теория стоимости XIX века не продвинулась. В такой постановке она не продвинулась и в XX, и в нынешнем XXI веке.

Тем ни менее, теория стоимости Карла Маркса вполне состоятельна, но она недоразвита. Кратко её суть сводится к установлению количественного соотношения в обмене одного товара на другой в зависимости от затрат труда и средств на их производство. При этом априори предполагается, что товар А выражает свою стоимость в товаре Б и, наоборот. Владельцы товара знают о затратах на производство своего товара, и каждый заботится о своих барышах в обмене товаров. Соотношение количества стоимости в обмениваемых товарах и цены, по которым они продаются и покупаются, устанавливаются в самом процессе обмена одного товара на другой.

Цены считаются рыночными, то есть свободно устанавливаемые субъектами, обменивающимися товарами по обоюдному согласию. В процессе обмена товаров их стоимости нельзя измерить. Акт обмена товарами является не только экономическим, но и многогранным социальным

процессом, протекающим под действием многих факторов: объективных и субъективных оценок качества товаров, конъюнктуры рынка и осведомлённости о ней участников рынка, их психологии, настроения и многого другого. В зависимости от этих факторов в процессе обмена товаров происходит перераспределение части стоимости товаров между их владельцами.

Выгодно или не выгодно продан или куплен товар, можно установить только сопоставлением меновой цены с ценой производства товара. Последняя определяется на основе бухгалтерских данных по расходованию средств производства и их стоимости, по затратам на оплату труда и по предполагаемой прибыли после реализации произведенного товара. Стоимость средств производства зависит от рыночных цен на их составляющие части. Расходы на оплату труда зависят от рынка рабочей силы и складывающихся там социальных отношений. Всё замыкается на акте обмена товарами.

Сколько же должно и сколько достанется прибыли или убытка каждому из владельцев товаров априори не поддается никакому бухгалтерскому расчёту, а может только предполагаться. Именно поэтому все попытки построить теорию стоимостного расчёта, особенно, макроэкономического масштаба производства, в чём индустриальное и особенно постиндустриальное производство очень нуждается, были тщетны. За неимением таковой применяются субъективные экспертные оценки и эмпирическое прогнозирование «от достигнутого».

Верно и то, что, используя «абстрактный труд», нельзя доказать не только состоятельность, но и правомерность определения некой «силы» - стоимости как эквивалента затрат труда то ли физического, то ли умственного, то ли физиологического или ещё какого-либо. Дело в том, что определение стоимости по затратам труда было введено задолго до К. Маркса и изначально является научной гипотезой, не зависимо от того было это сделано осмысленно или нет.

Научная же гипотеза не доказывается, а изначально закладывается и признаётся до тех пор, пока построенная на ней теория кого-то устраивает. Есть геометрия Эвклида, построенная на гипотезе двух непересекающихся параллельных прямых на плоской поверхности, и есть геометрия Лобачевского, построенная на иной гипотезе – непересекающихся линий на некоторой кривой поверхности. Первой пользуются в теории, и все без исключения на практике, а второй - в научных целях. И в экономике тоже имеются научные школы, не признающие теорию

трудовой стоимости. Как и все, в этом они вольны.

Но непризнание, как и признание, теории не устраняет нерешённые проблемы. А проблема в том, что теория стоимости, по сути, описывает экономику не общественного производства в целом, а только его составляющей ячейки, производящей тот или иной товар и осуществляющей циклы круговорота капитала.

деньги @ товар @ новые деньги @ новый товар

В этой широко известной формуле само производство, необходимое для производства товара, лишь предполагается и только как технический объект с применением технологических процессов и участием труда как физических и физиологических процессов. Общественное же производство в целом подразумевается в виде совокупности производственных ячеек (предприятий), обменивающихся своей продукцией в форме товарообмена.

Эта теория дала ответ на тогда злободневный вопрос, что такое самовозрастающий капитал и из чего получается прибавочная стоимость. Но она не смогла раскрыть сам процесс образования стоимости (именно «стоимости», а не меновой стоимости).

«Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и «стоимость». ...Наш анализ показал, что форма стоимости, или выражение стоимости, товара вытекает из природы товарной стоимости, а не наоборот не стоимость и величина стоимости вытекает из способа её выражения как меновой стоимости».¹ Но, как и сколько вытекает стоимости, эта теория стоимости не устанавливает и не может установить. И вот почему.

В этой теории труд рассматривается только как процесс затрат определённого количества мускулов, нервов, мозга и т. д., что в общем можно назвать физико-физиологическим трудом, или просто физическим трудом, подразумеваемая при этом все физические и физиологические процессы, происходящие во время труда человека. И этим физическим трудом (во время его выполнения) образуется два вида стоимости.

Полезный конкретный физический труд создаёт потребительную стоимость, то есть сам предмет со всеми его предметными свойствами: физическими, физиологическими и т. д. По-английски он определяется словом *work*, имеющим в технике смысл физической работы, а в производстве – разновидность работы, выполняемой работниками конкретной специальности.

Одинаково абстрактный физический труд образует «стоимость», то есть некую саму стоимость и ничто иное.

По-английски он определяется словом labour, имеющим социальный смысл труда. В сочетании его со словом surplus означает прибавочный труд.

Так как труд единый, то обе стороны определения труда (work и labour) проявляют себя одновременно, причём до акта товарообмена. Создание физическим трудом потребительной стоимости, или самого предмета со всеми его вещественными свойствами, ясно и понятно. В этой стороне труда и то, и другое однородно и вполне измеримо. При современном состоянии естественных наук возможность расчёта и измерения физических величин не вызывает сомнения. Механика и физиология труда изучены достаточно хорошо. Здесь, как говорится, дело техники.

Что касается определения сути «одинаково абстрактного физического труда», приводимого Марксом в «Капитале», и образуемой этим трудом «стоимости», дело намного сложнее. Добавление слов «одинаково абстрактный» к термину «физический труд» указывает лишь на то, что труд, кроме, физического, должен обладать и ещё каким-то другим свойством, которое в теории стоимости предполагается, но не устанавливается.

Для раскрытия этого свойства труда, которое проявляется не в технических, а в экономических процессах производства, необходимо перейти от модели круговорота капитала к модели круговорота производственных элементов (рабочей силы, орудий труда и предмета труда) в социальной и природной среде¹.

произ-е элементы © производство © новые произ-е элементы

С чисто экономической точки зрения суть общественного производства заключается в следующем.

Производство - это совокупность трёх производственных элементов в виде *трёх форм овеществлённого труда (рабочей силы, орудий труда и предмета труда)*, которая посредством труда, то есть посредством действия рабочей силы, производит три вида продукта также в форме овеществлённого труда: продукт - рабочая сила, продукт - орудие труда и продукт - предмет труда.

Иными словами, совокупность трёх производственных элементов непрерывно порождает себе подобные продукты. При этом структура производства, кроме трех производственных элементов и трех видов продукта, включает в себя такие экономические категории как производственные соковища* в виде

неиспользуемых частей производственных элементов, приток овеществленного труда, или сто-

имости, извне (от одной экономической системы к другой) и возможные экономические потери.

Приток или отток овеществленного труда возможен вследствие неэквивалентной торговли, найма и увольнения рабочей силы, а также вследствие любого иного, административного, насильственного, например, перераспределения средств производства и рабочей силы. Сокровища могут образоваться вследствие замораживания строителя, накопления сверхнормативных запасов материалов и вследствие безработицы. Диссипативные, то есть невозполнимые без дополнительных затрат экономические потери, могут образоваться, например, вследствие морального старения, ликвидации устаревших средств производства, необходимости переобучения рабочей силы.

И здесь следует признать, для описания такой совокупности экономических процессов производства нужны не частные закономерности типа «закона» стоимости обмена товаров и ещё десятка два – три имеющих частных закономерностей, называемых экономическими «законами». Нужны универсальные экономические законы как общие причинно-следственные связи в общественном производстве, пригодные для решения как частных, так и общих задач.

Для установления общих экономических законов и количественного их определения необходимо, прежде всего, ввести постулаты. В данном случае приняты два постулата, которые частично согласуются с теорией трудовой стоимости Адама Смита и Карла Маркса.

Один постулат определяет меру экономического процесса, то есть саму сущность величины, которой измеряется экономический процесс производства. Он формулируется так.

В экономических процессах, охватывающих любую часть и весь круговорот производственных элементов, мерой есть овеществлённый труд (стоимость).

Это значит, что величина любого предмета, любой экономической субстанции, в том числе любой части производственных элементов, включая и

рабочую силу, экономически измеряется количеством содержащегося в них овеществлённого труда. Следовательно, в экономике производства мерой есть только овеществлённый труд - стоимость.

Из этого постулата следует обязательный признак экономического процесса в производстве, и он формулируется так.

Производство, в смысле наличия в нём экономических

процессов, существует тогда и только тогда, когда в нём участвует рабочая сила, способная

осуществлять процесс труда, и в ней, как и в орудиях труда и предмете труда, содержится некоторая масса овеществлённого труда, отличная от нуля.

Таким образом, в каждом производственном элементе, включая и рабочую силу, обязательно содержится какое-то количество овеществлённого, то есть в прошлом затраченного на его образование (создание) труда.

Другой постулат определяет источник приращения стоимости в круговороте производственных элементов, и он гласит:

Стоимость прирастает (увеличивается) путём прибавочного труда, при котором величина стоимости рабочей силы, участвующей в процессе производства, не изменяется, то есть, не убывает.

Это значит, что во время прибавочного труда масса овеществлённого труда, содержащаяся в рабочей силе, переносится на производимый продукт эмиссионным способом, то есть без убывания её количества в рабочей силе. Прибавочный труд является фактором ускорения экономического процесса.

Эти два постулата служат базисной основой для формулирования экономических законов производства и ни один экономический результат не должен им противоречить. Сами же экономические законы должны устанавливать причинно-следственные связи в процессах, обусловленных участием в них труда людей. Они должны определять экономические (стоимостные) результаты человеческого труда.

Так же как тело человека и тела всех вещественных предметов подвержены действию естественных природных законов, так и труд человека и все экономические объекты, порождённые трудом человека, подвержены действию универсальных экономических законов.

Вне поля труда нет экономических процессов и соответственно нет области действия законов экономики производства. Строгое формулирование экономических, как и физических законов, возможно только в рамках математического формализма. Поэтому, кроме вербального выражения, законы экономики производства сформулированы как универсальные зависимости в виде математических уравнений. В данном случае ограничимся вербальным выражением законов.

Один закон экономики определяет количество затраченного труда. Раскрытие сути и установление закона образования стоимости и, особенно, прибавочной стоимости –

действительно, один из краеугольных камней экономической науки. В результате многовекового опыта и научного анализа этого, казалось бы, не так уж сложного понятия, целым рядом исследователей от У. Петти, А. Смита и других, включая К. Маркса, было дано лишь качественное определение стоимости и её источника – труда. При этом в понятие «труд» вкладывали все социально-экономические, физические, физиологические и даже моральные аспекты труда: сложный и простой труд, его моральная и материальная оплата, абсолютная и относительная продолжительность, физический, умственный, тяжёлый, лёгкий труд.

Все эти качественные характеристики, в общем, определяют техническую сторону и социальную оценку труда. Они никак не определяют труд в его чисто экономическом смысле. Точно так же, как физические качества любого вещественного предмета не определяют величину его физической массы, точно так же физические качества работы во время труда не определяют количества (массу) труда в его экономическом смысле. Как масса тела не имеет ни цвета, ни запаха и проявляет себя только свойством инерционности, так и масса труда в экономическом смысле не имеет ни моральной окраски, ни запаха пота и проявляет себя только свойством стоимости и её инерционностью. Физические, как и другие качества характеризуют не труд, а персону, совершающую работу (физический труд), с её реальной многогранной плотью.

Но изучение и определение человеческой плоти не относится к экономической науке. Поэтому в научном понимании труд необходимо разделить на физическую работу с её плотью и потом и на труд экономический с его абстрактной сутью – «стоимостью». Следовательно, для установления количественной характеристики труда необходимо отделить техническую суть совершаемой работы от экономического процесса труда. Это достигается введением экономической модели труда.

В соответствии с принятым выше постулатом рабочая сила, как и любой другой производственный элемент, в данной модели измеряется и, следовательно, проявляет себя только содержащейся в ней массой овеществлённого труда – стоимостью, и больше ничем. Поэтому и затраты труда в экономическом смысле сводятся только к переносу на продукт содержащегося в рабочей силе овеществлённого труда, и ни к чему другому.

Таким образом, закон должен определять стоимостную величину затрат экономического труда.

Количество затраченного труда в процессе производства равно сумме величины массы овеществлённого тру-

да, перенесённой с рабочей силы на производимый продукт за время необходимого труда, и величины эмиссии массы овеществлённого труда за время прибавочного труда, при затратах которого содержание массы овеществлённого труда в рабочей силе не изменяется.

Количество прибавочного труда равно разности между затратами живого труда и количеством труда (овеществлённого и живого), потреблённого рабочей силой в процессе производства.

Количество необходимого труда означает ни что иное, как восполнение за время необходимого труда той величины массы овеществлённого труда, которая была в рабочей силе до момента вступления её в процесс производства, то есть до момента начала переноса овеществлённого труда с рабочей силы на производимый продукт. Ни о каком физическом восстановлении рабочей силы здесь речь не идёт. Можно лишь утверждать, что восстановление рабочей силы как физической плоти прямо пропорционально восстановлению её экономической сути – стоимости. Существенно, что величина труда может быть только положительной. Что касается прибавочного труда, то он может быть как положительным, так и отрицательным

При этом количество необходимого труда определяется величиной массы овеществлённого и живого труда, потреблённой рабочей силой в процессе производства. Соответственно отрицательное значение прибавочного труда имеет лишь тот смысл, что труд за время необходимого труда не покрывает величину потреблённой массы овеществлённого и живого труда. В стоимостном отношении потребляется больше, чем создаётся стоимости в процессе производства.

Другой экономический закон - закон переноса стоимости определяет величину овеществлённого труда, содержащегося в произведенном продукте (в продукции). Он, по сути, устанавливает причинно-следственную связь между стоимостью продукта и связанными с его производством материальными и трудовыми затратами. Количество вновь образовавшегося продукта, в смысле его стоимости, определяется количеством затраченного экономического труда и перенесённой на продукт массы овеществлённого труда с орудий и предмета труда. Конечно, всё это с учётом общественно необходимых затрат.

Количество овеществлённого труда, содержащееся в производимом продукте (в продукции), равно сумме общественно необходимого труда, перенесённого на продукт со всех трёх производственных элементов: с ра-

бочей силы, с орудий труда и предмета труда, и затрат на его производство прибавочного труда.

Существенно, что в этом законе на стоимость продукта переносится не величина оплаты труда, а содержащаяся в рабочей силе масса овеществлённый труда (величина стоимости). В этом отношении рабочая сила ничем не отличается от других производственных элементов, кроме эмиссионных затрат прибавочного труда во время которого стоимость рабочей силы, то есть величина содержащейся в ней массы овеществлённого труда, не изменяется.

Закон переноса стоимости определяет преобразование нескольких видов экономической «энергии» - овеществлённого труда, содержащегося в различных производственных элементах, в другой вид «энергии» - овеществлённого труда, содержащегося во вновь образующемся продукте, с учётом дополнительно затраченного при этом прибавочного труда.

Следует заметить, что данное и бухгалтерское, используемое в теории стоимости Маркса, определение, как самого труда, так и его участия в затратах на производство продукта, качественно и количественно различны. Бухгалтерией определяется, причём, произвольно, или административно, некая доля затрат в производстве (заработная плата) для покрытия расходов по восстановлению физических сил, затраченных работниками в производстве конкретной продукции. При этом прибавочная стоимость бухгалтерией может определяться лишь как прибыль от производства и реализации товара в виде разности между ценой реализации товара и затратами на его производство.

В излагаемой же здесь теории математически строго определяется по объективным законам то количество стоимости, которое содержится в рабочей силе и соответственно переносится во время труда на производимый продукт.

Причём эта величина стоимости, «вытекающая» с рабочей силы во время труда, зависит не только от конкретно производимого продукта, а и от того, сколько стоимости (овеществлённого труда) содержится в самой рабочей силе в момент производства. От конкретного продукта зависит время труда при конкретных качествах рабочей силы, условий труда и организации производства.

Величина прибавочного труда, а соответственно и величина прибавочной стоимости, в данной теории определяется не по результатом прибыльности реализации товара, а по необходимому времени труда для

восстановления стоимости, содержащейся в рабочей силе до начала производства, и времени труда. Здесь, прибавочный труд является локальным показателем эффективности использования рабочей силы в процессе производства. Прибыль же, здесь и в любом другом случае, является интегральным показателем социально-экономической и технической эффективности производства в целом.

Если два первых закона определяют величину труда и результат переноса стоимости с производственных элементов на производимый продукт, то следующий закон определяет сохранность стоимости (массы овеществлённого труда) в производственной системе и возможные источники её приращения или убывания. Внутренним источником приращения стоимости в системе согласно принятым постулатам является прибавочный труд, и только прибавочный труд, создающий прибавочную стоимость. Внешним же источником (положительным или отрицательным) приращения стоимости в производственной системе может быть её приток извне. Ну, а убыль стоимости также возможна вследствие экономических потерь.

Таким образом, закон сохранения стоимости заключается в том, что в производственной системе сумма приращений стоимости (количества овеществлённого труда) в трёх производственных элементах (в рабочей силе, орудиях труда и в предмете труда) и в производственных сокровищах равна, за вычетом потерь, количеству прибавочного труда и величине притока стоимости извне.

Суть закона сохранения стоимости в том, что ничто бесследно не исчезает и не появляется из ничего. Источниками (положительными или отрицательными) приращения стоимости в рассматриваемой системе является прибавочный труд и поступление извне массы овеществлённого труда.

Существенно, стоимость производства товара, определяемая сформулированными экономическими законами производства и являющаяся основой цены товара, в акте обмена товаров несколько не изменяется. Но при этом какая то её часть вместе с товаром переходит от одного к другому субъекту акта обмена товарами по устраивающим их ценам. Суммарный же результат по всем внутренним актам обмена в производственной системе всегда равен нулю (сколько одним добавилось, столько же у других убавилось).

Таким образом, с установлением законов экономики, определяющих причинно-следственные связи в экономических процессах, многовековая проблема «стоимости»

решена, и загадки больше нет. Но как было прежде, так и сейчас, пока ещё остаются предрассудки, часть из которых самим Карлом Марксом при анализе проблемы стоимости возведены в ранг неопровержимых истин. Это относится к его утверждению, что товарное производство, следовательно, и превращение продукта труда в товар, присуще только одной, а именно, капиталистической форме производства. Рассматривая суть «стоимости», К. Маркс утверждал¹:

«Продукт труда во всяком обществе есть предмет потребления, но лишь одна исторически определённая эпоха развития превращает продукт труда в товар, - а именно та, при которой труд, затраченный на производство вещи, выступает как «предметное» свойство этой вещи, как её стоимость».

Это политическое преубеждение увело от поиска экономической сути труда, сводя её к физическому участию труда в создании вещи и к необходимости восполнения физических (физиологических) затрат рабочей силы, что только и учитывается в ценообразовании производства и обмене товара в модели круговорота капитала.

Экономические законы определяют экономические процессы производства всех трёх производственных элементов, включая и рабочую силу. При этом труд количественно определяется законом как процесс переноса «стоимости» с рабочей силы на производимый продукт. А количество «стоимости» в рабочей силе определяется не оплатой труда (его ценой) в момент труда, а экономическим законом в процессе воспроизводства рабочей силы как обычного продукта труда. Ну, а общей баланс «стоимости» во всех процессах образования, переноса в производстве и её перераспределения при товарообмене определяется законом сохранения стоимости в производственной системе. Размеры последней определяются масштабами решаемой задачи микро- и макроэкономики: масштабами предприятия, отрасли, страны и группы стран.

Следовательно, во всяком обществе, имеющим производство с общественным разделением труда (не работы), есть предмет потребления, и есть продукт труда, превращающийся в товар. При этом физический процесс труда, или физический труд, затраченный на производство вещи, образует потребительные качества вещи. Суммарно они выражают потребительную стоимость товара. Экономический процесс труда, или экономический «труд», образует экономические качества товара – стоимость его производства. Между этими процессами и их результатами имеется вполне определённая зависимость, которой и опреде-

ляется меновая стоимость продукции (товара).

Для установления этой зависимости нужна экономико-физическая модель товара. И такая модель в данной теории также разработана. В вышеупомянутой монографии автора данной статьи установлено вполне определённые соотношения между физическим и экономическим трудом, между стоимостью и потребительной стоимостью производимой продукции (товара), что не только раскрывает связь социальных и технических процессов, но и позволяет решить до этого нерешённые задачи.

Таким образом, развитие теории стоимости на основе общей модели производства и установленных объективных законов экономики, решает не только методологические проблемы теории, но и практические проблемы экономики современного производства. Теория же стоимости XIX века, построенная не на объективных законах экономики, а на вероятностной закономерности стоимостного обмена товаров, была состоятельна для мануфактурного мелкотоварного производства. Что касается поиска в теории стоимости решения проблем, связанных с распределением производимых материальных благ и эксплуатацией или не эксплуатацией рабочей силы, то это относится к социальной стороне устройства общества и эти проблемы должны исследоваться не экономикой производства, а экономической социологией¹, ныне отделяющейся от всё охватывающей экономики вообще.

Предметом исследования последней становится сотрудничество людей и мотивы их поведения в производственном процессе в зависимости от экономических, культурных, социальных, политических и других факторов человеческого бытия. По-видимому, социальная ветвь экономической науки призвана будет дать ответ на вопрос что должен делать социум, то есть в какой форме и какими должны быть экономические отношения, мотивация поведения участников производственного процесса, какими должны быть в тот или иной период критерии социальной политики и многое другое.

Но если одна наука призвана отвечать на вопрос *что надо делать*, то другая наука должна давать ответ на вопрос *как это сделать*. Ответ на второй вопрос должна давать не всё охватывающая экономическая наука вообще, а наука об экономике производства, предметом исследования которой в целом является круговорот производственных элементов в социальной и природной среде. В самом деле, не кораблестроительная наука решает какой надо строить корабль и не астрономия отвечает за то, куда

ему следует плыть. В собственно экономике должна остаться ей присущая экономика производства, которая после установления её универсальных законов способна решать все ей присущие задачи как настоящего, так и будущего¹.

Такая наука позволяет не только декларировать намерения в преобразовании общества, но и находить единственно правильные решения выдвигаемых жизнью задач, и даже лабораторно проверять намечаемый ход развития социума. Время учений и знахарства заканчивается, настаёт время научного предвиденья и научного проектирования предстоящего пути общественного развития. Именно такое предназначение науки видели Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Но всему своё время. Тогда ещё не было ни достаточного развития не только общественных, но и естественных наук, и не было нужной зрелости общества. Сейчас есть и то, и другое.

Жизнь ставит вопрос и надо находить ответ. В Китае при академии общественных наук создан институт марксизма, на официальном открытии которого в конце минувшего года член центрального комитета компартии Китая Лю Юньшань подчеркнул: «Эпоха и практика требуют, чтобы был сделан новый шаг в изучении и построении марксистской теории».

Изучение и развитие теории, необходимой для осмысленного преобразования общественного устройства, актуально не только для Китая, но и для стран, ныне платящих непомерно высокую цену за шоковую стихию плохо обдуманых перестроек. Время стихийного общественного развития безвозвратно уходит. Настаёт время предвиденья и проектирования как технической, так и социальной стороны развития общества. Да, теорию надо изучать, развивать и применять.

Бабицкий Арнольд Фелицианович, Киев.

1 Илюшин В.А. Несостоятельность теории стоимости Карла Маркса // Научное наследие К. Маркса и современные социальные процессы. Материалы международной научной конференции. (Киев, 5-7 мая 2004г.) – К.: ЭКМО, 2004, с.134-137

2 Там же с. 134.

3 Там же с. 134.

4 Там же с. 136.

5 Там же с. 136.

1 Илюшин В.А. Несостоятельность теории стоимости Карла Маркса // Научное наследие К. Маркса и современные социальные процессы. Материалы международной на-

учной конференции. (Киев, 5-7 мая 2004г.) – К.: ЭКМО, 2004, с.137

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т.23 с. 70.

1. 1 Бабицкий А.Ф. Социал. Законы и теория экономических процессов настоящего и будущего: – К.: МАУП, 2005. - 496 с.

* Термин «производственные сокровища» введён по той причине, что они присутствуют в производственном процессе, но свою стоимость не переносят на производимый продукт.

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т.23 с.71.

1 О развитии экономико-математического инструментария // Экономика и математические методы, 1987, т. XX//, вып. 4, с. 754-755 (заметки и письма, письмо: Бабицкий А.Ф)

1 Бабицкий А.Ф. Законы экономики и жизнь общества. – К.: Фитосоциоцентр, 2004, 64 с

А.Ковалев

СОЦИАЛИЗМ: ОСНОВЫ, ПРИНЦИПЫ, ЭТАПЫ И ЗАДАЧИ

Коммунизм из призрака XIX века превратился в реальность XX века. Впервые в истории человечества трудящиеся России в октябре 1917 г. сбросили власть эксплуататорских классов и приступили к строительству социализма – общества без эксплуатации и угнетения, общества справедливости и созидания. Это позволило выйти СССР из отсталой страны на передовые рубежи человеческого прогресса, обеспечить победное шествие социализма во многих странах и почти на всех континентах земли.

Однако через 70 лет своего существования социализм в СССР и других восточных странах социализма рухнул под действием внутренних и внешних противоречий. Началась эпоха реставрации капитализма.

Могильщики социализма постоянно твердят об окончательной и безвозвратной гибели социализма (как временного отхода отдельных стран от столбовой дорожки цивилизованного развития человечества), об эффективности и вечности капитализма. Другие, реально увидевшие звериный оскал капитализма, проповедуют так называемый третий путь развития человеческого общества,

который на деле представляет собой нечто среднее между капитализмом и социализмом (или, точнее было бы сказать, переходное состояние от капитализма к социализму). Третьи – их можно назвать стыдливými социалистами и коммунистами, которые клянутся в верности этих идей, но пытаются само понятие социализм заменить более подходящим, по их мнению, для народного сознания, например, гуманистическим обществом и т. п.

Между тем, ростки социализма, варварски растоптанные на земле российской, все более настойчиво пробиваются на перезревших почвах капитализма, прежде всего в экономически развитых странах мира. Все более мощно действуют глубинные титанические силы истории, которые подрывают основы капитализма и создают предпосылки для социализма. Объективные тенденции в развитии общественных отношений, ведущих к социализму, все глубже проникают в различные сферы общества и охватывают не только социально-политические, но уже и производственные отношения. Так что нередко возникает вопрос - чего больше капитализма или социализма в отдельных развитых капиталистических странах.

Эти мощные исторические силы питают социалистические и коммунистические движения в мире, являются основой существования и устойчивого развития ряда социалистических стран, в частности, Китая.

... Так что вопрос состоит не в признании или не признании социализма как по сути, так и по названию – этот вопрос позитивно уже решается самим ходом современной истории. **Задача состоит в максимальном учете в теории научного социализма объективных тенденций в развитии общественных отношений, ведущих к социализму, и таким образом представить истинный образ социализма как цель всего коммунистического движения.** Только на этой научной базе можно объединить коммунистические, социалистические и все левые силы для единых действий в их борьбе против существующего режима, для взятия ими государственной власти, как инструмента дальнейших социалистических преобразований.

В дальнейшем рассмотрим источники и суть этих тенденций и вытекающие из них основы и принципы социализма, позволяющих уточнить и дополнить задачи коммунистов в современных условиях, действовать им более решительно и наступательно.

ОСНОВЫ И ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИЗМА

Развитие человеческого общества, переход от одной общественно-экономической формации к другой всегда в конечном счете осуществлялись на основе развития материального производства, его производительных сил. На современном этапе их развитие порождает тенденции в развитии общественных отношений, которые закладывают основы, ведут к новому общественному строю – социализму. При этом главную роль здесь играют средства производства, развитие которых порождает тенденцию к образованию в конечном счете общенародной собственности на средства производства, выступающей экономической основой социализма.

Что же касается развития работника, как главной производительной силы общества, то этот фактор, наряду со средствами производства, оказывает в настоящее время относительно самостоятельное воздействие на развитие производственных отношений и в последние десятилетия определил новейшую мировую тенденцию в развитии общества – самоуправление трудящихся, образующую в конечном счете одну из главных основ социализма.

Из этих основ социализма вытекают другие его существенные черты, принципы, образующие в совокупности единую систему социализма.

Историческая неизбежность общенародной собственности на средства производства

Развитие средств производства на данном этапе обобществления производства порождает **тенденцию к централизации собственности на средства производства и в конечном счете образованию общенародной собственности**, как экономической основы социализма. Так как эта тенденция достаточно основательно исследована в экономической теории социализма, то остановимся лишь кратко на основной логике ее действия.

В современном производстве развитие орудий труда, их постоянные революционные изменения, перевороты в технологии производства приводят к быстрому **обобществлению производственных процессов** за счет концентрации производства, с одной стороны, и углубления разделения труда, а с ним и развития кооперационных связей, - с другой. Вместе с обобществлением производства и на его основе рука об руку идут процессы **концентрации, централизации капиталистической собственности** – от монополий до финансово-промышленных групп, государственной собственности, транснациональных корпораций, межгосударственной собственности. Налицо – объектив-

ная тенденция объединения, интеграции, централизации собственности на средства производства, образования единой, централизованной собственности на средства производства, требующей единого централизованного управления, сознательного регулирования с единого центра и по единому плану. Другими словами, интеграция общественного производства в единый народнохозяйственный процесс обуславливает тенденцию к централизации собственности, к образованию государственной собственности, которая, будучи обращена на интересы всех трудящихся в условиях их государственной власти, становится общенародной и в этом качестве является экономической основой социализма. Зрелость объективных условий для все большей централизации собственности свое главное выражение получает в планомерном развитии производства, в государственном его регулировании, которое в экономически развитых странах мира получает все большее распространение.

Установление общенародной собственности на основные средства производства в СССР в самого начала его возникновения в ведущих отраслях народного хозяйства соответствовало объективным требованиям уровня развития производительных сил, обобществления производства и поэтому было исключительно верным шагом Советской власти, позволившего сделать мощнейший рывок отсталой страны на передовые рубежи экономического и социального прогресса общества.. Поэтому нельзя соглашаться с теми критиками социализма, которые справедливо указывая на негативные стороны использования общественной собственности в СССР, планирования народного хозяйства вообще отрицают необходимость существования при социализме того и другого..

Наряду с общественной собственностью при социализме сохраняется **частная и индивидуальная собственность** на средства производства в той мере, в какой для нее существуют объективные условия. Она сохраняется здесь в ограниченных масштабах, - на предприятиях и в отраслях, не имеющих решающего значения для экономики в целом. Это – мелкие и средние предприятия сферы услуг, легкой и обрабатывающей промышленности и т.п. . ***В перспективе вопрос о частной собственности будет решаться чисто экономическим путем в основном за счет более высокой ее эффективности по сравнению с обобществленным производством в данном секторе экономики.*** Однако, корни частной собственности еще достаточно глубоки, чтобы сегодня говорить о сроках ее полного отмирания.

Однако установление общенародной собствен-

сти на средства производства еще не гарантирует ее использование в интересах всех трудящихся, всего общества. Как показывает богатый исторический опыт, в частности в СССР, в значительной мере она использовалась государственными чиновниками, бюрократией в их собственных интересах особенно в последний период существования Советской власти.. Это породило противоречие между общественной формой собственности и частно государственной формой ее присвоения, которое по мере усиления власти бюрократии все больше обострялось и в конечном счете привело к гибели социализма в нашей стране.

САМОУПРАВЛЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ – СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА СОЦИАЛИЗМА

Противоречие между общественным характером собственности и частнобюрократической формой ее присвоения может разрешаться только на основе самоуправления трудящихся – **участия их в управлении производством и распределением, в решении основных вопросов социальной и политической сфер. Самоуправление таким образом позволяет исключить эксплуатацию как со стороны капитала, так и со стороны бюрократии.** Здесь или власть бюрократии или самоуправление трудящихся. Третьего не дано. Поэтому не случайно, что В.И. Ленин сразу же после Октябрьской революции добивался введения рабочего контроля и рабочего самоуправления на предприятиях как первейшего условия окончательной победы Советской власти. Еще тогда он пророчески писал, что если рабочие не научатся управлять производством, то ига капитала им не избежать. Однако тогда попытка введения самоуправления на предприятиях не увенчалась успехом. И только чуть позже, говоря о социализме как строе цивилизованных кооператоров, он вынужден был признать, что для этого понадобится целая историческая полоса культурного развития.

((((((((Очевидно, самоуправление трудящихся, будучи средством реализации общественной собственности на средства производства, не возникает автоматически вместе с ее учреждением, а имеет собственные источники развития. Главным и непосредственным источником является развитие работника на современном этапе.)))))))))

Со второй половины XX века самоуправление трудящихся начинает развиваться как объективная мировая тенденция. Главным ее источником является развитие

работника на современном этапе. Современное производство требует качественно нового уровня развития работника, его квалификации и образовательной подготовки. Оно нуждается в людях профессионально подготовленных с богатым практическим опытом, мобильных в выполнении разнообразных работ в постоянно изменяющейся ситуации, способных брать на себя ответственность за конечные производственные результаты, по хозяйски относиться к делу. Поэтому во всех промышленно развитых странах в десятки раз возросли затраты на подготовку и переподготовку рабочей силы. Наметилась тенденция ко всестороннему развитию работника как требование современного производства.

При этом происходит не просто повышение профессионального уровня работника, его трудовых и общих способностей. **Главное, новое и весьма существенное здесь состоит в том, что развитие трудовых и общих способностей и потребностей работника происходит по определенным объективным закономерностям** - от низшего их уровня (преимущественно физических) до уровня более высоких, возвышенных – духовных, социальных способностей и потребностей. Высшей социальной потребностью работника является участие его в управлении общими делами в различных сферах общества, в самоуправлении.

В наибольшей мере в настоящее время свою потребность в самоуправлении люди реализуют в политической и социальной сферах в форме выборов в законодательные органы власти, референдумы, через различные социальные институты. В последние десятилетия демократия из политической сферы постепенно переходит в производственную в форме производственного самоуправления, при котором трудящиеся участвуют в принятии решений по основным вопросам производства и распределения.

Главное здесь состоит в том, что участие работников в управлении создает дополнительные стимулы в труде, позволяет поднять их заинтересованность в производстве выше того уровня, который достигается на основе оплаты труда, улучшения их материального благосостояния; и что самое важное - создает заинтересованность работника в творческом, хозяйском отношении к делу. Это позволяет поднять производительность труда на более высокий исторический уровень.

Таким образом, самоуправление трудящихся, с одной стороны, является закономерным результатом развития работника, его способностей и потребностей, а, с другой, - создает стимулы к творческому, хозяйскому отношению

к делу и **выступает дополнительной производительной силой общества.**

Поэтому, несмотря на то, что отношения самоуправления находятся в антагонистическом противоречии с капиталистическими отношениями, прогрессивная тенденция его развития все больше пробивает себе дорогу. Причем это происходит **по определенным объективным закономерностям** от простых форм ко все более сложным, от низших ступеней к более высоким.

Зачатки участия работников в управлении производством имеют место в акционерных обществах, где владельцы акций осуществляют это участие через собрание акционеров. Однако здесь не все работники являются акционерами, а из них реально решают вопросы, управляют лишь обладатели контрольного пакета акций. То есть здесь имеет место самоуправление небольшой кучки обладателей крупного капитала, по существу - самоуправление капиталистов.

Более высокими формами участия работников в управлении являются рабочий контроль над деятельностью администрации предприятий, деятельность рабочих комитетов, советов трудовых коллективов и т.п.. Эти формы получили широкое распространение особенно в развитых странах Западной Европы.

Качественно новой ступенью в развитии самоуправления трудящихся является участие работников в управлении, которое основывается на общей собственности на средства производства, продукты труда. Его развитие, начиная со второй половины XX века, идет по следующим основным направлениям.

Во-1-х, широкое распространение получило самоуправление работников в малых коллективах (бригадах, участках производства), Здесь рабочие сами организуют производство и выпуск продукции; они являются собственниками части стоимости продукта в виде фонда оплаты труда, который они сами распределяют и используют. Эта форма самоуправления порождает стимулы, обеспечивающие более высокую производительность труда, чем, например, в условиях принудительной конвейерной организации труда. Именно развитие самоуправления рабочих в малых коллективах позволило, например, Японии одержать существенную победу в конкурентной борьбе с другими промышленно развитыми странами.

Во-2-х, создаются предприятия с собственностью работников. В США, например, свыше 11 миллионов американцев уже стали совладельцами своих предприятий в рамках законодательно утвержденных сенатом специальных программ, в частности, принятой еще в 1974 г. про-

граммы ЕСОП . В России, хотя и в незначительных количествах, существуют народные предприятия.

В-3-х, самоуправление трудящихся, хотя и в редких случаях, распространяется на целые регионы. Примером тому служит ассоциация кооперативов Мандрагоны (Испания). ***Наиболее характерными примерами таких сложных самоуправленческих структур в России являются Союз совладельцев – собственников Шухты в Дагестане; комплекс сельскохозяйственных предприятий в Тульской области и др.***

Основные закономерности развития самоуправления трудящихся свидетельствуют о том, что его развитие идет рука об руку с развитием общей собственности трудящихся или, другими словами, с обобществлением собственности. Общая собственность работников является объектом и экономической основой самоуправления трудящихся. В свою очередь, самоуправление выступает способом реализации общей собственности. И чем шире и глубже эта собственность, тем более эффективно самоуправление. Эта тесная связь между ними приводит к тому, что **каждому уровню развития самоуправления трудящихся соответствует свой, определенный уровень развития их общей собственности.**

Так как самоуправление трудящихся и общественная собственность по своей сути глубоко антагонистичны капиталистическим отношениям, то их развитие допускается лишь в тех пределах, при которых они не подрывают устои капиталистического строя. Поэтому переход отношений самоуправления и общей собственности работников от предприятий и даже отдельных регионов до уровня всего народного хозяйства, всего общества, при котором самоуправление может реализовать централизованную (общегосударственную) собственность, не может быть самопроизвольным, даже если для этого созреют все объективные предпосылки. Этот переход требует решительных действий трудящихся для взятия политической власти как инструмента осуществления этого революционного процесса.

В условиях победившего социализма самоуправление трудящихся развивается как единая система, охватывающая все уровни хозяйствования – от предприятий и отраслей до всего народного хозяйства в целом, а так же социальную и политическую сферы общества. Именно как единую, целостную систему представлял самоуправление трудящихся К.Маркс, когда говорил о социализме как ассоциации свободных самоуправляющихся производителей. В настоящее время самоуправление трудящихся уже приобретает черты целостной системы, например, в со-

циалистическом Китае. Кроме того, что здесь половина всех предприятий переданы в полное владение производственным коллективам, трудящиеся в различных формах на общегосударственном уровне участвуют в управлении производством, распределением, в решении социальных и политических вопросов.

В качестве единой системы самоуправления выступает прежде всего как средство, механизм реализации общественной собственности на средства производства в интересах всех трудящихся.

В свою очередь, самоуправление, обеспечивая использование общей собственности в интересах трудящихся, придает общественным отношениям социалистический характер, предопределяет их социалистическую природу, а, значит, выступает как исходное звено, генетическое начало, элементарной клеточкой, из которой образуется главная ткань всех социалистических отношений. С этой стороны самоуправление трудящихся выступает в качестве социальной основы социализма.

Поэтому борьба трудящихся за самоуправление является их борьбой за социализм.

Итак, развитие средств производства и на этой основе развития работника являются источниками двух тесно взаимосвязанных между собой, но относительно самостоятельных тенденций развития отношений, образующих основы социализма.

Первая тенденция ведет к централизации собственности на основе обобществления производства. При этом каждому уровню развития средств производства отвечает свой уровень обобществления и централизации собственности.

Вторая тенденция, связанная с развитием способностей и потребностей работника, порождает самоуправление трудящихся и развитие на этой основе обобществление собственности. При этом каждому уровню развития самоуправления трудящихся соответствует свой уровень обобществления собственности.

Однако развитие этих двух процессов – централизации собственности и ее обобществление исторически не совпадают между собой во времени, носит разновременный характер. Соотношение между ними определяет главную структуру форм собственности в обществе в каждый данный момент. До последнего времени при капитализме обобществление производства и централизация собственности практически не сопровождалось обобществлением собственности. Централизация собственности носила частный характер, что противоречило обобществлению про-

изводства.

И только со середины прошлого века, наряду с частной (индивидуальной, акционерной, государственной) формой собственности, начинает пробивать себе дорогу тенденция развития форм собственности работников на средства производства как мировая тенденция. Последняя в перспективе будет развиваться, однако всегда будет оставаться при капитализме второстепенной при преобладающей роли капиталистической собственности (частной или корпоративной).

При социализме в условиях власти трудящихся на первых порах главными будут общенародная (в форме государственной) и коллективная формы собственности, между которыми будут существовать определенные противоречия. При этом государственная собственность будет управляться трудящимися опосредовано через выборные и исполнительные лица, и она будет носить реально общенародный характер в той мере, в какой она будет подконтрольна обществу и в какой мере она будет служить интересам трудящихся. Здесь самоуправление трудящихся, как способ избавления их от эксплуатации, носит опосредованный характер. Эта опосредованность содержит возможность бюрократических извращений самоуправления, что определяет его незрелость и неполноту.

Обобществление общенародной собственности будет происходить также путем превращения государственных предприятий в народные предприятия, в наибольшей мере объединяющих личные, коллективные и общенародные интересы. Что же касается коллективных форм собственности, где самоуправление носит непосредственный характер, то по мере его развития будет происходить интеграция, обобществление коллективных форм собственности. Когда же это обобществление достигнет общенародного уровня, самоуправление трудящихся станет средством полной реализации общенародной собственности в интересах трудящихся. В каждый же данный момент соотношение государственной и коллективных форм собственности, их структура является объективно определенной и зависит в решающей степени от уровня обобществления производства, с одной стороны, и обобществления собственности на основе развития самоуправления трудящихся, их способностей и потребностей, - с другой.

ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА

Господство общественной собственности на средства

производства и самоуправления трудящихся определяет главную направленность общественного производства - непосредственно на удовлетворение нужд человека.

В то же время современное производство порождает тенденцию к всестороннему развитию работника. Реализация этой тенденции определяет главное содержание высшей цели социализма и главную направленность удовлетворения потребностей людей.

С учетом этого, высшую цель социализма, по словам В.И. Ленина, можно определить как неуклонный рост жизненного уровня народа и свободное всестороннее развитие каждого члена общества.

Высшая цель социализма существенным образом изменяет критерии и оценки деятельности людей. Мерой прогресса общества становится человек со всей гаммой свойств и сторон его развития. Содержание цели социализма определяет главные критерии, показатели эффективности прогресса общества: рост жизненного уровня народа, полная занятость трудоспособного населения, уровень долголетия, всестороннее развитие членов общества, развитие демократии в обществе и т.п. При этом рост прибыли предприятий становится средством достижения высшей цели, тогда как при капитализме это было самоцелью.

Следует отметить, что капитализм уже сейчас в промышленно развитых странах мира в определенной мере решает задачу удовлетворения материальных потребностей для большинства населения. Что же касается свободного всестороннего развития всех членов общества, то он всячески тормозит развитие этого процесса. Культивируется пересыщение физических и других потребностей низшего порядка, индивидуализм с образом жизни человека, ограниченного его личными интересами, что в конечном счете приводит к деградации личности. Всестороннее развитие человека опасно для капитализма, так как в конечном счете оно неизбежно приводит к осознанию человеком своего места в обществе, к развитию потребности его участия в управлении делами производства и распределения, а это подрывает власть капитала.

В этих условиях эта объективная тенденция пробирает себе дорогу весьма своеобразным, разрушительным образом – через моральную деградацию населения, с огромным размахом алкоголизма, наркомании, сексуального насилия и самоубийств. Это особенно наглядно демонстрирует современная Россия в период реставрации капитализма.

В СССР государство в основном проводило политику на всестороннее развитие всех членов общества. Об этом

свидетельствует прежде всего структура затрат на личное потребление. За счет государства полностью или в большей части обеспечивалось удовлетворение потребностей в таких дорогостоящих предметах потребления и услугах первой необходимости как жилье, коммунальные услуги, здравоохранение и др., а также услугах, направленных на всестороннее развитие человека, как образование, культура, наука и т.п. Этому способствовала и система образования в средних и высших учебных заведениях, отличающаяся широтой и универсальностью, так как обеспечивала изучение дисциплин, охватывающих основные сферы и стороны природы и общества. На это была направлена и официальная идеология государства, которая в качестве главных приоритетов в жизнедеятельности человека выдвигала труд и всестороннее его развитие.

Однако, относительно низкий уровень удовлетворения материальных (физических) потребностей большинства населения отвлекало силы и средства людей от их духовного развития, являлось главным тормозом перехода на качественно более высокий уровень их всестороннего развития. Бюрократизация общественной жизни, расхождение между официальной коммунистической идеологией и реальным образом жизни коррумпированных чиновников, армия которых все более разрасталась, командный стиль в производстве, подавляющий творческую инициативу трудящихся, не способствовало быстрому превращению коммунистических идеалов в реальность, сеяло апатию, неверие и скептицизм.

И все же главная тенденция всестороннего развития большинства людей была преобладающей. Советский строй создавал нового человека, человека коллективиста, интернационалиста, с высшими духовными и моральными качествами.

ПЛАНОМЕРНОЕ ВЕДЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Устойчивая мировая тенденция ускоренного обобществления современного производства и централизации собственности порождает весьма существенную объективную тенденцию - **планомерное ведение всего народного хозяйства**. При социализме планомерность становится одной из главных его основ в качестве главного способа функционирования социалистической экономики.

В настоящее время практически во всех экономически развитых странах мира государственное планирование и регулирование в тех или иных формах, в большей или меньшей мере охватывает значительную часть экономи-

ки. . Отказ от планомерного государственного регулирования экономикой неизбежно приводит к разрыву хозяйственных связей, к развалу всей экономики, как это случилось в России в период реставрации капитализма. Уровень развития планомерности определяется степенью обобществления производства и собственности и совершенствованием механизма ее использования. Однако, капитализм может дать планомерность лишь в качестве его отдельных элементов (пусть даже очень важных), более или менее развитых форм, но никогда - в полном виде.

И только при социализме планомерность может функционировать как целостная система, охватывающая все производственно-хозяйственные, экономические и социальные отношения, и обеспечивающая прямые и обратные связи, в частности, между субъектами хозяйствования и центральными органами управления..

Исключительно велика роль планомерного, сознательного начала в самоуправлении трудящихся. Последнее может быть эффективным, если оно с самого начала сознательно организовано и планомерно регулируется. Прав был В.И.Ленин, когда писал, что социализм силен сознательностью масс. Именно сознательная активность трудящихся в управлении производством и обществом является главным условием победы социализма.

Для этого, прежде всего, необходимо наладить обучение рабочих науке и искусству управления. Без этого обойтись нельзя. Даже на Западе в капиталистических странах, например, при организации предприятий с собственностью работников все члены трудового коллектива проходят длительное обучение по освоению новых отношений. В России, начиная с 1918 г., накоплен огромный опыт по обучению рабочих рабочему контролю. В различных школах и на курсах по рабочему контролю рабочих обучали организации производства, бухгалтерии, анализу балансов калькуляции и коммерческой арифметики, финансам и политической экономики. По мере повышения уровня обучения, освоения и накопления опыта рабочих по управлению производством развиваются и реальные отношения самоуправления, происходит переход их на более высокую ступень, на более совершенные формы. Причем дело не ограничивается только предприятием, на котором работают данные работники. Они, кроме того, должны осознать и освоить отношения между предприятиям, всех других уровней хозяйствования и управления, научиться непосредственно или опосредовано через выборные органы участвовать в решении вопросов этих уровней.

Сознательно и планомерно организуется самоуправление трудящихся и как единая система в масштабах всего общества.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Новые отношения в социалистическом производстве, исключающие эксплуатацию человека человеком, определяют новые отношения в распределении, прежде всего действие **принципа распределения по труду**. Главное в этом принципе - трудовой характер отношений распределения, исключающий паразитизм и эксплуатацию, в отличие от распределения по капиталу при капитализме. В условиях распределения по труду доходы работников не ограничиваются стоимостью рабочей силы, как при капитализме, а находятся в прямой зависимости от результатов их деятельности. В этом состоит высший экономический смысл социальной справедливости при социализме. В то же время существующий уровень развития производительных сил, не обеспечивающий в достаточной мере удовлетворение разумных потребностей всех членов общества, обуславливает (требует) дифференциации их доходов в соответствии с трудовым вкладом, а, следовательно, неравенство в потреблении. Однако эта несправедливость регулируется их участием в распределительных отношениях.

В СССР распределение в основном осуществлялось по труду. Отсутствие эксплуатации уже предопределяло трудовой характер дохода, подлежащего распределению. Дифференциация в оплате труда работников производилась на основе вложенного труда каждым в соответствии с различными тарифными и премиальными системами.

В то же время существовало определенное выравнивание в доходах, которое обычно называют уравниловкой. Это объясняется, во-первых, недостаточной величиной общего дохода, подлежащего распределению, что не позволяло намного больше увеличить максимальный уровень доходов, не снижая минимальный уровень оплаты ниже прожиточного минимума, во-вторых, существовало ложное понимание социальной справедливости как равенство в доходах, что также способствовало выравниванию доходов работников различных уровней квалификации. В этих условиях для повышения материальной заинтересованности высшего управленческого персонала предприятий и организаций существовали различного рода дополнительные доплаты и доходы. Их источниками на предприятиях было множество специальных фондов (на крупных в последнее время доходило до 10 и больше), в

частности, за сбор металлолома, по новой техники, по научной организации труда и др.; для работников высших органов власти – специальные распределители и т.п.. Так как выплаты из этих источников носили, как правило, скрытый, бесконтрольный характер, то размеры их часто превышали разумные границы, выдавались не по труду, а по признаку принадлежности к номенклатуре, пополнялось число льготников, обсуживающих номенклатуру. Все это сеяло недоверие со стороны рядовых работников к руководству, к власти; не способствовало росту заинтересованности в труде ни тех, ни других.

В этих условиях руководящая элита и их прислужники всегда стремились избавиться от какого-либо контроля – рабочего, народного, финансовых органов и т.п. и обрести свободу присваивать произведенный общими усилиями продукт и распределять его с учетом прежде всего собственных интересов. Поэтому именно эта элита – директора предприятий, руководители высших партийных, советских и хозяйственных органов стали главной социальной базой и поддержкой государственного переворота в 1991 г., а затем и реставрации капитализма в России.

РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Товарно-денежные отношения при социализме сохраняются. Главная причина их сохранения состоит в относительной обособленности коллективных и частных предприятий, что, в свою очередь, в конечном счете связано с относительно недостаточным уровнем развития работника, самоуправления трудящихся. Принципиально важным является то, что их место и роль при социализме существенно изменяются. При капитализме рыночные отношения образуют основную ткань всех его отношений и являются главным регулятором производства со стихийным характером, с огромными потерями общественного труда, конкуренцией с ее не только экономическими, но и физическими методами уничтожения противника. Они также служат главной средой и средством эксплуатации трудящихся. При социализме планомерное, сознательное регулирование производства для достижения цели социализма превращает товарно-денежные отношения в инструмент развития социалистической экономики. В то же время, конечно, нельзя сбрасывать со счетов, что именно рыночные отношения при свободном их развитии неизбежно порождают условия для возникновения капиталистических отношений. На социализм они работают в той мере, в какой они познаны и в какой планомерно регулируются. Однако, при любых обстоятельствах, говоря о

соотношении планомерности и рыночных отношений при социализме приоритет всегда оставался за планомерностью. В связи с этим социалистическую экономику можно характеризовать как планово-рыночную. По мере развития современного производства соотношение между планомерностью и рыночными отношениями изменяется в сторону усиления планомерности. Изменение этого соотношения все более приобретает силу объективной мировой тенденции и служит одной из базовых основ созревания социализма в мировом масштабе. Таким образом проблема состоит не в том, чтобы полностью, одним махом исключить при социализме товарно-денежные отношения, а в том, чтобы научиться управлять ими в интересах всех трудящихся и создавать условия для их сокращения, отмирания и расширения планомерных.

Блестящим примером использования рыночных отношений для достижения целей социалистического строительства была новая экономическая политика в СССР в 20-х годах. С таким же успехом она применяется и в настоящее время в Китае. Однако, было бы неверным связывать успешное развитие экономики Китая только с расширением и использованием рыночных отношений. Здесь более существенную роль играет планомерное регулирование как экономики в целом, так и рыночных отношений в частности, на основе господства общенародной собственности на средства производства, а также расширение сферы народных предприятий, работающих на основе самоуправления их трудовых коллективов. В перспективе роль базовых факторов развития экономики социализма будет возрастать, а рыночных, соответственно, падать.

В связи с этим неправомерной является представление части сторонников самоуправления о социализме как сочетании народных самоуправляющихся предприятий и рыночных, свободных связей между ними. (В частности, эту позицию занимает Российская партия самоуправления трудящихся). По их мнению участники рынка полюбовно в общих интересах могут договориться между собой о справедливых ценах, о честной конкуренции при сохранении отношений самоуправления на предприятиях. В действительности в условиях свободного рынка не только никогда не существовали, но и быть в принципе не может ни честных рыночных связей, ни справедливой конкуренции. Свободные (стихийные) рыночные отношения – это область отношений естественного животного мира с его жестокой борьбой за выживание ни на жизнь, а на смерть. Законы свободного рынка противоположны законам самоуправления. Поэтому свободные рыночные от-

ношения разрушительным образом воздействуют на народные предприятия, основанных на самоуправлении, как на инородное им тело. Они вносят элементы эксплуатации, во-1-х, между предприятиями: одни предприятия в силу ряда рыночных обстоятельств всегда присваивают часть дохода другого предприятия, сверх своего трудового вклада; во-2-х, внутри предприятия: всегда выделяется группа управленцев, которые оказывают решающее влияние на выживание и успех предприятия и, используя свое монопольное положение, так или иначе, теми или другими способами и каналами присваивают себе часть общего дохода сверх своего трудового дохода. Исключить эти негативные воздействия рыночных отношений в современных условиях можно только путем сознательного, планомерного их регулирования в интересах всех участников этих отношений.

В то же время планомерность, самоуправление трудящихся обеспечивает лишь способ и направленность функционирования и использования товарно-денежных отношений, но она не устраняет главных причин их сохранения. Поскольку такими причинами в конечном счете являющийся недостаточный уровень развития работника, самоуправления трудящихся, то в перспективе по мере их развития их роль в развитии социалистических отношений будет возрастать, а рыночных отношений, соответственно, будет падать.

НОВЫЕ ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РАЗВИТИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Как известно, в капиталистической экономике одной из главных движущих сил развития является конкуренция между предприятиями, работниками и др. При социализме господство общественной собственности и самоуправления трудящихся и вытекающие отсюда общие цели для всех работников порождают реальный коллективизм с его отношениями сотрудничества и взаимопомощи – новые движущие силы в деятельности людей.

В то же время между членами трудового коллектива и между коллективами предприятий возникают отношения соревнования в достижении более высоких трудовых результатов. Соревнование существенным образом отличается от конкуренции. Конкуренция возникает между частными товаропроизводителями, а ее орудиями, методами борьбы являются не только экономические – снижение затрат, повышение качества продукции и т.п., но и внеэкономические, направленные на уничтожение противника, в т.ч. подрыв, убийства и т.п., чем так богата наша рос-

сыйская действительность. Соревнование между людьми, объединенных общей собственностью и общими целями, исключает насилие и уничтожение соперника и побуждает к опережению в достижении трудовых результатов при определяющей роли сотрудничества и взаимопомощи. Таким образом, соревнование, соперничество, как источник развития по крайней мере всего животного мира, в человеческом обществе, при социализме усиливает свой эффект тем, что, исключая разрушение и уничтожение какой-либо из борющихся сторон, дополняется их сотрудничеством и взаимопомощью, посрамляя хваленную буржуазной идеологией капиталистическую конкуренцию.

ДЕМОКРАТИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ – ДЛЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Модель самоуправления трудящихся как единой системы можно представить следующим образом.

Исходным звеньями этой системы является организация самоуправления трудовых коллективов на предприятиях и населения жилых домов, микрорайонов на территориях. Высшими выборными органами на этом уровне власти являются Советы трудовых коллективов (СТК) на предприятиях и Советы общественного самоуправления (СОС) – на территориях. СТК предприятий и КОС территорий выбирают городские Советы депутатов трудящихся. Последние строятся по двухпалатной системе: первая палата состоит из депутатов, избранных СТК предприятий и организаций, вторая – советами общественного самоуправления населения. Аналогичным образом – на двухпалатной основе – формируются и советы областей, и субъектов федерации, и, наконец, Верховный Совет России.

На всех уровнях управления советы как законодательные органы на договорной основе формируют исполнительные органы – администрацию, деятельность которой они руководят и контролируют. В то же время администрация в рамках договорных полномочий осуществляет свою исполнительную власть, которую она использует для решения поставленных перед нею задач.

Взаимодействие между вышестоящими и нижестоящими органами самоуправления строятся по принципу демократического централизма: вышестоящие органы налагают определенные ограничения в самостоятельности нижестоящих органов, выраженных в законодательных, нормативных актах, с целью учета в деятельности последних интересов первых. Так, например, государство регулирует трудовые отношения внутри коллектива предприятия, направления деятельности по основным видам

продукции (в директивном порядке, через государственные заказы, налоговую политику и др.), регулирует его ценовую политику, взаимоотношения его с другими предприятиями и т.п. В то же время предприятие участвует в составлении планов текущей и перспективной деятельности, как основы государственного планирования; участвует в решении задач, поставленных вышестоящими органами управления.

Развитие демократии при социализме обеспечиваются развитием самоуправления трудящихся. Демократия без самоуправления трудящихся всегда есть демократия для господствующего меньшинства. Самоуправление трудящихся обеспечивает демократию для большинства. Социализм обеспечивает реальные и широкие свободы слова, вероисповеданий, объединений трудящихся, их участия в принятии решений по всем основным вопросам жизни общества. Реальность и гарантии этих свобод основываются на господстве в обществе самоуправления трудящихся.. Самоуправление граждан образует прежде всего гражданское общество во всем разнообразии его институтов самостоятельности населения. В области государственных отношений на основе самоуправления образуются (выбираются и функционируют) законодательные органы власти. Исполнительные органы формируются законодательными органами и подконтрольны им. Таким образом отношения самоуправления охватывают и государственную сферу отношений. Однако при социализме государство, деятельность его органов управления имеет относительную самостоятельность. Функции и полномочия государственных органов и гражданских институтов различны. Так, функции принуждения и наказания это изначально и в основном прерогативы государства. Однако, границы между ними не являются неизменными и заостренными. По мере развития общества в целом и гражданского в частности полномочия государства, в том числе и карательные функции постепенно переходят гражданским институтам, органам самоуправления. В этом суть постепенного отмирания государства и перехода к обществу полного и непосредственного самоуправления граждан.

Рассмотренные выше черты (принципы) социализма позволяют сделать следующие выводы. Во -1-х, эти черты вытекают из объективных тенденций развития общественных отношений и поэтому являются объективными по своей природе, а их осуществление - неизбежно; во -вторых, все они образуют единую систему социализма, в

которой выделяются базовые отношения – общественная собственность на средства производства и самоуправление трудящихся, из которых с объективной неизбежностью вытекают высшая цель общества, планомерность развития народного хозяйства, распределение по труду. Товарно-денежные отношения при социализме играют роль дополнительного механизма планомерного регулирования социалистической экономики и сохраняются до тех пор, пока для них существуют объективные условия; в-3-х, все черты социалистической направленности существуют при капитализме как отдельные элементы, используются капитализмом в своих целях и поэтому могут развиваться лишь до тех пор, пока это не угрожает устоям капиталистического общества. Условия для полного и беспрепятственного развития элементов социализма в соответствии с их объективной направленностью могут быть созданы трудящимися лишь путем взятия ими государственной власти как инструмента социалистических преобразований.

Однако путь к власти и социалистическим преобразованиям в России вряд ли будет прямым и однозначным. Здесь возможны различные ступени и этапы перехода к социализму, которые определяются сложившимися социально-экономическими условиями в стране.

КЛАССЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ, ЭТАПЫ И ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Реставрация капитализма в России привела к коренному изменению социально-экономической структуры общества. Произошел раскол общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. С одной стороны, - буржуазия, коррумпированное чиновничество, криминал; с другой, - рабочий класс, крестьянство, трудовая интеллигенция. Главными из них являются буржуазия и рабочий класс, противоречие между которыми является основным противоречием общества.

Верхушку буржуазии представляют олигархи капитала, которым принадлежат основные высоты, отрасли народного хозяйства: добывающие, топливно-энергетические, военно-промышленный комплекс, наиболее крупные, высокотехнологичные и наукоемкие предприятия, определяющие научно-технический прогресс, и т.п. и поэтому они играют решающую роль в хозяйственной жизни страны. Второй силой эксплуататоров является бюрократия в части ее коррумпированного чиновничества, ядро которой составляют высшие государственные чиновники., своего рода олигархи власти.

Во взаимоотношениях буржуазии и бюрократии в современной России существует определенная аналогия с дореволюционной царской Россией. Сейчас, как и тогда, буржуазия получила свободу своего развития сверху, что называется из рук государственной бюрократии, и это определило ее зависимость от последней, ее поведение как слабой и трусливой. Феодальные, паразитические пути, которыми бюрократия обволакивает буржуазию, являются главным тормозом капитализма в России и в настоящее время. В частности, чрезмерные налоги, налагаемые государством на доходы предприятий, подрывают стимулы буржуазии вкладывать капитал в отечественное производство, что является одной из главных причин огромного вывоза капитала за рубеж при нехватке средств для развития собственного производства. Сейчас бюрократическое государство предпринимает попытки еще большего усиления своей власти. Дело может дойти до установления полицейского режима. В связи с этим правые политические силы – представители крупного капитала – призывают народ поддержать их в борьбе против диктатуры бюрократии. Однако эти друзья народа борются не за народную демократию, а за безраздельную диктатуру буржуазии.

В то же время интересы бюрократия и буржуазия едины в главном и в основном. Когда дело касается создания еще более благоприятных условий для эксплуатации трудящегося народа, борьбы против его сопротивления, они близкими усилиями и в их общих интересах были отпущены на свободу цены в 1992 году и был создан криминальный рынок, посредством которого было разрушено производство и ограблен народ. Обманым путем была проведена грабительская приватизация общественной собственности, допущена купля-продажа земли, введен новый трудовой кодекс, окончательно закабаливший наемного работника и многое другое. Таким образом, противоречия между буржуазией и бюрократией существуют и порой могут быть весьма острыми, но они никогда не доходят до антагонизма, а, наоборот, переходят в согласие в отношении эксплуатации трудящихся. Поэтому для рабочего класса буржуазия и бюрократия – это общий враг, который противостоит ему, начиная от рабочего места, где он эксплуатируется капиталистом, и кончая урезанием политических прав бюрократическим государством и его ограблением коррумпированным чиновничеством.

Эксплуатируемый класс – это прежде всего армия наемного труда, которая включает рабочий класс, крестьянство, трудовую интеллигенцию инженерно-техническую

и гуманитарную. Конечно, облик их в капиталистической России существенно изменился. Произошло расслоение, например, среди рабочих: одни - пополняют армию безработных, другие с высокой квалификацией превратились в рабочую аристократию с собственными интересами, остальные – большинство подвергаются жесточайшей эксплуатации, с нищенской оплатой и практически бесправным положением в производстве.

Положение и расстановка главных классовых сил определяют характер их взаимодействия. Главное противоречие между трудом и капиталом в настоящее время является исключительно острым. Связано это прежде всего с тем, что капитализм в России, кроме своих родовых пороков, которые так пышно произрастают на российской ниве, имеет и свои **особенности**. Во-1-х, - капитализм в России является исключительно **паразитическим и имеет полуфеодальный характер**, так как производимый в стране прибавочный продукт в основной своей части не вкладывается в производство, а паразитически потребляется или вывозится за рубеж. Во-2-х, он имеет **варварски разрушительный характер**. Наемные рабочие эксплуатируются исключительно интенсивно, что при нищенском уровне потребления доводит их до физического истощения и вымирания. Почти до полного физического износа доведены машины и оборудования большинства фабрик и заводов без соответствующего их восстановления. Промышленность и сельскохозяйственная производственная страна доведено до такого состояния, которое сопоставимо с ущербом от войн или стихийных бедствий. Кроме того, российская буржуазия находится в экономической зависимости от Запада и всячески потворствует его интересам. Все это еще больше усиливает процессы паразитизма и разрушения, а Россия все более превращается в сырьевой придаток и должника Запада. Все туже затягивается узел наиболее острых экономических и социальных противоречий в обществе. В последнее время наметился определенный рост в производстве, оживление в экономике. Однако это не меняет общей картины, остроты противоречий и сделанных выводов.

Главная роль в разрушении экономики России, разграбления ее богатств и обнищания народа принадлежит эксплуататорской верхушке, олигархам капитала и власти. Они накинута свои сети на все остальные слои общества, включая малый и средний бизнес. Поэтому противоречие между этой верхушкой и остальными слоями населения выступает на первый план. Отсюда объективная возможность объединения основных слоев населения, включая мелкий и средний бизнес, а также патриотически настро-

енный крупный капитал для решения общенациональных, народно-демократических задач.

В связи с этим существует высокая вероятность того, что революционные преобразования будут проходить в два этапа: народно-демократический и собственно социалистический.

На **первом** этапе народно-демократических преобразований главными целями могут быть:

1. Спасти Россию (прежде всего, ее экономику, государственность) от разрушения, превращения ее в сырьевой придаток Запада, а население - от нищеты и вымирания.

2. Вывести экономику страны из кризиса, обеспечить ее непрерывное, бескризисное развитие на основе НТП.

3. Поднять жизненный уровень народа выше минимально прожиточного уровня и обеспечить его дальнейший непрерывный рост.

4. Обеспечить реальные права и свободы граждан в политической и социально-экономической сферах.

Для достижения этих целей необходимо решить следующие задачи:

1. Устранить господствующую в настоящее время в стране политическую власть, защищающая интересы олигархов и коррумпированных чиновников, и установить истинное народовластие в форме Советской власти, опирающейся на советы трудовых коллективов на предприятиях и советы общественного самоуправления на территориях. В качестве исполнительного органа сформировать Правительство народного доверия.

2. Повысить регулирующую роль государства, прежде всего, в плановом развитии экономики страны с использованием государственных заказов, в ориентации рыночных отношений на социальные нужды населения, в развитии общества на самоуправленческих началах.

3. Произвести коренные изменения в отношении собственности на основные средства производства в направлении формирования основ общенародной собственности и развития производственного самоуправления. Для этого необходимо:

А. Национализировать и передать в общенародную (государственную) собственность все базовые отрасли народного хозяйства: добывающие, топливно-энергетические, военно-промышленный комплекс, наиболее крупные, высокотехнологичные и наукоемкие предприятия, определяющие научно-технический прогресс, а также бюджетобразующие производства алкогольных напитков, табачных изделий и т.п.; Все это позволит увеличить в

несколько раз государственный бюджет страны и направить эти средства на решение насущных задач развития производства и повышение жизненного уровня народа.

Б. Национализировать и передать в общенациональное достояние землю, за исключением дачных и огородно-приусадебных участков.

В. Всемерно способствовать организации (созданию) народных предприятий, работающих на основе самоуправления, как за счет существующих акционерных обществ, обанкротившихся частных предприятий, так и за счет вновь создаваемых.

Г. На частных и частно-акционерных предприятиях ввести рабочий контроль за деятельностью администрации, учредить СТК, а также образовать фонды предприятий за счет прибыли для выкупа в будущем их в собственность трудовых коллективов.

4. Осуществить возрождение и развитие материально-технической базы народного хозяйства по следующим основным направлениям:

А. Поднять неработающие предприятия, перевооружить работающие и создавать новые предприятия на основе новейшей техники.

Б. Воссоздать единый народнохозяйственный комплекс страны, основанного на научно-техническом прогрессе и включающего основные отрасли производства, обеспечивающие самодостаточность экономики, техническую и экономическую независимость страны, господство общенародной собственности на средства производства.

В. Создать наиболее благоприятные условия для развития науки, как одной из первейших производительных сил общества.

Г. Создать систему всесторонней мотивации труда работника как первой производительной силы общества и способствовать ее реализации..

5. Сократить безработицу до минимального уровня, устранить нищету и беспризорность, поднять жизненный уровень большинства населения до минимального, а затем в ближайшей перспективе - до среднепрожиточного уровня. . Обеспечить бесплатное здравоохранение (при сохранении платности на отдельные медицинские услуги), образование, бесплатный доступ к физической культуре и спорту, очагам научно-технического и художественного творчества, доступность всего населения к очагам культуры (кино, театрам, музеям, библиотекам и т.п.). Обеспечить жильем все население за умеренную плату.

В стране имеется достаточно средств, производственного и трудового потенциала, чтобы в ближайшие 2 – 3

года решить эти задачи и изгнать из общества самые позорные его пороки как голод, нищету, беспризорность, безработицу и т.п. и открыть простор всем членам общества для свободной и обеспеченной жизни. На этой основе создать систему всесторонней мотивации труда работника, как главной производительной силы страны.

6. Обеспечить всем гражданам основные политические свободы слова, печати, собраний, объединений, реальное участие в принятии решений по всем основным вопросам жизни общества.

7. Решительно искоренять в обществе преступность, криминал, коррупцию, произвол властных структур.

На втором этапе – осуществляются социалистические преобразования, позволяющие исключить из жизни общества эксплуатацию человека человеком, обеспечить реализацию высшей цели общества.

Однако, еще до взятия трудящимися политической власти существующие в России политические условия, законодательство позволяют решать ряд важных вопросов, осуществлять преобразования в русле указанных выше задач. Конечно, ни одна из этих задач не может быть решена до конца при существующем режиме или изменить этот режим по существу. Но это позволяет заложить отдельные элементы, условия для решительных революционных преобразований после взятия власти, настраивает трудящихся на созидательные действия, учит борьбе, позволяет накапливать опыт борьбы и созидательных действий.

По каким же направлениям надо **действовать уже сейчас**? На наш взгляд, необходимо

1. Организовать обучение населения теории научного социализма, основанного на самоуправлении, вести пропаганду этих идей и убеждать население в их преимуществе.

П. Борьба за организацию самоуправления трудящихся во всех его формах (от низших к высшим) в основных сферах общества. Для этого необходимо

А. В производственной сфере:

- на предприятиях частных и акционерных форм собственности - добиваться установления рабочего контроля за деятельностью администрации, учреждения СТК на предприятиях и расширения их полномочий, участия трудовых коллективов в принятии решений по основным вопросам производства и распределения, образования фонда предприятия для выкупа этих предприятий в собственность трудовых коллективов.

- Борьба за расширения сети народных предприятий

путем создания новых и перевода уже существующих предприятий различных форм собственности в народные предприятия, в первую очередь – желающим и готовых перейти на эту форму, незаконно приватизированных, которые обанкротились и им грозит закрытие и др. В случаях искусственного банкротства предприятия с увольнением всех работников организовывать захват предприятия его работниками с целью обеспечения дальнейшей непрерывной его работы под управлением трудового коллектива, его выборного органа.

- Способствовать созданию объединений народных предприятий как по технологическому, так и по территориальному признаку.

Б... На территориях:

– Формировать КОС в микрорайонах, кварталах, дворах, домах, как исходные, первичные ячейки территориального самоуправления. и на их основе решать наиболее важные вопросы населения данной территории.

– Через КОСы организовывать выборы вышестоящих органов местного самоуправления районного, городского уровня – Думы, Законодательные собрания и т.п.

На основе этих выборных органов самоуправления необходимо организовывать решение наиболее важных, насущных проблем жизнедеятельности населения, в частности: устранение нищеты и беспризорности, помощи малоимущим семьям, добиваться обеспечения жильем бездомных, сокращения безработицы за счет создания малых предприятий, различного рода кооперативов и т.п.; решать вопросы сокращения затрат на жилищно-коммунальные услуги, используя уже существующий, довольно эффективный опыт через организацию жилищно-коммунальных кооперативов; добиваться улучшения медицинского обслуживания, оздоровления населения, в т.ч. за счет спорта и нетрадиционных новейших систем лечения и оздоровления; ликвидации безграмотности, особенно среди молодежи, налаживания информационной системы; улучшения системы образования; организация различного рода кружков для всестороннего физического и духовного развития как молодежи, так и взрослых; бороться за ликвидацию преступности, беззакония, административного произвола и бюрократического засилья, коррупции и т.п.

Существует огромный опыт как отечественный, так и зарубежный по решению всех этих проблем силами населения. Требуется только воля, желание и организация. .

Ш. Разрабатывать и добиваться принятия правовой базы, законов, обеспечивающих развитие самоуправления

как на предприятиях, так и на территориях.

ОСНОВНЫЕ НАРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ

Революционная практика трудящихся знает два основных пути взятия государственной власти: . через выборы в представительные и исполнительные органы власти и на основе использования революционной ситуации. Первый путь отличается простотой и доступностью, но имеет существенные недостатки, если используется в качестве главного, а то и единственного пути .

Во-1-х, исход выборов, как показывает опыт их проведения в России, здесь всегда предрешен в пользу существующей власти, ибо она использует любые методы фальсификации выборов в случае своего поражения, а в решающий момент может применить и оружие. Честные выборы - это миф для одурачивания народа.. Выборы – это наиболее удобная для буржуазии форма сохранения своей власти. А здесь все средства хороши – от подкупа избирателей до физического устранения конкурента.

Во-вторых, руководители партии и ее подразделений, большую часть времени заседаая в парламентах различных уровней, занимая кресла губернаторов, глав администрации и т.п. объективно отрываются от руководства партией, все больше идут на компромиссы с властью, а то и просто переходят на ее сторону. Рядовые же члены партии в период выборов заняты в предвыборных компаниях, а между выборами практически бездействуют, что весьма пагубно сказывается на идеологии и дисциплине в партии и т.п., на ее авторитет и привлекательность. В-третьих, рабочий класс, уже по своей малочисленности для набора необходимого количества голосов является наименее привлекательным для партии по сравнению с другими более широкими слоями населения как. например,. бедствующая интеллигенция и др. Именно по этой причине партия никак не дойдет до серьезной работы в трудовых коллективах. В- четвертых. Наиболее активным направлением партии в настоящее время является организация протестного движения. Однако его участники обычно представляют социально и политически разнородную, аморфную массу людей, подверженных сиюминутным интересам и способных добиваться только текущих, близких разовых целей. Очевидно, такого рода движения не являются опасными для власти и не представляют какой-либо значимой силы для достижения главной цели партии – взятия государственной власти.

Второй путь взятия государственной власти предпола-

гает использование революционной ситуации, которая неизбежно периодически возникает в любом капиталистическом обществе, а тем более в России. Революционная ситуация может возникнуть по крайней мере в следующих случаях: когда верхи не могут управлять по новому, а низы не хотят жить по старому (это классический случай); когда трудящиеся законным образом через выборы должны получить государственную власть, а существующий режим оказывает сопротивление ее передаче; когда обострение отношений между властью и населением порождает (провоцирует) народное восстание (как это было, например, в сентябре 1993 г.), которое охватывает значительную часть населения. Главными средствами борьбы в этих случаях являются всеобщая политическая стачка, всеобщие демонстрации протеста, вооруженное восстание против незаконных действий правящего режима.

В то же время эти два пути борьбы за власть тесно взаимосвязаны между собой. Так, выборы в местные и областные органы власти, глав администрации городов, губернаторов могут быть использованы для подготовки трудящихся к решительным действиям в момент революционной ситуации. В то же время наступление революционной ситуации и решительное выступление трудящихся против режима может подтолкнуть, вынудить режим на досрочные выборы в парламент и президента страны и в случае победы трудящихся обеспечит мирный переход государственной власти в руки народа.

Однако, для столь решительных активных действий должна быть создана революционная политическая сила, состоящая из людей, убежденных и преданных делу социализма, способных решительно и до конца бороться за государственную власть, а после ее взятия - сознательно осуществлять революционные преобразования.

ГЛАВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СИЛА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕБОРАЗОВАНИЙ

Основное противоречие капитализма между трудом и капиталом указывает на главную силу, антагонистически противостоящую буржуазии – наемных работников. Однако по своему составу они неоднородны. Сюда входят рабочие, инженерно-технические работники, ученые, учителя, педагоги, врачи, управляющие и т.п. Среди них, по Марксу, наиболее революционной силой является рабочий класс, промышленный пролетариат. И сейчас это положение марксизма остается в силе. Рабочий класс является ведущей революционной силой общества по следующим основным признакам:

он является непосредственным производителем материальных благ, составляющих основу жизнедеятельности любого общества;

рабочий класс является средоточием всех наиболее острых противоречий в обществе и в первую очередь и в наибольшей мере испытывает все его тяготы, невзгоды и потрясения;

ему нечего терять, кроме собственных цепей. Он лишен главной собственности в обществе – собственности на средства производства, которая сковала его цепями наемного труда. Сбросить эти цепи является главной исторической задачей рабочего класса;

- он является наиболее организованным и дисциплинированным по природе своей производственной деятельности;

- рабочий класс по своему положению в обществе является наиболее заинтересованным в социалистическом преобразовании общества, наиболее решительным и способным бескомпромиссно идти до конца, до полной победы социализма;

- он является наиболее надежной опорой, союзником для остальных эксплуатируемых масс в их борьбе за освобождение труда, за улучшение своих жизненных условий.

Только в совокупности всех этих признаков рабочий класс выступает в качестве главной революционной силы общества.

В последнее время все больше теоретиков социализма включают в рабочий класс и интеллигенцию - инженерно-техническую, управленческую, научную, а то и гуманитарную - врачей, учителей, называя его современный рабочий класс. Аргументируют это тем, что, во-первых, те и другие являются наемными работниками, и, во-вторых, труд современного рабочего по своему интеллектуальному содержанию все более приближается к труду интеллигенции.

Однако, рабочий класс и интеллигенция – качественно различные слои общества. Инженерно-технические работники, ученые, врачи, учителя имеют, как правило, высшее образование, занимаются умственным трудом, а их деятельность носит интеллектуальный, творческий характер. Поэтому структура их потребностей и интересов в своей основной массе имеет качественно более высокий, скажем, более возвышенный характер, чем у рабочих. Соответственно и образ и уклад их жизни находятся на существенно более культурном уровне. От рабочих они отличаются и по своему более высокому, более устойчивому материальному положению, по перспективам восхож-

дения по должностной лестнице. К тому ИТР включают и высших управленцев, которые по своему социальному положению, доходам, образу жизни значительно ближе к буржуазии, чем к рядовым специалистам. По всем этим главным признакам интеллигенция в своей основной массе (за исключением отдельных или даже многих) склонна к соглашательству, компромиссам с властью и может вносить в революционное движение разброд и шатание. В то же время это работники наемного труда.

Отсюда - двойственное положение интеллигенции, что определяет ее социальное поведение. Интеллигенция участвует в различного рода протестных движениях, которые, как правило, социально разнородны, (включают рабочих, учителей, врачей, мелких буржуа и т.п.), направленные на достижение общедемократических задач, касаются интересов отдельных социальных групп, носят единичный характер. После их завершения участники расходятся по своим политическим квартирам и голосуют на выборах за своих кандидатов в законодательные и исполнительные органы власти.

Что же касается радикальных, революционных выступлений за коренное изменение существующего строя, против администрации предприятий за своевременную выплату и повышение заработной платы, против незаконного увольнения работников, против сворачивания производства и т.п.; выступлений, связанных с лишениями, невзгодами, опасностями для жизни; если речь идет о создании устойчивого, мощного революционного движения, способного смести существующий режим и привести трудящихся к власти, то здесь главной, ударной силой в основном выступают рабочие и прежде всего промышленный пролетариат. Что же касается интеллигенции, то она в своей основной массе может играть роль союзника пролетариата в его борьбе за политическую власть. Но на решающем этапе этой борьбы следует учитывать ее двойственный характер, ее склонность к соглашательству, разброду и шатаниям. Конечно, среди интеллигенции инженерно-технической и гуманитарной, бесспорно, есть личности исключительно и до конца преданные делу социализма. Более того, именно интеллигенция выдвигает теоретиков и организаторов рабочего движения. Однако, речь идет не об отдельных личностях, а о социальном слое, большой группе людей, способных на самостоятельные исторические действия.

Только участие рабочего класса в крупных акциях протеста, революционных выступлениях в качестве главной, ведущей силы может принести окончательный успех.

Однако, эту ударную, революционную силу из рабочего

класса необходимо еще создавать. И это является первой задачей коммунистов, если они на деле хотят выполнять роль авангарда рабочего класса.

Для этого необходимо:

1.- обучить рабочий класс теории научного социализма и убедить его в правоте этого учения. Необходимо решить задачу соединения рабочего движения с научным социализмом.

2. организовывать борьбу рабочих предприятий за передачу их в собственность трудовых коллективов, т.е. борьбу за власть на предприятиях, как промежуточную, исключительно важную и необходимую ступень борьбы трудящихся за государственную власть.

Задача организации борьбы за власть на предприятиях, которые подпадают под Закон о народных предприятиях, реально может быть поставлена уже сейчас. Для других - требуется еще добиваться принятия дополнительных к этому Закону, позволяющих расширить его действие на подавляющую часть предприятий. Возможно, что в качестве промежуточных ступеней перехода предприятий в собственность работников потребуются добиваться принятия законодательных актов о введении на предприятиях частных и акционерных форм собственности рабочего контроля за деятельностью администрации, учреждения Советов трудовых коллективов и расширения их полномочий, об участии трудовых коллективов в принятии решений по основным вопросам производства и распределения; об образовании фондов на предприятиях для их выкупа в собственность трудовых коллективов. Кроме того, необходимо бороться за передачу предприятий в собственность работников тех предприятий, которые потерпели банкротство, вплоть до захвата этих предприятий его работниками и организации их управления собственными силами.

4. Подчинить борьбе рабочих за власть на предприятиях, за передачу их в собственность трудовых коллективов их выступления по более частным вопросам - за своевременную выдачу заработной платы, ее повышение, за улучшение условий труда, против массового увольнения рабочих и сворачивания производства и т.п.

5. В свою очередь, борьбу трудящихся за власть на предприятиях необходимо подчинить их борьбе за государственную власть. В этот единый поток следует вовлечь и различного рода протестные движения. Только в этой единой, бескомпромиссной, систематической и хорошо организованной борьбе можно выковать стойких борцов за социализм, революционную силу, способную не только взять государственную власть, используя выборы или ре-

волюционную ситуацию, но и удержать и эффективно использовать ее как инструмент социалистических преобразований.

Организация рабочего класса в революционную силу в настоящее время, как известно, сопряжена со многими трудностями. В условиях разрушения отечественной экономики, когда большинство предприятий не работают или сократили свои производства, а рабочие оказались или безработными или в большинстве своем получают нищенскую зарплату и к тому же находятся по существу в бесправном положении, в полной зависимости от хозяев - в этих условиях рабочий класс разобщен, деморализован и поэтому плохо осознает свое положение как революционного класса, трудно поддается организации, все реже отзывается на призывы к борьбе за свое освобождение. Однако это не является оправданием для ослабления партийной работы среди рабочего класса. Во-1-х, рабочий класс, промышленный пролетариат существует реально и в необходимом для решающих действий количестве. И не только на крупных уцелевших еще предприятиях, но и на многочисленных средних и мелких предприятиях различных отраслей народного хозяйства. Во-2-х, по мере развития производства, экономического роста он будет иметь все больше возможностей для наращивания своего революционного потенциала.

***Ковалев Аристарх Алексеевич, экономист, дэн,
институт самоуправления. ОНО.***

Главный редактор - В.В.Бурдюгов

Адрес редакции для писем: 125130, Москва,
ул. З. и А. Космодемьянских, 10/12, кв. 168.
Бурдюгову Владимиру Викторовичу.
Тел. (495) 159-21-12
E-mail: com@ultranet.ru

Зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 013009 от 03 ноября 1994 г.

Формат А5. Печать офсетная. 8 печатных листов. Тираж 5000 экз.

Отпечатано в Москве кооперативом "Тематик".

На журнал "Коммунист" можно подписаться в любом почтовом отделении. Журнал включен в Каталог Агентства "Роспечать".

**Подписной индекс нашего журнала -
73539
(подписка с любого очередного номера).**

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

В этом номере:

**Ответ на резолюцию ПАСЕ
от 25 января 2006 года**

***В. Шевелуха* - Теория и опыт Первой
русской революции**

***В. Беленький* - Дорога в никуда и как с
нее свернуть. Критические заметки о
материалах X и XI съездов КПРФ**

2

МАРТ

2006

АПРЕЛЬ